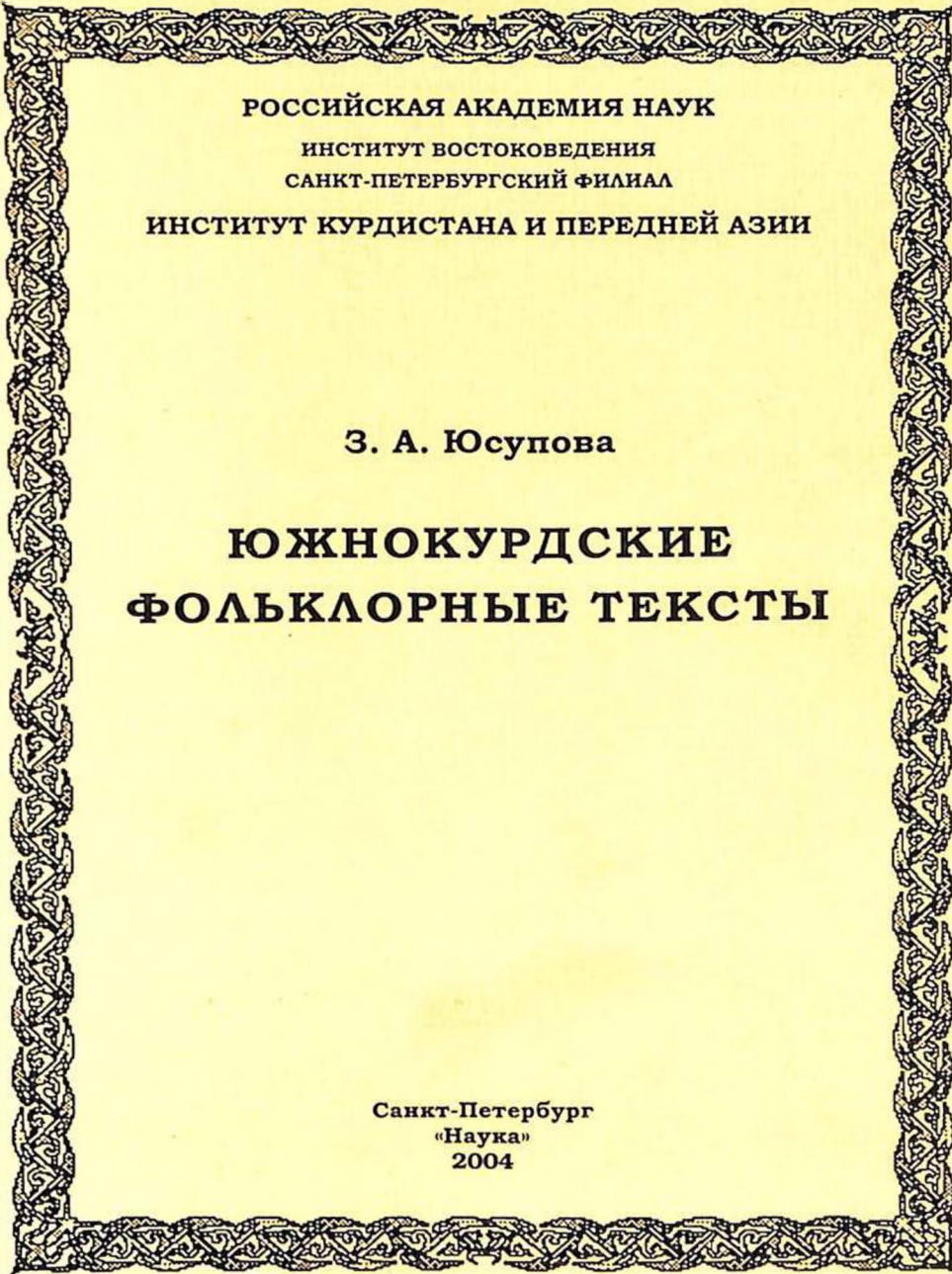

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ
ИНСТИТУТ КУРДИСТАНА И ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ

З. А. Юсупова

**ЮЖНОКУРДСКИЕ
ФОЛЬКЛОРНЫЕ ТЕКСТЫ**

Санкт-Петербург
«Наука»
2004

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ
ИНСТИТУТ КУРДИСТАНА И ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ**

З. А. Юсупова

**ЮЖНОКУРДСКИЕ
ФОЛЬКЛОРНЫЕ ТЕКСТЫ**
(транскрипции, перевод, примечания)

**Санкт-Петербург
«Наука»
2004**

УДК 82:398

ББК 82.3(3)

Рецензенты

доктор филологических наук, проф. *К. К. Курдоев*

доктор филологических наук *И. А. Смирнова*

З. А. Юсупова

Южнокурдские фольклорные тексты (транскрипции, перевод, примечания). — СПб.: «Наука», 2004 — 274 с.

А 51

Предлагаемая работа представляет собой публикацию филологически обработанных фольклорных текстов, отражающих язык различных районов Южного (Иракского) Курдистана. Тексты даны в принятой в отечественном курдоведении латинской транскрипции с русским переводом. В работе отмечены особенности языка фольклорных текстов по сравнению с письменным (литературным) вариантом того же ареала.

Построенная на большом фактическом материале, включающем разные жанры курдского устного народного творчества, работа содержит ценные сведения не только по языку, но и по еще недостаточно изученному фольклору и этнографии курдов. В книгу включены впервые публикуемые в переводе на русский язык образцы многожанрового курдского фольклора из различных сборников, изданных в Ираке, а также ранее не публиковавшиеся материалы.

Она может быть использована в востоковедных вузах, а также специалистами, занимающимися проблемами курдоведения.

ISBN 5-02-027014-8

© З. А. Юсупова, 2004

© Издательство «Наука», 2004

ПРЕДИСЛОВИЕ

Курдское народное творчество, богатство жанров и высокие художественные достоинства которого отмечали многие исследователи (Н. Я. Марр, И. А. Орбели, К. К. Курдоев, М. Б. Руденко и др.), еще недостаточно изучен. Между тем курдский фольклор, по выражению В. Никитина, являет собой «неистощимый источник сведений о жизни курдов», всестороннее исследование которого остается одной из актуальных задач современного курдоведения.

Первые публикации образцов устного народного творчества курдов относятся к середине XIX в., когда европейские ученые приступили к изучению курдского языка. К настоящему времени курдоведение располагает десятками сборников, содержащих как повествовательные (сказки, мифы, предания, анекдоты, пословицы и поговорки, народные поверья), так и песенные жанры (лирические, эпические, обрядовые, плясовые, шуточные и др.).

Предлагаемая читателю книга представляет собой систематизированные и филологически обработанные фольклорные тексты, отражающие язык различных районов Южного (Иракского) Курдистана. Основная часть включенного в работу текстового материала отобрана из опубликованных в Ираке сборников устного народного творчества, среди которых выделяются:

1. «Rîştey mîrwarî» («Жемчужное ожерелье») — многотомный труд А. Суджади, содержащий сказки, разного рода истории, забавные рассказы, народные поверья [Sicadî 1957—1958].

2. «Pendî pêşînan» («Назидания предков») — пословицы и поговорки, собранные М. Халом [Xalî 1957].

3. «Folklorî honrawekanî kurdî» («Курдский песенный фольклор»), включающий песни разных видов, а также загадки и пословицы. Составитель — М. Шариф [Şerîf 1974].

4. «Kakoîzêrîn u Danmîrwarî» («Златочубый и Жемчужнозубая») — три сказки, опубликованные Н. Амином [Emîn 1965].

5. «Şewçere» («Ночное угощение») — забавные истории, собранные Т. Хвези [Xwêzî 1970].

6. «Melay meşhûr» («Известный Мулла») — анекдоты о Мулле-Насреддине. Составитель Г. Мукриани [Mukrîanî 1971].

Помимо указанных источников некоторые материалы были извлечены из курдской периодической печати — отдельных номеров газеты «Жин» («Jîn»). В сборник вошли также тексты сказок о животных, любезно переданные нам для публикации Курдистан Мукриани [Mukrîanî K.], занимающейся сбором курдского фольклора.

Настоящие тексты, впервые публикуемые в латинской транскрипции и с русским переводом, представляют большой интерес как в плане лингвистическом, так и фольклорно-этнографическом. Отражая не только диалектные, но и говорные различия, тексты дают новый материал для дальнейшего изучения взаимоотношений курдских диалектов, данные о которых необходимы для воссоздания истории языка, не сохранившего древних памятников письменности.

В отличие от литературного сорани¹ фольклорные тексты сохраняют ряд грамматических форм, отражающих говорные различия внутри южного наречия курдского языка.

В текстах, в частности, обнаруживаются формы косвенного падежа: =î(=y)² — для имен мужского рода ед. ч., =ê(=yê) —

¹ Поскольку в основу современного литературного языка Иракского Курдистана положен сулейманийский говор, то в литературе его часто называют «сулеймани».

² В скобках даны поствокальные варианты.

для имен жен. рода ед. ч. и =î(=y) — для имен как женского, так и мужского рода, оформленных показателями определенности =eke (=yeke//=weke//=ke), =e(=ye) или неопределенности — =êk//=ê (=yêk//=yek) и реже =ek.

Примеры: ke bawkim hesta nwêj-î bikat, pê m gut... (Xwêzî, 25)¹ ‘когда мой отец поднялся, чтобы совершить намаз, я сказал ему...’: hewesyan deçite tirê-y (Xwêzî, 37) ‘им захотелось винограда’; aw-ê lo kepr-ê dê nê (Şerîf, 90) ‘она несет к шатру воду’; řojêk-î mela le gwêy řûbarêk-î danîştibû (Mukrîanî, 9) ‘однажды сидел мулла на берегу реки’; le wê be suwâlker-eke-y deîê (Mukrîanî, 42) ‘там он говорит нищему’.

Тот факт, что имена женского рода при показателях определенности и неопределенности образуют косвенный падеж аналогично именам мужского рода, говорит о сильном ослаблении формы косвенного падежа женского рода. Об этом же свидетельствуют отмеченные случаи употребления показателя косвенного падежа мужского рода вместо показателя того же падежа женского рода и при отсутствии суффиксов (определенности, неопределенности). Ср.: herwa deîwa, lo ser bîr-ê (Şerîf, 54) ‘вот идет она к оврагу’; ew kanîyekey le dew bîr-î (Şerîf, 62) ‘тот родник, что [находится] у оврага’; и gulîm deçand le dewî bîr (Şerîf, 73) ‘я собирала цветы у оврага’ — где показатель косвенного падежа вовсе отсутствует.

Соответственно значительно сужен и круг синтаксических функций имени в форме косвенного падежа женского рода. Если имя в форме косвенного падежа мужского рода в предложении выступает в функциях: прямого или косвенного дополнения, определения и обстоятельного слова, то имя в форме косвенного падежа женского рода преимущественно употребляется в функции обстоятельства (главным образом с локативным значением)²: deçim bo ser kanî-ê (Şerîf,

¹ В скобках указан источник и страница, откуда взят пример.

² Заметим, что в литературном языке, где именная флексия полностью утрачена, целый ряд наречных слов (также с локативным значе-

120) 'иду я к источнику'; *dwênê şew-ê le xewnimda tom dît* (Mukrîanî, 15) 'вчера ночью я видел тебя во сне'.

Зафиксированы случаи употребления имени в форме косвенного падежа женского рода и в функции определения (в изафетной конструкции): *darî lank-ê darhenarc* (Şerîf, 101) 'дерево колыбельки гранатовое дерево'; *de binu kûrpey day-ê* (Şerîf, 103) 'усни же мамин младенец'.

Звательный падеж в текстах представлен формами: *=ê* (*=yê*) — для имен женского рода ед. ч., *=e(=ye)* и редко *=o* (*=yo*) — для имен мужского рода ед. ч., *=îne(=yne)* — для имен мн. ч. безотносительно к роду: *erê kîj-ê bo hende cwanî* (Şerîf, 150) 'девушка, почему ты так хороша'; *da-ye memke lome* (Şerîf, 114) 'матушка, не упрекай меня'; *şwan-e, şwan-e* (Şerîf, 107) '[эй] пастух, пастух'; *kuî-o, dîn-o dê were* (Şerîf, 112) 'парень, безумец, ну иди же'; *bîra-yne* (Sicadî, 82) 'братья!'.

В литературном сорани имена как мужского, так и женского рода в звательной форме имеют показателем *=e(=ye)*, и здесь, как и в формах косвенного падежа, более сильной оказывается форма мужского рода.

В изафетных формах наряду с общим с сорани изафетом *=î(=y)* отмечен также изафет *=ê*, характерный для имен женского рода¹: *ba-yê şemar* (Şerîf, 29) 'северный ветер'; *berdê bîrê çend le lêje* (Şerîf, 7) 'какой крутой камень [y] колодца'.

Тексты содержат случаи флективного оформления указательных местоимений. Например: *qazî wî hemûyan her yeklaqîn* (Xwêzî, 32) 'его утки все одноногие'; *qîskey ewê carê bigêîmewe?* (Xwêzî, 39) 'мне рассказать ты (букв. 'того раза') историю?'; *bêriyê gundê me sêne* (Şerîf, 240) 'в нашей деревне три доярки'.

нием) имеет в своем составе лексикализированный формант косвенного падежа женского рода.

¹ В текстах Д. Н. Маккензи зафиксированы редкие случаи употребления изафета женского рода с именами мужского рода. См. Mackenzie D. N. *Kurdish Dialect Studies*. Vol. 1. L. 1961.

Отклонения наблюдаются и в употреблении местоименной энклитики =ê(=ye)¹. Если в литературном варианте данная энклитика имеет лишь ориентирующую функцию (присоединяясь к предлогам и отдельным глаголам, она указывает на то, что косвенное дополнение в предложении выражено личным энклитическим местоимением или глагольным окончанием)², то в фольклорных текстах она употребляется и самостоятельно (т. е. в собственно местоименном значении) — в функции косвенного дополнения, соотносясь с местоимением 3 л. ед. ч.: gutm-ê bîne maçit kem (Şerîf, 81) 'сказал я ей, давай поцелую тебя'.

В текстах отмечены предлоги we(=be), lo(=bo), de, ĩe и послелог =ge, отсутствующие в литературном сорани.

Глагольные формы имеют следующие особенности:

1. Причастие прошедшего времени помимо суффикса =û (=w), характерного для литературного варианта, сохранило суффикс =î(=y) — общий с курманджи: eminî kuşt-î-ye 'она убила меня' (Şerîf, 53), а также суффикс =ig, общий с сеннеи: axir min bawkim nwêjî kird-ig-e (3, П) 'разве отец мой совершал намаз'.

2. Глагол в форме 3 л. ед. ч. настоящего времени наряду с окончанием =ê(t) имеет окончания =î(t) и =î(t): kabra reşîman deb-it-ewe u degeřêtewe malî birayekey (Xwêzî, 62) 'мужчина раскаивается и возвращается в дом своего брата'; ew xêra deç-ît-e derê (Xwêzî, 63) 'он быстро выходит наружу'.

3. Пассив имеет показателем -r- или группу -dr- (в литературном -r-): boy ezan-dr-ê (Xwêzî, 73) 'ему известно'; le raşda bûkekan le maîe cûtyarewe eb-r-êne maîe padişa (Sicadî, 12) 'затем невест из дома крестьянина перевозят в дом падишаха'.

¹ Форма =ye отмечена с глаголом dan (daye 'я дал ему'). Ср. аналогичное чередование =ê с йотированным =e в формах косвенного и звательного падежей имен женского рода.

² Подробнее об этом см.: [Юсупова 1971].

4. Видо-временной префикс *e=* чередуется с формой *de=* (в литературном *e=*): *şapazî be cwanîy xoyewe de-kird* (Muk-gîanî K., 81) 'она гордилась своей красотой'; *ke eme e-lê...* (4, 37) 'когда он произносит это...'.
 Примечателен отмеченный в текстах пример, в котором каузатив образован от переходного глагола: *herçend kirdim u kir-and-im hîçî tirî nexward* (6, 76) 'как я ни старался и [ни] заставлял, ничего больше он не съел'.

В фонетике привлекают внимание случаи замены:

а) веляризованного $\bar{I}$ на палатализованный $\bar{r}$ (*ma $\bar{I}$* — *mar*, *le ge $\bar{I}$* — *le ger*, *gu $\bar{I}$* — *gur*);

б) айна на верхнефарингальный $\bar{h}$ ('*eba* — *ĥeba*, '*asman* — *ĥesman*);

в) смычного аффриката ζ на щелевой *s* (*deçite* — *desite*);

г) увулярного *q* на заднеязычный *k* (*liq* — *lik*).

Кроме того, отмечены отсутствующие в литературном сораани межзубные согласные ζ и ζ .

Таковы в общих чертах выявленные грамматические особенности фольклорных текстов, позволяющие сделать следующие выводы:

1. Фольклорные тексты, в отличие от литературного сораани, сохраняют категорию рода, выраженную в формах косвенного и звательного падежей и отчасти в изафетных формах.

2. По ряду грамматических признаков фольклорные тексты смыкаются с курманджи (сохраняя, например, такие формы, как причастие на $=\bar{i}$, неопределенный артикль $=ek$, а также выражающие категорию рода падежные и изафетные формы).

3. Тексты свидетельствуют не только о взаимосвязях курдских диалектов, но и об общих тенденциях развития курдского языка (утрата именной флексии и нейтрализация падежных и родовых различий).

Помимо чисто языкового материала фольклорные тексты содержат интересную информацию о культуре, нравах и обы-

чаях курдов, их религиозных воззрениях. Они знакомят нас с животным и растительным миром Курдистана, его топонимикой. Из текстов мы, в частности, узнаем, что курды издавна разводили крупный и мелкий рогатый скот, занимаясь одновременно земледелием (выращивали пшеницу, ячмень, рис, горох, просо, чечевицу, бахчевые культуры) и садоводством. Ценными в этом отношении представляются данные, приводимые в текстах А. Суджади [Sicadî 1958—1959], где подробно перечисляются районы разведения различных видов домашних животных. Так, в Малване (Malwan)¹ разводили коров (manga), в Ладжане (Lacan) — овец (meṛ), в Аврамане (Hewraman) — ослов (ker), причем ослов-самцов (nêreker) разводили в Джаваро (Cawewo), а самок (maker) — в Абладже (Ablas). Далее, пишет автор, племя джаф (caf) занималось разведением лошадей (esp), мукринцы (mukrî) — буйволов (gamêş). В Маргавуре (Mergewir) разводили ягнят (berx), в Керманшахе (Kirmanşah) — петухов (keleşêr), в Квестане (Kwêstan) — лис (gêwî), в Хавшаре (Hewşar) — собак (seg) и т. д.

В этой же работе мы находим сведения относительно того, какими культурами или каким видом хозяйства славился тот или иной район Курдистана: в Шаразу (Şarezû) выращивали хлопок (loke), в Шавире (Şawir) — табак (tûtin), в Майдаште (Mayedeşt) — пшеницу (genim), в Гармиане (Germyan) — ячмень (co), в Дака и Акре (Deke, Akre) — рис (birinc), в Нискаве (Niskawê) — чечевицу (nîsk), в Мариване (Merîwan) — просо (herzin). Гален (Gelên) славился своими тутовниками (tû), Хашамер (Heşemêr) — орешниками (gwêz), Режав (Rêjaw) — инжиром (hencîr), Саранве (Serenwê) — виноградниками (tirê), Калачулан (Qelaçulan) — арбузами (şûtî), Мукрийан (Mukrîyan) — дынями (kelek), Назанин (Nazanîn) — гранатами (henar), Сардашт (Serdaşt) — яблоками (sêw), Долав (Doław) — вишнями (gêlas), Мандали (Mendelî) — финиками (xurma), Ба-

¹ Географические названия, как и названия племен, приводятся в их курдском произношении.

не (Bane) — манной (gezo)¹, Шаматринка (Şametrinke) — медом (hengwîn) и т. д.

Из того же источника мы узнаем о некоторых видах ремесел, имевших распространение в Курдистане. Так, Бане (Bane) славился изготовлением мечей (xencer), Сакыз (Seqiz) — курительных трубок (sebîl), Халадан (Heĭeden) — ложек (kewçik), Биджар (Bîcar) — молитвенных ковриков (beĕe), Авраман (Hewtaman) — *кылашей* (kileş), Сенне (Sine) — *горави* (gorewî), Сулеймани (Silêmanî) — головных уборов (kilaw). Мангуры (menguĭ) занимались изготовлением поясов (piştên), а шекаки (şikak) — тюрбанов (ser-u-rêç) и т. д.

Интересный материал дает извлеченная из текстов местная календарная терминология, появление которой, судя по названиям, связано с особенностями природных условий различных районов Курдистана. Так, например, первый месяц весны (и года), известный как «навроз» (newtōz/newtōj/nwêroz/nwêroj), в одних районах называется darpişkwan/ darpişkêw «распускание деревьев», в других — hermêpişkwan/hermêpişkêw — «распускание грушевых деревьев», в третьих — xakelêwe (букв. 'земля на губах')² и т. д.

Тексты содержат любопытные данные о верованиях курдов, связанных, в частности, с языческими культами. См., напр., тексты 17(I), 36(II)³, где курды представляются идолопоклонниками, или текст 52(II), в котором, хоть и в юмористической форме, говорится о жертвоприношениях дьяволу, совершаемых с целью задобрить его.

Многие исследователи отмечали, что, несмотря на приобщение курдов к исламу, их нельзя назвать ярыми мусульманами. Лучшее доказательство тому — курдский фольклор. Очень показателен в этом отношении текст 37(II), где некий

¹ Выделяется на листьях дуба и желудях.

² Это название, по-видимому, связано с тем, что в этот период пастбища еще покрыты талым снегом, и скот щиплет траву, смешанную с землей.

³ Цифра в скобках указывает на раздел настоящей работы.

курд, которого заставляют совершать *намаз*, с возмущением восклицает: «Разве мой отец или мой дед совершали *намаз*?.. Причем я и причем *намаз*!» В других текстах говорится о том, как за отказ ходить на молитву курдское население облагается разного рода поборами (см.: текст 40[II]).

С религиозными воззрениями курдов отчасти связаны и народные поверья, с некоторыми из которых читатель может ознакомиться в соответствующем разделе.

В текстах находят отражение и любимые развлечения курдов: охота, верховая езда, буйволиные и петушинные бои, различного рода игры, а также песни и пляски, занимавшие особое место в жизни курдов.

В сборник включены разные жанры народного творчества: сказки, анекдоты, афоризмы, пословицы и поговорки, загадки, народные поверья и, наконец, образцы песенного фольклора.

Курдские сказки, помимо шаблонного зачина, «было или не было», нередко начинаются словами: «В сказке [повествуемой у] курдского очага говорится...» В большей части своей сказки очень реалистичны. Они близки к повседневной жизни даже там, где персонажами выступают дивы, драконы, змеи и другие сказочные персонажи. Как и следовало ожидать, в сказках вознаграждаются добро и великодушие, ум и сообразительность, а порою даже хитрость. Сообразительность и ум нередко побеждают силу (см.: Сказки 2, 12, 37), где во всех сложных и, казалось бы, безвыходных ситуациях героев спасает их ум и находчивость. Соответственно наказываются такие пороки, как зло и обман, коварство и жестокость, жадность и особенно глупость. Порицается чванство, хвастовство и лицемерие.

Отражая различные жизненные ситуации, сказки иной раз дают им несколько противоречивую оценку. Казалось бы, в сказке 7 хитрость женщины побеждает воров. Однако в конце сказки она расплачивается за свою лживость, а воры — вознаграждены, т. к. они оказались ловкими и находчивыми. В то же время в другой сказке вор жестоко наказывается за свою глупость.

С признанием силы добра и разума в сказках вместе с тем утверждается всепобеждающая сила провидения, перед которой все бессильно: то, что предначертано судьбой — должно сбыться. «Когда начинает действовать рука провидения, то слепнут глаза, немеет язык и глохнут уши», — так кончается сказка «Советы соловья» (см.: Сказки 9, 10, 16).

Несмотря на то что приведенные здесь сказки составляют лишь незначительную часть богатейшего сказочного фонда курдов, тем не менее и в них мы находим ряд фольклорных мотивов, широко распространенных у большинства других народов. Особенно интересным в этом плане представляется сюжет сказки «Златочубый и Жемчужнозубая», лежащий в основе знаменитой пушкинской «Сказки о царе Салтане»¹. Привлекают внимание и мотивы, связанные с образом змеи (дракона), встречающемся в армянском, мидийском и скифском фольклоре. Надо сказать, что змея в курдском фольклоре нередко олицетворяет доброе начало (см.: Сказки 2, 5, 15).

Любопытны и сказки, героями которых выступают животные. В основном это малая повествовательная форма поучительного или назидательного характера, близкая к притчам (см.: Сказки 19—23).

Особое место в курдском фольклоре занимает жанр анекдота. «Это, — по определению специалистов, — короткая комическая история, искрящаяся блеском народного остроумия, чрезвычайно меткая и выразительная по языку» [Хазнадар 1967. С. 15]². В анекдотах обычно находят отражение реальные события, и герои их чаще всего реальные лица. Поэтому они изобилуют собственными именами, названиями племен, географическими названиями, указывающими на место действия (упоминаются города, деревни, горы, реки и

¹ Вариант сказки имеется и на северном диалекте — курманджи [Руденко 1970. С. 147].

² Часть курдских анекдотов (из сборника А. Суджади) в русском переводе опубликована автором настоящей работы [Юсупова 1996].

даже источники). Среди действующих лиц мы встречаем правителя и везира, феодала и крестьянина, хозяина и слугу, пастуха и подпаска, музыканта и плакальщицу, муллу и *факе*, ткача, купца, банщика, мошенника, вора, бедняка Аха-Кырну¹ и, наконец, всем известного «курдского» Муллу-Насреддина. Героями многих анекдотов являются женщины, в остроумии и сообразительности ничуть не уступающие мужчинам.

Пословицы и поговорки — один из древнейших жанров курдского народного творчества. Недаром в народе их называют «*pendî rêşînan*», что означает «назидание предков». Поэтому в литературе или устной речи пословицы обычно вводятся словами «*rêşînan wutûwe...*» ([как] говорили предки...).

Курдские пословицы часто рифмованы и отличаются большой лаконичностью. Многие из них обнаруживают смысловые аналогии с пословицами других народов мира, сохраняя при этом свою самобытность и специфику (в структуре, в наборе реалий, языковых средствах).

В пословицах находят отражение все стороны жизни народа, его моральные, философские и эстетические нормы. Как и в сказках, в них порицается подлость, бесчестие, жестокость, лживость, жадность, хвастовство и лицемерие. Ср., напр.: «ловит усталую газель» (т. е. бьет лежачего), «напьется крови и не охнет» (о жестоком человеке), «не ходит по большой нужде, дабы не проголодаться» (о жадном человеке), «от этой грязи только пыль и поднимается» (о подлом человеке), «с овцой плачет, а с волком мясо ест» (о двуличном человеке), «ложь до сердца не доходит» и т. д.

В других пословицах утверждается добро и бескорыстие («светильник себе не светит», «добро рождается добром»), великодушие («накорми собаку ради ее хозяина», т. е. прояви

¹ Популярный герой курдских городских анекдотов.

великодушие к дурному человеку ради достойного), ум и находчивость («смекалистость — слаще изюма»), честь и благородство («лучше есть золу от своего очага, чем чужой плов», «[пусть] сломит меня лев, но не съест лиса», «лучше продать что-нибудь, чем просить милостыню»), гостеприимство («гость — праздник для хозяина»), дружба, верность («друг тот, кто заставляет меня плакать, враг тот, кто заставляет меня смеяться»).

Немало пословиц посвящено вопросам воспитания молодого поколения, отношениям между родителями и детьми: «пока теленка превратишь в быка, кровь свою превратишь в воду» (т. е. трудно вырастить ребенка), «привычка, полученная с молоком матери, не утрачивается до старости», «да не умрет приказчик, а умрет слуга» (т. е. смерть младшего лучше смерти главы семейства), «если прут не мокрый, он не гнется» (т. е. воспитывай сызмальства), «взрослый прольет воду, а малый ступит в нее ногой» (поступки детей определяются действиями взрослых) и т. д.

Значительная часть пословиц воспеваает труд: «усталые руки — на сытом желудке», «кричит, но не летает» (т. е. много шумит, но мало делает), «лучше головная боль от непосильного труда, чем безделье», «ерзаньем на одном месте Багдада не возьмешь» (т. е. большие дела легко не даются), «грузит орехи, [а] шума не слышно» (о ловком работнике) и т. д.

Не менее самобытны нуждающиеся в специальном исследовании устойчивые сравнения-поговорки (метафоры), а также афоризмы и разного рода изречения, имеющие иную языковую и логическую структуру, нежели пословицы. В них особенно ярко находят отражение своеобразие восприятия окружающего мира, образность мышления и выразительность языка. Напр.: «отправился есть финики» (т. е. умер), «как детеныш утки» (об отбившемся от дома ребенке), «не смазывай мне усы чесноком» (т. е. не обманывай меня), «обмыт в семи водах» (т. е. приукрашен), «рот его полон крови» (о человеке,

пережившем большое горе), «чашу наполнил его кровью» (т. е. оклеветал его), «словно мельница, к которой не поступает вода» (о беспросветной бедности), «мягче земли» (об очень добром человеке). Или еще: «как курица мельника» (о человеке, который кормится за счет других), «так похудел, [что даже] собаки при виде его закрывают глаза» (о тощем человеке), «все ослята от одной ослицы» (ср.: «одного поля ягода»), «собака хозяина своего не узнает» (о разорившемся доме), «пльва за уши дерет» (об очень смелом человеке), «прыгнул в пустую яму» (т. е. умер) и т. д.

Загадки — еще менее исследованная форма курдского народного творчества. В наших материалах, извлеченных из сборника М. Шарифа [Şerîf 1974. С. 11—20], они представлены стихотворными структурами от двух до четырех строк — часто с неожиданной для нас разгадкой. Напр.: «заснет — бык, проснется — гора» (шатер), «нет ни ног, ни пяток у нее, [но] каждый дом знает ее» (ручная мельница), «четыре брата одной реки пускают стрелы в одно озеро» (коровье вымя при доении) и др.

Необычайно интересны народные поверья, впервые опубликованные в книге А. Суджади [Sicadî 1958. С. 5—23]. Опирающиеся на многовековой жизненный опыт и наблюдения, поверья, в сущности, характеризуют и объясняют то или иное явление природы, диктуют правила и норму поведения в той или иной ситуации. Напр.: «говорят, если солнце вечером садится в тучи, значит быть дождю», «говорят, стричь ногти ночью — не к добру», «говорят, есть дыню с медом — очень вредно», «говорят, если у женщины развязался платок, жди гостя» и т. д.

Песенный фольклор курдов в настоящей работе представлен лишь некоторыми (менее известными) его видами — лирическими, шуточными, плясовыми, а также обрядовыми песнями, извлеченными из упомянутого сборника М. Шарифа. Особый интерес представляет цикл песен, исполняемых во

время полевых работ (сбора урожая, косьбы, жатвы, молотыбы и т. д.), дающих ценный этнографический материал.

Большим разнообразием отличаются плясовые песни. Достаточно сказать, что М. Шариф приводит свыше сорока названий курдских танцевальных песен: *tembolê, sêpêyî, suskeyî, çoreyî, şêxanî, ayşokî, şemroke, dûpêyî, mincolî, şingarî, sengînsema, semay koçerî, gulşênî, bêlanê, bablekan, govend* и др.

Не менее интересны и не вошедшие в наш сборник песни, связанные со свадебными обрядами, похоронные и религиозные песнопения, которые, однако, как, впрочем, и все остальные жанры курдского песенного творчества, нуждаются в глубоком и всестороннем исследовании.

В заключение считаю необходимым выразить свою признательность Н. Г. Сафоновой за помощь при подготовке рукописи к печати.

ТЕКСТЫ

I. ÇÎROK

1. KAKOLZÊRÎN U DANMIRWARÎ

1. Le çîrokî gwêagirdanî kurdewarîda egêrînewe, elên: padşayêk bûwe, sê kuñ hebûwe. Kuřekanî katî jinhênanyan bûwe. Le şarekey padişada kabrayêkî cûtyar ebê, sê kiçî cwanî bała-berzî şox-u-şengî ebê. Rôjê le rōjan padişa xoy u dest-u-pêwendekey eçê bo şîkar, be rê kewt be bermalî kabray cûtyarda têepeřê. Boçî lew kateda şê kiçe ser le mal nahênne derewe bo ewey kejawey padişa bibînin ke eçê bo raw, eyanbînê u eçin be dilîda u bîryar eda ke le raw geřayewe byanxwazê bo kuřekanî.

2. Padişa le duwa geřanewey le şîkar pîrejinêkî dinyadîde enêrête lay kiçekan heta pêyan bilê: “Eger padişa bitanxwazê bo kuřekanî çî destrengîniyêkî xotanim pê elên, heta biçmewe u pêy bilêm”. Le weramda kiçe gewrekeyan elê: “Eger padişa bîmxwazê bo kuře gewrekey le rîbeyêk birinc sed suwar mîwanî bo be rê ekem”. Kiçe nawendeke elê: “Eger padişa bîmxwazê bo kuře gewrekey le hoqeyêk ben beřeyêkî bo dirust ekem sed kes be rê hetî le serî cêy bibêtewe u hîçyan le hîçyan nekewin”. Belam ke sere dête ser kiçe biçkoleke elê: “Be xwa min xom heřnakêşim, eger padişa bîmxwazê bo kuře biçkolekey kuřekim ebê kakolî wek zêr zerd ebê, kiçêkîşim ebê danekanî wek mirwarî wurd u sipî ebê”.

3. Dapîre heleşte u egerêtewe u gift-u-goy kiçekan egeyênêtewe be padişa. Padişa emey zor pê xoş ebê ke sê bûkî wehay bibê, dest be cê destey şalyaran ko ekatewe u pêyan elê: “Min bîr-

yarim dawê kiçekanî fîlan cûtyar bo kuřekanim bihênim, ewe bîr u řatan çiye?” Hemû le weramda eġên: “Padiřaman be heġe neçûwe u destê gulî xoy bař dozîwetewe”. Her le wêda enêrin be řwênî kabray cûtyarda u bangî eken u řûy demî lê enên u pêy eġên: “Sê gulî le baxeketda heye, ebê pêşkêřyan bikey be kuřekanî padiřa”. Kabray cûtyar le weramda ebêjê: “Eger padiřaman be gulî naw baxî min dilî bikrêtewe, gulî gulî xoyetî u pirsyarî nawê”. Ke cûtyare eme eġê padiřa heġestê u em la u ew lay maç eka u enêrê be řwên melada u be pêy rê u řwênî ew deme kiçanî cûtyar u kuřanî xoy le yektir mare ebîrê u emir eka dest bikrê be řayî u zemawen.

4. Heft řew u heft řoj edrê le teqey dehoġ u zuřna, xwardin ebe-xřrêtewe, cil u berg be ser hejaranda dabeř ekrê, le pařda bûkekan le maġe cûtyarewe ebrêne maġe padiřa. Çend mangê têepeřê be ser gwastinewey bûkekanda, le piř řojê padiřa mîwanêkî zorî dê. Emir eka be bûke gewrekey xwardinêkî bař dirust bika, we be bûke nawendekey, ke beřî ew mîwanane řayex řabixa. Bûke gewreke ehênê bo ewey ke be diro nekewêtewe her řibe birincê, řibeyêk xwêy têeka enca eyka he çêřt u eyxate berdem mîwanekan. Mîwanekan her demî bo eben u naben le ber swêrî heġesine ser pê u eġên: “Xway neybřê... be xwa çêřtêkî xoř u be tame”. Bûke nawendekeř ehênê her beřeyêk lew beřaney ke dirust kirdûyn be hezaran derzî lêeda. Mîwanekan her daenîřin u dananîřin derzîyek eçê be laranîyanda ya be řwênêkî tiryanda, heġesine ser pê u eġên: “Kuřîne, pyaw ewende dabiniřê temeġ ebê u taqetî eçê”.

5. Bem řenge bûkî gewre u bûkî nawend mîwanekanî padiřa be rê eken le duwa ewey ke deng be řarda biġaw ebêtewe u eġên: “Padiřa çêřtî til u xwêy bo mîwanekanî lê nawe, řayexî derzîçini bo řaxistûn”. Denge ke egatewe be padiřa zor dilgîr ebê, biřyar eda îtir neyandwênê u keybanûetî naw maġîřyan lê werbigrêtewe, çunke lew belêney ke dabûyanê řastgo nebûn. Beġam bûke biçkole le duwa no mang u no řoj xwa kuřêkî kakoġzêřin u kiçêkî danmirwarî pê ebexřê. Dû xuřke leme zor pest ebin u ebê be girê le ser diġyanda. Biřyar eden ke zû pîlanêkî bo rêk bixen, ewîř wek xoyan le ber çawî padiřa bikewê. Le ber ewe ehênin, be dizî xuř-

kekeyanewe xeber enêrin bo padişa u elên: “Padişa ‘emrî nwêt pîroz, bûke biçkoleket be sikê dû tutelesegi bûwe”.

6. Padişa ke eme ebîsê çawî eperête piştî serî u mûwekanî wek neşter girj ebê, emir eka her êsta le şar derîbiken u çî pêwîste bîdenê. Xuşkekanî gurg bargeyêkî bo rê exen u herdû mindalêkanî edene dest u le şar derîeken. Kiçekeş be çawêkî pîr le firmêskawî u henaseyêkî sardewe malawayî le koşkeke eka u le gel herdû korpekeyda le şar eçine derewe. Her eñon, heta egene aşekonê le bîabanêkî çolîda. Le wê egîrsênewe u bar exen.

7. Bûke biçkoley padişa mindalêkanî wek gul perwerde eka, heta cwan gewreyan eka u le xem eyanrexsênê. Kuřekey fêrî suwarî, raw, nişanşikandin, pyawetî, ferman, lêburdin, destî hejar girtin, hêminî u beserxoyî eka. Kiçekeş le naw malîda le gel xoyda fêrî kar-u-barî naw malî eka. Le gel emeşda koşkêkî gewrey lew bîabaneda lê raekêşê, dîwexanekey exate ser pişt bo rêbwaran u damawan.

8. Le paş çend salê padişa xoy u kuřekey bo raw u şîkar rêyan ekewête ew nawçeye u be lay koşkî bûkekey u mindalêkanîda raeburê, belam be bê ewey biyannasêtewe. Bûkekey padişa u mêrdekey enasêtewe, deng naka, be kuřekey elê: “Kuřim, ew suwaraney ke wa lêreda raburdin bawkit u bapîrit bûn”. — “Çon emane bawik u bapîrey min bûn? Ey boçî layan neda?”

9. Daykî çîrokekey serlenwê bo egêrêtewe u pêy elê: “Êsta ewan ême nanasin, le ber ewe biço be bapîret bilê: “Ebê em êwareye xot u dest-u-pêwendekanit le malî ême bin””. Kuře dêt u silawêkî germ eka u elê: “Gewrem, ebê em êwareye gewreman bîkey”. Padişa herçend le seretawe dûdiî ebê lewey biçê, belam le duwaîda eyewê têbiga bizanê emane çin lem koşke xoşeda, lem serefêye lem bîabaneda. Elê: “Kuřim, la edeyn, belam xwardinêkî başman bo amade biken”. Kuře egerêtewe bo lay daykî u bîryarî dapîrey pê elê. Daykîşî ekewête xo amade kirdin legel kenîzek u nokerekanî naw koşkeke, baştirîn xorakyan bo rêk exen.

10. Êwarê padişa u kuřekey u dest-u-pêwendekey rû ekene koşkeke u Kokołzêrîn eçê be pîryanewe u nokerekan wulaxekanyan lê weregirin. Eçine dîwexan daenîşin u Kakołzêrîn rêzêkî tewa-

wyan lê egrê heta katî nanxwardin dê. Sifre řaexrê, nan ehênrê, hemûy legenî zêrî pîr pîlawe, le ser sînîy zîw. Padişa ke çawî bew sełtenete ekewê serî suř emênê, be taybetî ke kuře be dest-u-pêwendekan elê: "Tikam eweye, ewey kê le xwardin ebêtewe, lege-ne zêreke bo xoy helbigrê". Padişas eyewê legel dest-u-pêwendekanda nan bixwa, gure kuře elê: "Padişam, şermezarman meke, xwardinî êwe ciyaye le xwardinî ewan".

11. Dest-u-pêwende le xwardin ebêtewe, daykî Kakolzêrîn her-çî êsqan heye koy ekatewe eyanxate legenî zêfewe le ser sînîy zîw, we daepoşe u be nokerda eynêrê bo padişa u kuřekey, we be Kakolzêrînîş elê: "Bîro kuřim, řaweste, eger padişa tuře bû we wutî: "Boçî, ême segîn, em xwardineman bo daenêy", pêy bilê: "Eger seg nîn çon tuteleşegtan ebê". Ew deme kakolî xotî pîşan bide u bangî min u Danînirwarî xuşkîşit bike".

12. Ke xwardine exrête ber dem padişa u kuřekey, padişa serî sînîyeke heledatewe, ebînê pîre le êsqan u xorakî paşmawe, çawî epeřête piştî serî u mûwekanî wek neşter girj ebin u eneřênê be ser kuřekeda u elê: "Nabê hênde şerm bikey, boçî ême segîn êsqanman bo daenêy?" Kuřeke le weramda be pêkenînewe be padişa elê: "Ey eger seg nîn çon tuteleşegtan ebê?" Legel kuře emey wut padişa pencey xoy gest u yadî qisekey xoy kewtewe. Belam ber le ewey bidwê kuře rûy demî kirde bapîrey wutî: "Ewe kakořekey min u ...", — bangî kirde xuşkekeşî, wutî: "Ewe dane mirwarî-yekanîyetî". Enca daykîşî hat u karesatekeyan be tewawî xiste rû. Bawik u bapîrey hestan u emla u ewlay kuř u kiçeyan maç kird u be yek şad bûnewe u geřaynewe bo şarekey xoyan. Padişa hat dû xuşkey bûke biçkolekey hêna u le koşkekey xoy durî xistewe u kiçe biçkolekey kird be keybanûy koşkeke.

2. EĤE-COLĀ

1. Le çîrokî gwêagirdanî kurdewarîda egêřinewe, elên: le şarê-kî wek şarî Silêmanîda pyawêkî colā hebû, nawî EĤe-colā bûwe. EĤe-colā heta bilêy tirsinok bûwe. Rojê le řojan le malêwe ke xerîkî colāyî ebê mişkê bo xorak xwardin ser le kunekey derrehênê

u bo bedbextî serî lê têkeçê, ekewête naw dezga coîayîkey Eñe-coîawe. Eñe-coîam le tirsî mişke le pêçalî dezgakey derepeî u le tawa mekokey destî firê eda u ber mişke ekewê u henawî lê ebîrê. Ke Eñe-coîa mişkeke be kesasî ebînê u ezanê giyanî têda nemawe, le xoşyanda bang ekate jinekey, belam le birî ewey bilê: “Mişkê-kim kuşt”, le demî etrazê u elê: “Şêrêkim kuşt, were binewe le kilkî u tuî helbidere derewe!”

2. Jinekey Eñe-coîa herke gwêy le dengî mêrdekey ebê, ke elê “şêrêkim kuşt”, be serî rût u be pêy pêxawus raekate derewe, be herçî hêzî xoy heye bang eka: “Xelkî geîrek, şêrê xoy kird be malakemana belam Eñmedî mêrdim nehêst şêre bête dest, em lêy hate dest u henasey lê birî, merd bin, werin le gelmanda binewin le kilkî u firêy bideyne derewe!” Xelkî geîrek ke dên be dengyanewe u xoyan eken be malî Eñe-coîada, le birî şêrêkî kujraw çawyan be mişkêkî kujraw ekewê le pêçalî dezga coîayîkey Eñe-coîada, edene qaqay pêkenîn u rû ekene Eñe-coîay u pêy elên: “Be rastî azayetî tik-tik le nawçewanit ebarê, taze daîk rölêyêkî tirî weha naxatewe ke bitwanê be tenya şêrêkî wa diîrînde bibezenê u ewendey bilêy yek u dû henasey lê bibîrê. Le ber ewe heq waye lemew la pêt biwutrê Eñe-şêrkuj nek Eñe-coîa. Îtir lew sawe herkesê le her şwênêkda Eñe-coîay bidîaye be titalîyewe pêyan ewut: “Eme Eñmedî şêrkuje!”

3. Bem renge Eñe-coîa bû be Eñmed-şêrkuj, we nawî kewte naw nawanewe le hemû layêkî şarekeda, we her be layêkda hengawî ena dengî “Ewe şêrkujey” — ber gwê ekewt. Leme zor pest ebû, herkesê ke pêy ewut: “Eme Eñmed-şêrkuje”, em le cêy xoy be naxî zewîda eçûwe xwarê u areqî şîn u morî dereda, heta way lêhat legeî jinekeyda serî xoy helgirt u rûy kirde şarêkî tir u le aşê konêkî bêrunî ew şareda gîrsanewe. Hemû røjê bo guzeranî jyanî xoy u mindalekanî eçûwe naw şareke u destî ekird be kirêkarî u kolgêrî.

4. Røjê le rōjan, ke eçê bo nawşar be karêkewe xerîk ebe, le ber ewe ew rōje direng egerêtewe bo malê, jinekey herasî lê helcgîrê u serbanî aşêke egîrê u çaw ebîrête ew rêgayey ke le şarekewe dête derewe. Maweyêkî zor emênêtewe u her çawewaw eka belku

tarmaîyekî le dûrewe be der bikewê. Le piṛ tarmaîyêkî Eḥmed-şêrkujî be ber çawda têepeṛê, bangî ekatê u eîlê: “Ho Eḥmed-şêrkuj, Eḥmed-şêrkuj”. Be rê kewt lew kateda çend pyawêkî padîşay ew şare be wêda têepeṛin, ke gwêyan le dengî afreteke ebê, hawar eka Eḥmed-şêrkuj, eîlên hebê u nebê em pyawe pyawêkî azaye u eşê taze rûy kirdibête em şare, padişa pêy nezanî bê egîna zû eynard be şwenîda belku ew şêrey ke le baxekeyda çemoley dadawe, pêy bikujê u lêy rîzgar bibê, çak waye em denge be padişa bigeyênin.

5. Pyawekan herke egene baregay padişa, em dengey pê egeyênin. Dest be cê padişa emir eka ke ew kabrayey bo bihênin, belku pêy bikrê le dest şêre rîzgaryan bikat. Pyawekan dên be dway Eḥmed-şêrkujda, le dway ewey ke hendê diî edenewe bo ewey nek weyêkyan pê bigeyênê, be qisey xoş legeî xoyanda eyben u heta eygeyênine baregay padişa. Le wê slawêkî germ eka u be tirsêkewe le ber demî padişada îawestê, heta padişa pêy eîlê: “Fermû, dabinîşe...” Eḥmed-şêrkuj be bédengî u be rêzewe le ber demî padişada daenîşê, enca padişa rûy têeka u eîlê: “Eḥmed-şêrkuj, min baxêkim heye, herçî diî hezî pê bika le dirextî berdardêmnda naştûwe, be diî u be gyan xemlândûme u heta hatote ber, keçî êsta şêrêkman lê peyda bûwe, ew hewt salî rēbeqe çote nawî u lêy nayête derê u rêgay kesîş nada be perêzîda birwa; ebê çareserêkman bikey u le dest ew diîindeye rîzgarman bikey”.

6. Eḥmed-şêrkuj le duwa tozê daman dem ekatewe u eîlê: “Padşaman xoş bê çareserî asane”. Padişa emey zor pê xoş ebê, Eḥmed-şêrkujîş malawayî eka u le koşkî padişa dête derewe, wek tişkey tifeng xoy egeyenête malêwe, henasey tung bûwe, rēngî heî-birîskawe, demî be eykda, dê rûy dem ekate xêzanekey u ebêjê: “Enca rû le kwê bikem? şêrkuj nîm u be zorî zordarî eyanewê bimkene şêrkuj”. Le duway ewey çîrokeke bo xêzanekey be nûkewe egêrêtewe, xêzanekey hendê diîxoşî edatewe u pêy eîlê: “Kar nîye, xwa sazî neka, ewende diî le diî mede, beyanî zû le xew heî-bise u rû bikere baxeke, lew nawe her gyandarêkit dî ke le şêr biçê gwêy bigire u bibe bikere ber baregay padişa u ewca werewe serî xoman helegîrî u efoyn”. Eḥmed-şêrkuj beyanî zû le xew heîlestê

u be her tirs u lertzêkewe ebê rû ekate baxeke. Le ber baxekeda çawî be şêreke ekewê, çemoîey dadawe, naynasê, wa ezanê nêrekerê, lêy eçête pêşewe u leqeyêkî lêda u helîestenê. Şêreke helîestête ser pê, milî xoy şorê eka, be bê wurte ekewête ber dem Eñmed-şêrkuj berew baregay padişâ.

7. Padşâş lew kateda ser le pencerey koşkekeyewe ke be ser baxekeda erwanê ehênête derewe ebînê Eñmed-şerkuj ewa şêrekey dawete bar xoy u ber koşkeke hênay. Heta bang ekate noke-rekanî ke be Eñmed-şêrkuj bilên şêreke nehêne bo koşkeke, ew eykate hewşey koşkeke u bang eka: “Padşam, ewe şêrekeye be pêy xoy hêname koşkeket u sindanî derxward biden heta henasey le ebîrîn”. Eme elê u be hey pê egerêtewe malî u be xêzanekey elê: “Afret, nêrekerêkî gewrey lem renge le ber dergay baxekeda ley pal kewtibû, be nûke şeqê rastim kirdewe u birdim bo malî padişâ u kirdime hewşekeyanewe, de heta zûwe rapêre, ba serî xoman helbigrîn”. “Eñmed-şêrkuj ke eme elê jinekey ezanê ke ewe şêreke bûwe, le ber ewe rû ekate Eñmed-şêrkuj u pêy elê: “Mijdet bide me, Eñmed, ewe şêreke bûwe, nemwut xwa gewreye u derûyê bigrê, derûyêkî tir ekatewe”... Xêzanekey qisekey tewaw naka Eñmed-şêrkuj le tirsda rengî zerd helege rê u dest be cê le hoş xoy eçê. Belam jinekey be her rengê ebê bonso eda be lûtîda, awî sard epirjêne be ser u çawîda, eyhênête we hoş xoy.

8. Le duwa ewey ke dest-u-pêwendekanî padişâ şêreke ekujin lêy rîzgar ebln u eyken be şayî u zemawen u dergay baxeke exene ser pişt u carî eden be şarda: “Le baxî padişâ mêwe ebexşrête we”. Xelkî rû ekene baxeke bo mêwe wergirtin. Padişâ enêre be şwên Eñmed-şêrkujda u xelatêkî zorî eka u pêy elê: “Serim zor berze ke pyawî wek to le şarekemda helekewe”.

9. Eñmed-şêrkuj maweyêk be bêtirs u be asûdeyî le gel xêzanekeyda le aşe konekeda ejî u wa ezanê dinya be dilî xoy textî bû, îtir carêkî tir tûşî gêçelî weha nabê. Belam bo bedbextî Eñmed-şêrkuj kuîrî padşay şarêkî tir hez le kiçî padşay em şare eka u çend carê enêrête xwazbênî, bêsûd ebê. Padişâ eçête ser darêkî berz u nayete xwarê u razî nabê kiçey xoy bide be şû. Le ser eme nakokî ekewête beynî herdû padşawe. Nakokîyeke berebere betîn

ebê u pere esênê, heta egate řadeyêk ekewine xo amade kirdin bo şer. Katê ezan-rê padişay kiçxwaz be leşkirêkî gewrewe beranber be şarî padşay kiç şûneder řawestê u ekate serî u pêy elê: “Ya şer, ya kiçeket bo kuřekem”.

10. Padişay şareke ke çawî bew leşkire gewreye ekewê gemaroy şareke dawê u beranberî řawestawe, tirs dayegrê u enêrê destê şalyaran ko ekatewe u lêy edwên, la paşda biřyar eden ke binêrin be şwên Ehmed-şerkujda bo ewey azaîyekey xoy rê u şwênêkyan bo dabinê u řizgaryan bika lew teng-u-çelēmeyey ke têtewtin. Padişay enêrê be şwênî Ehmed-şerkujda. Herke enêrin be şwênîda tirs dayegrê u ezanê bo çîye. Le dilî xoyda elê — be xwa dîsan tûşî dawî xom bûm, min le kwê u şikandinî ew leşkire le kwê?

11. Ke egate baregay padişay slawê eka u le ser fermuwey padişay le baregada daenîşê u be xêrhatinêkî germ u guř ekrê le layen padişay u şalyarekanîyewe. Le duwa hendê danîştin padişay pêy elê: “Ehmed-şerkuj, ewa dujmin destewyexe bo min westawe u dayay şerman lêeka u eyewê xakman be tûreke bibêjêtewe, eger boy bikrê. Aya pê ekrê yarîdeman bidey?” Ehmed-şerkuj hendê dameênê u le paşda dête qise u ebêjê: “Padişam xoş bê, çareser ekrên, gwê mederê, piştênî lê bikerewe, beyanî le korî cengda çawut be biçukî xot ekewê çîyan pê ekem u çon kune mişkyan lêekem be koş u şanişênî...” Eme elê u heleşête ser pê u malawayî eka u elê: “Le padşam exwazim rêm bide biřom xom amade bikem bo cengî sozî”.

12. Ehmed-şerkuj le baregay padişay dête derewe, mil rûwe u aşe konekey xoy enê u le tirsanda çokekanî elerzin u ke edwê dem u pilî be yekda dên u be xêzanekey elê: “Afret enca çon derbaz ebîn? Min u şikandinî leşkirî dujmin ke elêy mêrûlen le kwê, de helbiste heta zûwe xoman amade bikeyn u rû le şwênêkî tir bikeyn”. Xêzanekey hendê dilxoşî edatewe u pêy elê: “Pyaweke, kar nîye xwa neysazênê, gwê mederê, eger dan be xotda bigirî, leşkirî dujmin duhêndeş bin xoy le beritda nagirê”. Ke xêzanekey eme elê Ehmed-şerkuj be herdû destî ekêşê be serî xoyda u elê: “Afret eme to elêy çî? Niyazit nîye be kuştinim bidey... şitî wa

nakem, ewa le twanay minda nîye". "Pyaweke, eger le twanay toda nebê, le twanay kêda ebê? De to binû, xwa gewreye heta sozî, min xom le gelitda dêm, bizane çon serekewî u dujmin helefrenî".

13. Beyanî Ehmed-şêrkuj le gel gerd u gulî beyanda le tek xêzanekey eşine şerğey padişawe u le wê espêkî be hêzî wehay bo amada eken be çwarpel sema bikat. Herke çawî be espeke ekewê nîwegyan ebê u eşîrpênê be gwêy jinekeyda u eîlê: "Hezar gîyanim pêwe bê, her le ser em espe giyan dernabim, çakit be kuşt dam... key min kuî em barem?" Jinekey pêy eîlê: "Dan be xotda bigre, henûke karêkî weha ekem be ser espekeda datbibestin bo ewey lêy nekewîte xwarê. Ke geîştîte dujminîş aza u behelîmet be, kes xoy nagirê le ber demitda"... Espekey ehênin u eîlên: "Fermû Ehmed-şêrkuj, swar be... eweş çekî bîrînde". Ehmed-şêrkuj swarî espeke ebê u çekekey le xoy eda, belam ber lewey awzengî lê bida xêzanekey eîlê: "Namerdtan neken eme bo be gurîsê şetekî naden, êsta ewende be guî taw edate xoy lewaneye le espeke bipeîrê u bikewête xwarê". Dest u pêwendî padişa dest be cê gurîs ehênin u cwan şetekî eden u dey le espeke eken. Espeş wek ba berew leşkirgay dujmin ekişê. Ehmed-şêrkujîş le tirsî ewey nek lêy bipeîrê u estoy wurd bibê, darêk le rêgayda ebê, tekan edate xoy u liqê le dareke egirê bo ewey xoy pêwe bigîrsênêtewe, keçî xwa boy eka, dareke bin kilor ebê le binda helekenrê u be destîyewe dê.

14. Leşkirî dujmin ke çawyan be Ehmed-şêrkuj ekewê wa be asanî newî le dareke u le rêg u rîşeda helîkend u ewa berew rûyan hat dest be cê zirawetîrek ebin u be şîpirzeyî le tirsî giyanî xoyan ber le ewey Ehmed-şêrkuj biyangatê bilawey lêeken heryekey be layêkda. Emîş be xoy u espeke u darekewe têyanekewê u hemûyan çing le ser şan helefrenê, heta le sinûrî xoyan eşin be nedîwîda. Ewca be fîzêkewe egerêtewe bo lay padişa. Padişa dest ekate milî u emla u ewlay maç eka u le cêy xoy eka be padişay ew şare.

3. BÛKE-SÛRÊ

1. Askol zor minal bû ke daykî mirdibû. Kak-Homer bawki jinêki tirî hênabû, we lem jine kenîyêki bûbû Xurşe. Askol u Xurşe pêkewe gewre bûn, belam Xurşe be xoşewîştîy daykewe, be xoşî u nazdarî, Askol le jêr çepok u cinêwî bawejina, be řenc, henasardî u řût u qûtî. Gişt erk u řencî nawmalîş le ser şanî Askol bû. Askol nozde saġan bû, Xurşe řevde saġan. Askol heta bilêy cwan, řîrîn, jîr, bekar, pak u xawên, we hêmin. Xurşe ke zor cwan nebû, heta bilêy bêfeř, temel, we pîs u çepeġ. Bawejin herçende çawî be Askol ekewt, kwêrayîy daehat, hemîşe le bîrî eweda bû, řenc u eşkenceyêki nwêy bo bidozêtewe.

2. Bawejin şewê le şewan řencêki tazey le bîra hatboy, pêy wut: "Sibeynê beyanî mangake bibe bo ew deşte, xeřekekeş bere le geġ xota le geġ çarokeyê kulû, heta êwarê mangake bileweřêne, we hemû kulûwekanîş biřese u inca byanhênerewe". Askolî kiġol beyanî zû parçe nanêki řeqî xiste naw desroke řîřekewe, çarokeyê kulûy beste kolî, xeřekî xiste ser şanî, mangazerdî daye pêş xoy u řûy kird ew deşte. Řoyî, řoyî heta geîye cê leweřêki xoş. Pîre xeřekî le layêkewe damezrand u desî kird be xeřek řîstin, mangakeş be leweřîn.

3. Paş nîweřo bû, bayêki zor tundî helkird u kulûyêki daye pêş u fiřandî. Askol dûy kulûwe babirdûeke kewt. Kulû effî be dem bawe u Askol be henasebiřkê be şwênîyewe, ta kulû kirdî be eşkewtêka, Askolîş be dûya. Askol ke temaşay kird, ewa deġe dêwê lêy kewtûwe, memkêki daxistûwe u memkêki dawê be xoya. Deġe dêw ke Askolî dî wutî: "To kêy?" Askol le pêş eweda ke pasuxî bidatewe, kut u piř çû memikî řastî mijî, we inca wutî: "Pure giyan, lew deşte xeřekim eřt, bayê helkird u kulûyêki fiřandime naw eşkewtekewe, hatûm be dûya". Deġe dêw wutî: Xwa be qurbanî eqġî xot ka, adey serim be şane dabêne". Askol kerte şaneyê ke le erzeke kewtibû helġirt u desî kird be dahênanî ser u piřî deġe dêw. Dêwe lêy pirsî: "Serî min paktire, yan serî daykit?" Askol le geġ eweşa ke serî dêwe pîs u çepeġ bû we piř bû le ciř u canewer, maçi kird u wutî: "Oxey, serî to çend pake! Serî daġkim lay be!"

4. Askol̄ ke le şanekirdin bûewe dêwe pêy wut: “Ewa min enûm. Awêkî şîn yî helîmmesêne, awêkî sewz yê helîmmesêne, awêkî sûr yê helîmmesêne, awêkî zerd yê helîmmesêne, awêkî mor yê helîmmesêne, awêkî rîş yê helîmmesêne, awêkî bor yê helîmmesêne, awêkî lêxin yê helîmmesêne, we her awêkî sipî yê inca helîmsêne”. Dêwe ewey wut u çawî çûwe xew, we Askolîş be diyariyewe danîşt, çawerwanî aw. Zor pê neçû awêkî şîn be naw cogey eşkewtekeda hate xwarewe, le paş ewe awî sewz, zerd, mor, rîş, bor, lêxin, we inca awî sipî. Askol̄ ke awe sipîyekey dî dêwekey helîsand. Dêwe pelî Askolî girt u le awekay helîkêşa. Le pîr le naw eşkewteke şewqî dayewe. Dêwe wutî: “Ewe şewqî dem u çawî toye, ke îtir weku mang edrewşêtewe. Eweş kulûweket, bûwe be dezû, bîberewe”.

5. Askol̄ ke xeřek u dezûy da be şaniya u mangay daye pêş xoy berew maî, êware daehat. Ke le dergay hewşê çûwe jûrewê, xanûwekeyan pîr bû le şewq. Bawejinekey ke emey dî boy çû, pêya helîsaxa: “Makerî şîrînalê, heta êsta le kwê bûy? Ewe çon wat lê hat?” Kenîşkeke beserhatî ew rîjey xoy bo gêrayewe, belam neywêra ew qisane bigêretewe, ke le gel̄ dêweda kirdibûyan le katî serdahênaniya. Bawejin inca wutî: “Îtir to nabê le maî biçîye derewc, nabê le dergaşewe kes bîbînê”. Bo şewê bawejin be kenîşkekey xoy wut ke sibeynê mangakc biba bo leweř bo ew deştey dwênê Askol̄ çûbûyê, we xeřek u lokeş le gel̄ xoy helîgire bo rîstin.

6. Xurşe beyanî xeřek u lokey helîgirt u mangay daye pêş xoy u rûy kirde ew deşte ke dwênê xuşkî çûbûyê. Ke geîşte ewê xeřekî lê damezrand u deşî kird be rîstin, mangaş bo xoy eleweřî. Le pîrêka bayêkî tund helîkird u kulû rîfîrand, kulû kirdî be eşkewtekeda, Xurşeş be dwaya. Dele dêwe le wê kewtibû, memkêkî rîxistibû, memkêkî dabû be xoya. Xurşe herke pîrê dêwî dî be tundî wutî: “Kwa kulûwekem, çîy le hat? Dêwe wutî: “Carê we-re serim şane ke, inca kulûweket edozînewe”.

7. Xurşe kerte şanekey helîgirt le erz u deşî kird be dahênanî serî dele dêw. Dele dêw lêy pîrsî: “Serî min paktire, yan serî day-kit?” Xurşe pasuxî dayewe: “Serî daykim bonî gulî lê yê, serî to

piře le ciř u canewer, ewende pîs u bogene, piyaw bêzî lêy bê-tewe". Dele dêw wutî: "Ke wa bû êsta min enum. Awêkî şin yê helîmmesêne, awêkî sewz yê helîmmesêne, awêkî sûr yê, helîmmesêne, awêkî zerd yê helîmmesêne, awêkî mor yê, helîmmesêne, awêkî rēş yê helîmmesêne, awêkî lêxin yê inca halîmsêne, ewsa kulûweket edemewe", — we çawî lêkna.

8. Awî şîn, sewz, sûr, zerd, mor, rēş, bor, sipî yek le duway yek hatin. Ke awî lêxin desî kird be hatin Xurşe dele le xew hel-sand. Dele dêw pelî xurşey girt u le awe lêxinî helkêşa. Lûyê le nawçewan u lûyê le çenagey Xurşe hatbû. Dele dêw kulûwekey Xurşey dayewe u wutî: Ewe xot u kulût, derço, derewe. Xurşe ke rûy kird be maîa, daykî çawerwanî bû. Dayke ke çawî le çarey kewt le pêşa hepesa, we le paşa çend çepokêkî kêşa be ser xoya u berew kenîškekey çû: "Eye ro! Daykit mîrê, ewe kê ew ketney pê day?" Xurşe wutî: "Dayelê, dele dêw", we beserhatekey xoy be giryanewe bo gêrayewe. Xurşe sizay béeqlîy xoy dibû, bawejinîş bêbextî u xortîy xoy. Bawejin inca çû bo Askoî ke le wê westabû, pirçî girt u day be zewîya, we heta tya bû kutay. Ew şewe heta beyanî qurey bawejin nebiřayewe. Lewe dwa neyhêşt ke kenîškekey xoyşî biçête ber derga, ke kes neybînê. Îtir herdû kenîyeke neebû kes bîanbînê, Askoî le ber cwanî, Xurşe le ber lûekanî.

9. Rôjê le rojan kuřî padişa le serbanî qesrî xoyan tepî-topênî ekird, çawî be Askoî kewt kut-u-pîr be tîrî eşqî engêwra. Maîî padişa nardyan bo xwazbênîy kenîy kak-Homer bo kuřî padişa. Kak-Homer wutî: "Eykem be karekerî". Maîî padişa cwahêr u pareyêkî fireyan nard bo maîî kak-Homer. Xwastîy bawejin şeytanane bû, ew eywîst ke Xurşe binêrê be bûkî. Rôji şayî bawejin Askoî xis-tibûwe naw tendûrekewe, ke swar hatin bo bûk gwêzanewe. Belam lew kateda ke bûkyan swar kird keleşêrekey maîî boy firîye serban u desî kird be xwêndin: "U-u-u-u! Bûke-sûrê le tendûrê, dûlûeçarê be bûk berê!" Daykî Xurşe xêra nardî, keleşêrekeyan girt u seryan biřî.

10. Belam pyawekanî maîî padişa kewtne gumanewe. Çûn serî tendûrekeyan heldayewe, ke ebînin ewa nazdarêkî tyaye wek mangî çwarde, hênayane derewe. Inca çûne ser bûkê, we ke tara-

keyan helgirt ebînin ke dûlûeçarêye. Des be cê cilî bûkênî u gewherekanyan le ber dakend u kirdyane ber bûke-sûrê — Askol. Le paş ewe bûke-sûrê tarayan da be serya u swaryan kird u birdyan. Eme karesatêkî gewre bû bo bawejin, kenîye nazdarekey xoy sûk u tiro bikrê u Askol biben be bûk bo kuîrî padişa. Jine le daxana şeqlî birdibû, katêk em daxey le dil derneeçû, we ewendey nemabû şet bibê u bidate kêw.

11. Rôjêk le rojan bawejin Xurşey le gel xoy helgirt u rûy kirde malî padişa, le wê çûne jûrî Askol. Askol be xêrhatinî kirdin u qedrî girtin. Belam bawejin ke çawî be cil u xişîl u naw jûrî Askol kewt, be carê kwêrayî dahat. Le katî qiseda be Askol wut: “Ey ro, boçî heşt-no mange le malî nayêyte derewe? Ew deşte êsta çend xoşe. Heste ba biçîn bo geîan”. Askol herçende arezûy geîanî nebû, we be taybetî sikîşî pîr bû, belam le ber sadedilîy xoy, bawejin twanîy tefrey bida ke le gelyana biçê bo geîan. Boy roîştin heta geîştne qeraş çemêk. Bawejin Askolî xiste meyanî xoy u çemekewe. Herwa be kenarî çemekeda eîroîştin, le pîrêka bawejin palêkî be Askolewe na u xistîye naw rûbarekewe. Awî be xuîrî çemeke Askolî bird. Bawejin le cêy xoy westa heta Askol le çaw gum bû, way ezanî ke îtir xinkawe. Inca le gel kenîyekeya be xoşî u dilnyayî çûe malêwe. Barêkî qursî le ser şan la çûbû.

12. Malî padişa qazewanêkyan hebû. Hemû rojê qazekanî ebird bo ew çeme. Ew roje ke qazekan eba bo ser rûbareke u qazekan des eken be mele u awxwardinewe, nûzey jinêk yête gwêy: “Qazewaneke, min bûkî malî padşam, ewa lêre kewtûm, zû be firyama bigen, ewa kurêkîşim bûwe”. Eme dengî Askol bû. Askol ke le çaw bawejin gum ebê, xwa u îrastan, aweke eyba bo ew peî, le wê be liqê darêkewe ke bo naw aweke dirêj bûbû, egîrsêtewe. Sa herçonê bê, xoy le aweke derehênê, ke xoy egeyênête wuşkayî minalêkey ke le barîya bû, firê eda, belam çunke zigekey no mangan bû, minalêkey bezîndûyî ezê, we kuîrîş ebê.

13. Qazewaneke gurg desî kird be îrakirdin berew malî padişa. Kurî padişa ew deme geîabûewe malêwe. Herke emey bîst balî girt, xoy geyande çemeke we be mele peîrywewe ew ber. Gelê jin u piyawîş be îrakirdin be dwaîywewe bûn. Sûrêyan bûke legeî minalêkeya helgirt u hênayanewe. Askol ew bêbextîyey bawejinekey le

keya heġirt u hênayanewe. Askol ew bêbextîyey bawejinkey le geġya kirdibû, gêrayewe bo mêrdekey. Emca kuġî padişa nardî, dayk u kenîyekeyan hêna, çwar êstirîşyan hêna we laqekanyan her yekê be êstirêkewe best u êstirekanyan heġtîzand. Bew çeşne bawejin u kenîşkekey şeq-u-peq kiran, we be sizay bêbextî u xortîy xoyan geîştin.

Inca dayenekem wutî: “Minîş hatmewe u hîçyan nedamê”.

4. [PADŞA U WEZÎR]

1. Pyawek hebû heta biġêy jîr u dana u be řa-u-tegbîr bû. Seretay jiyanî be hejarî u bênewayî tepeřandibû. Jîrîyekey xoy ge-yandî be payeyêkî berz lay padişay ew şare u bû be wezîrî destefâstî u bû be yeke pyawî ew wiġate. Ewende heye pyaw le hemû layêkewe boy naye. Em pyawe way bo hatibûwe pêşewe her jinêkî ehêna zorî pê neeçû jinekey ebû be dostî padişake, we ya be kurdî tir biġên padişa pêy fêr ebû. Çar naçar emîş le ber ewe emey pê heġneegîra ewey telâq eda u eçû yekêkî key ehêna, beġam le ber ewe bextçewaşe bû, we ya jin bê çarşew bû, ewîş her way lê ehat.

2. Kabra îtir hate ser ewe wutî: “Yan emete jin nahênim, yan emete ebê biçim bisuřemewe jinêk peyda kem keban destî nebê le jîrî u danayîda, emeş bo ewe bizanîm aya hemû jinêk nizmî u berzîyekî zeman heġexeġetênê u gaġtey pê eka? Ya xod jin heye u jinîş heye”. Lêyda řoişt. Gelê sûrayewe negeîşt be miraz. Řojêk milî řey girtibû destî le qolî gêjawî fikir kirdibû, hengaw-hengaw řegekey ebîrî. Kut-u-pîř tûşî pyawêkî pîrî keniftî be saġa çûwe bû, ke ewîş wurde-wurde xerîke ew řêgeye ebîřetewe. Wutî: “Be xwa başe eme bo hawdengîm peyda bûba, le geġî bibim he hawîrê u pêkewe le geġ ew řegeke bibîrîn”.

3. Çû u siġaw u mandûnebûnî lê kird u le geġî řêkewt bo pêkewe be řêgeda řoiştin. Zor neřoiştin be kabray wut: “Xaġe, ewa ême be řêgeda eřoyn, ba pêplîkaneyek dirust bikeyn”. Kabray pîre le em qiseye tûre bû, emîş wutî: “Xaġe, bo tûre ebî, xo ştekî xirapim newutûwe”. Wutî: “Maġkawġ, şitî xirap çît newutûwe, to şet

bûy ya galte le min ekey? Pêpilkaney çî? Boçi min dartaşim, westam, çîm? Ewa eger dartaşîş bûm lem deşteda min teşwê u he-
rê u dar u textem le kwê bo to bênim pêplîkane le geî to dirust bikem!” Emîş îtir hiç dengî nekird u lêyanda rōîştin.

4. Le paş hendêk tuşî rûbarêk bûn. Kabra dîsan rûy kirdewe xaley pîre wutî: “Xalê, ba le ser em rûbare pirdêk dirust keyn”. Xalê ewendey tir şet bû wutî: “Kabra, bew sey saqe bibê u nebê to şet bûy, we ya her etewê titalê be min bikey, çi rayet ekewê boç min galteçî tom?” Kabra wutî: “Xalê, boçi tûrê ebî xo xirapim newutûwe”. Wutî: “Mirdût mirê, çon xirapit newutûwe, boçi min benam, pirdim pê dirust key? Ewaş benam bûm, lem deşteda min berd u qisiî u kerestem le kwê bo bênim, pird bo to dirust kem!” Kabra îtir hiç dengî nekird.

5. Hendêkî tir rōîştin u geîştne, qeraş awayî. Tûşî pelegen-mêkî nayab bûn. Kabray pîre rûy kirde emî tir wutî: “Em pelegenime hî mine çawit lêye maşellê çon hênawîye u çon guî pîrdanî heye?” Emîş wutî: “Belê, pelegenmêkî be qef u pîrdane eger be sewzî nexurabê”. Kabra em care îtir weku fişeke şete çû be asmana u har bû, wutî: “Kabra sed bîrya milim bîşkaye u le geî to nebûmaye be hawrê, xo to lem rêgeda be qisey qor u bêser-u-ber minit tûşî dîq u zîq kird”. Wutî: “Xalê, boçi tûrê ebî, xo xirapim newutûwe”. Wutî: “Canewer, çon xirapit newutûwe? Ey xirap çone? To ewa genim le ber çawte qefî kirdûwe, danî girtûwe, wuşik bûwe u zerd heîgefawe, çawerêy dirwêneye, keçi to elêy eger be sewzî nexurabê... Axir nazanî, eger bixuraye çon ema?” Kabra îtir hiç dengî nekird. Çûne awaîyeke. Xaley pîre çûewe bo malî xoy u emîş çû bo mizgewt.

6. Xaley pîre zor mandû bû, ke çûewe maîewe kiçêkî hebû, kiçekey hat be pîrîyewe u birdî dayna. Kiçe seyrî kird bawkî zîyad le caran mandûtire, pîrsî: “Babe, îmrô boçi wa etbînim ke le caran zîyatir mandûtirî?” Wutî: “Çu zanim, îmrô kabrayekî gêl u gewcim tûş bû u bûyn be hawrê. Be qisey hîç u pûç min çende mandû bûm, ew ewendey tir bew qisane bêsihetî kirdim, Eger bîrwa ekey mêşkim lay xom nemawe”. Wutî: “Babe, qisey çî le geî ekirdî?” Wutî: “Çu zanim, bom nagêrêwe. Le paş ewe ke hendêk be rê-

gekeda hatîn pê m e l ê: "Ba peyje u pêplîkane dirust keyn". Tozêkî tir hatîn geîştîne ser rûbarêk keçî pê m e l ê: "Ba pirdêk dirust keyn". Geîştîne qera x awayî tûşî genmekey xoman bûyn, wextî dirwênay hatîbû, min e l ê m: "Genmî çake", kecî ew e l ê: "Eger be sewzî nexurabê!" Ew genim le ber çawîyewe zerd bûwe, keçî ew wa e l ê, we ya lewanî tira lay waye min dartaş u bennam qisey wam le ge l eka. Dey îtir çon mêşkim le sera emênê?"

7. Kiçe wutî: "Ca bawe, xo ew qisane hemûy qisey jîr u danayane, to ebwaye pê x oş bûwaye, keçî êste e l êy mêşkî birdûm. Xale y pîre wutî: "Çon kiçim? Nabê eq l î toîş bûbê be eq l î ewewe!" Kiçe wutî: "Bawe, ke pêy wutûy: "Were ba pêplîkane dirust bikeyn", eme mebestî ewe bûwe: "Were ba pêkewe qise bikeyn u bo qise rêgekey bibîrîn". Ke le ser rûbareke pê wutûy: "Were ba pird dirust keyn", mebestî ewe bûwe: "Were ba pêkewe q o l bikeyn be q o l î yeka le aweke bideyn, çunke eger dû kes bûyn be hêztir ebîn u aweke namanba". Ke le r o x î genmekey xoman pê wutûy: "Eger be sewzî nexurabê", mebestî ewe bûwe, ke eger be selemî nedabê u her zû serit tya nebirdibê. Bawe, ebûwa to be hawrêyetî pyawî wa bare şarî bihatayetewe, newek bem core xotî lê zîz key. Êste ew kabraye çî lê hat u bo kwê çû?"

8. Xale y pîre ke gwêy le qisey kiçekey bû, çûwe di l îyewe ke ew pyawe pyawêkî dana bûwe u em le xo r a y î di l î r encandûwe. Wutî "Wellê, kiçim, çûwe mizgewtekewe". Wutî: "Ke wate, heste biço bîhênere m a l ewe u di l newayîy bike". Xale y rîşsipî hesta çû bo mizgewt u pyawekey dîyewe u gelê le xoy burdewe u di l newayîy kird u hênayewe bo m a l ewe. Le rêgeda kabra pêy wut: "Xale, axo kê lem qisaney minî tê geyandî?" Wutî: "Kesî xalî, ewî r a s t î bê, kiçêkim heye, ewîş derdî to serî lem qise be twêki l a ne exurê u gîrim xwardûwe be destîyewe". Kabra le di l î xoya tozê fikrî kirdewe u wutî: "To bi l êy ewî min be şwênîya esûrê mewe eme bê?"

9. Lêyanda çûne m a l ewe. Afretêk le m a l eke bû, xoy dapoşîbû. Hendê gul u gyaş le naw hewşekeda bû. Kabra rûy kird xale y rîşsipî u pêy wut: "Wa dîyare gulî em m a l e bê b ên u t a l e!" Xale dîsan

lem qiseye weku qisekanî tir tûre bû. Xêra kiçeke lewlawe serpoşey xoy lada u wutî:

“Gulî em maîe gulebaxî aîe,
Be řeng u bonîya awî zeîaîe!”

Kabra ke temaşay kird ebînê dukançey cwanî em kiçe le gel baxçey hoş u bîrekeda weku dû takî terazûy zêrînî aîtûnkêş waye, ke hîçyan le ser hîçyana nîye u mû ciya ekenewe. Nazanê pabendî bazaî cwanîyê bê, ya gîrodey sewday jîrîyê bê?”

10. Ew şewe mayewe u beyanî xwazbênî kiçey le bawkî kiçe kird. Çarenûsî asmanî le awênay zîndekanî ew dwaneda be qelêmî nihênî be merekebî xoşbextî u bengînî Suleymanî kaîay le baîay yek bîrîn. Xurşîdî xeraman bû be hawserî pelik sewzî dastan, xeramanî jîrî u danayî bû be hawrâzî nuktebêjî deryay zanayî!

11. Kabra pelî kiçey girt u hênayewe be wulatî xoy u le sera u koşkî xoya dayna. Inca dergay řazî nihênî bo kiçe kirdewe, ke çon ta êste her jinêkî hênawe padişay ew şare destî xîyanetî le gelî kirdotewe u çon ew jîyane naçarî kirdûwe ke îtir waz le jîyanî jin u mêrdayetî bênê u çolî u bîyaban bigrête ber bo jinêk ke ne la le ‘en’enatî dinya bikatewe ne destî sitemkaran bitwanê bîşekênêtewe, ta tûşî bû be tûşî emewe...

12. Le paş maweyekî kem padişah bîstî ke em pyawe jinêkî tiri hênawe, jinêkî wa ke ne perî eygatê ne ademî! Padişah kewtewe ser hewesranîyekey caranî. Nardî be şwên kabrada u bangî kird, le paş qise u basêkî zor be çeperî nardî bo wulatêkî dûr. Kabraş xoy ezanê çî base. Hatewe bo maîewe u keyn-u-beynî le jinekey geyand. Jine wutî: “Biço be şwên îşî xotewe u be bê wey dêtewe”. Kabra lêyda řoîşt u padişah kewte şewê paş nwêjî xewtnan welamî nard bo malî kabra, ke be mîwanî dêt bo ewê. Jine ke bîstî padişah ebê be mîwanyan hesta malî řêkxist u xoy le dinyay cwanîda zor cwan bû, sereřay ewe hênay ewendey tir xoy cwan kird u xoy kird be peykerêk gelê le xeramanî çîn cwantir!

13. Zorî pê neçû padişah hat u be desturî şewnişînî newek be desturî padişahî çû danîst. Ke çawî be jine kewt piřsey karebay jine xistiye ‘alemêkî tirewe. Jineş demê be naz u demê be nîyaz be

ber demîya dêt u eṙwa u ewendey tir derdî karî eka! Padişa aramî le heġîra u kewte destdirêjî. Jineş hîç xoy têkneda u be ‘îşweyeke-
we eywut: “Bênewayek ke bibê be beşî padişayek emc cw peṙî
xoşbextîye bo ew bênewaye, çi peleyekte, îmşew, newek her êm-
şew, bigre hemû şew be dilî xot mîwe le baxî cwanîm eşinît. Êste
nanîm bo dirust kirdûy, pêkewe nan exoyn u paş ewe ser ckeyn
ser serîni bezm u sefa”.

14. Jine her le pêşewe çend hêlkeyekî kuġandibû, her hêlkeyekî
be řengê řeng kirdibû, yekê sewz, yekê sor u yekê şîn u yekê zerd u
her yekê be corê. Hêlkekanî naye naw sîniyek u serpoşekî da be se-
riya u le geġ nana dayna bo padişa u xoşîşî lewlawe danîşt. Padişa
serpoşî lada u hêlkey řengawřeng derkewt. Hêlkeş pak nekrabû. Ji-
neke destî bird yekê le hêlkekanî bo pak kird u le ber destîya dana u
wutî: “Fermû”. Padişa ewey xward u încâ danayekî tirî bo pak kird
u boy dana. Bew core çend hêlke hebû hemûy bo pak kird u boy
dana u padişa le hêlkey sewz u sûr tund bû! Paş têrbûn kewte giṙ-u-
gaġ. Încâ jine wutî: Padişahim êste to çit xward?” Wutî: “Dîyare hêl-
ke”. Wutî: “Em hêlkane ewe bû le dîwî derewe heryeke řengêkyan
hebû, aya le nawewe hîç cyayêk hebû le beynyana?” Wutî: “Ne, he-
mû her hêlke u yektam u lezeî hebû!” Wutî: “Padşahim, jinîş hemû
her waye,ba le řuwaleta zirq u birqêk le beynyana bibê, le esġî
jinîyetîya hemû her yekin. Eme u dîsan to padişait, padişa bo mîllet
weku bawk waye, aya bawk dest bo namûsî kiç u kuṙî xoy eka? Em
mêrdey min kuṙêkî cigersozey toye, çawit lêye çon be dem hemû îş
u karêkitewe be ser eṙwa newek be pê. Êste çon to wîjdanit ewe he-
lēgrê ke destî gîzî u xîyanet bo maġî ew dirêj bikey?”

15. Padişa ke em qisaney bîst weku camê awî sard biken be
seriya bew corey lêhat, le şwênekey xoy řast bûewe wutî: “Kiçim
le ser destî jîrî toda ewa mercim kird ta mawim bawkêkî mîhreban
bim bo hemû kes”, — u lêyda řoîşt.

Paş maweyek mêrdî jine hatewe, beġam le kirdewey pêşînî padi-
şa emcareş her wa eşuwe dilîyewe. Hatewe bo maġewe u hestî kird
ke padişa hatûwe bo ewê. Serî xist ser jinekey u jineş çî rūy da he-
mûy bo gērayewe. Îtir le paş ewe be hoy jîrî em jinewe hem mêrdeke
kewte dinyayekî tirewe, hem padşaiş kewte ‘alemêkî tirewe.

5. [COĻA U EJDEHA]

1. Le serguzeştî kurdaneye eĻên: kabarayekî coĻa jinêkî cwanî hebû, jineke eywîst ĥaşay lê bika, beĻam mêrdekey telāqî needa. Be rēkewt ĥakimî ew şare xewêkî dîbû, carçî da, ke padişa xewî dîwe u naysîgêrêtewe, herkes bêt u biĻê to ew xewet dîwe u te'birî lê bo bidatewe xelatêkî zorî eka. Jinî coĻa emey be hel zanî wutî: "Xeberî lê edem, ke xew ezanê, le paşa neysîzanê, padişa eykujê u min rîzgarim ebê le destî". Hesta çûwe lay padişa wutî: "Qurban, mêrdekey min eger kesê le wiĻatêkî tirîş xew bibînê lêre ew ezanê u te'birîşî zor çak lê edatewe, beĻam dexîl karêkî wa meke bizanê min xeberim lê dawem egîna emkujê".

2. Padişa dest be cê nardî coĻayan kêş kird u wutî: "CoĻa xewim dîwe, pê m biĻê çî m dîwe u te'birîşî çî ye?" CoĻa wutî: "Qurban, eme îşî 'alim u meşayexe, min coĻam, coĻa em core şitane le kwê ezanê?" Padişa wutî: "CoĻa be rāstî zanîwme, ke to ew 'ilme çak ezanî, pê m biĻê". CoĻa herçend dad u bêdadî kird, kelkî nebû. Axirî padişa emrî kird rāyanxist, be dar ewendeyan lêda, heta le ziman kewt, emca hawarî kird: "Padişahim, şewêk moĻetim bide, eger 'erzim nekirdî, bimkuje". Padişa berelāy kird ke sibeynê bêt u pêy biĻê...

4. CoĻa çûwe şaxî Kereftû le ber demî eşkewtekeda danîşt u destî kird be giryan bo ĥalî xoy. Wextî 'esir ejdehayek le eşkewteke serî hênaye derê u wutî: "Ewe boçî egrîy?" CoĻa karesatî xoy bo gêrayewe. Ejdeha wutî: "CoĻa eger pê m biĻê ew xelat u berate ke werîegrî nîwey edey be min?" CoĻa wutî: "Be qurbanit bim hezar car. Ejdeha wutî: "De heste biço be padişa biĻê: "Le xewta le cyatî baran meymun ebarî we hewşey maĻeket pi r bibû le meymûn". Ewîş eĻê: "Wa bû". Inca manakey eweye ke îmsal xêr u bereket zor ebê u xezênet pi r ebê le pare".

5. Îtir coĻa çûwe lay padişa u bem core pêy wut. Padişa emrî kird genc u cewahirêkî zoryan daye coĻa. CoĻaş hemû xeznekey birdewe bo maĻewe u le diĻî xoyda lêkî dayewe: "Min boçî lew xelate beşî ejdeha bidem? Xo mar dujmine wa çake biçim bîkujim". Tîr u kewanêkî heĻgirt u çûwe ber demî eşkewt. Mareke serî

hênaye derewe. CoĻa tîrî xiste kewan bîhawê, mareke kişayewe dwawe, nekuja... CoĻa hatewe, dewlêmend bûbû. Meselî kurdîye: "Kasey pîr aşti maĻe". Jinekey îtir milî bo ĩakêşa.

6. Le dway yek-dû mangî ke padişa dîsan xewî dî u nardî, coĻayan hêna u fermûy: "Îmşewîş xewêkî seyrîm dîwe, pêm biĻê". CoĻa wutî: "Qurban, be xwa nayzanim". Padişa wutî: "Min emane nazanim, etkujim". Be kurtî nextêkî tîryan çermeserî da, dîsan moĻetî xwast u çûwewe ber demî eşkewt u zor girya u pařayewe. Mareke serî hênayewe derewe pîrsî: "CoĻa, çi base?" Wutî: "Dexîl ejdeha! Min kirdim, to meyke, halêkî wa heye em careş fıryam kewe".

7. Ejdeha wutî: "To pyawêkî xirapî, weku le xelâteke beşîm nadey, etewê bişîmkujî. CoĻa wutî: "NamaquĻîm kird, bimbexşe". Ejdeha wutî: "HeĻse biço biĻe: "Padişahim le xewita dûrbînit be destewe bû, temaşay dinyat pê ekird, te'birîşî eweye ke çen wiĻatî tir egîrî u eyxeye ser wiĻatî xot"". CoĻa hat bem çeşne bo padişay gêrayewe, em care dû ewendey carî pêşû xelâtî wergirt. Dîsan le diĻî xoya wutî: "Min boçî ejdeha bidem, be xwa naydem".

8. Le dway yek-dû mangî tir hem dîsan padişa nardî be şwên coĻada, wutî: "CoĻa, xewêkî tîrîşîm dîwe". CoĻa dîsan moĻetî xwast u çûwewe ber demî eşkewt, hendêkî çak quřandî. Ejdeha serî derhêna, wutî: "Dey coĻa, emca çît ewê?" CoĻa ehwalî xoy bo gêrayewe. Ejdeha wutî: "Biço biĻe: "Padişahim le xewita swarî ker bûbûy, gurîsêkit be destewe bû". Ewîş eĻê: "Waye". BiĻê: "Ĥikume-teket zor be hêz ebê u gelê dewlêmendtir ebî"".

9. CoĻa çûwe lay padişa u karesatî pêy wut. Emcare le herdû careke zyatir beşîşî wergirt. CoĻa lêkîdayewe, wutî: "Min zor bêwefam, wa çake xelâtî emcarem hemûy berim bo ejdeha". Ew hemû cewahir u âltûney da be kolîya u çûwe ber demî eşkewt. Mareke lêy pîrsî: "CoĻay çîye?" CoĻa wutî: "Be qurbanî bîm, emcare herçîm wergirtûwe, hemûm bo to hênawe".

10. Ejdeha wutî: "CoĻa min marim, mar genc u cewahirî bo çîye! CoĻa, her çît kirdûwe lêt nagirim u lem pyawetîyeşî memnûn nabim, çunke ewe hemû karesatî rîzgare, ewe car zeman wa bû ke çaket le gel her kesê bikirdaye padaşî be xirape edayewe,

duhem car zeman wa bû eger le beramber çakeda çakî nebwaye, xirapeş nede bû; êstaş zeman çak bûwe, eger çake le geî her kesê bikrê kuşîş eka bo ewe duçendane toley bidatewe”.

6. [BÊWEJINÎ FÊLBAZ]

1. Bêwejine kurdêk hebû, zor fêlbaz bû, çwar pênc şûy kirdibû, belâm maweyekî zor bû be bêwejinî mabûwewe. Rôjêk kabrayekî zebellâ hate lay wutî: “Bîstûme to merdit nîye, minîş bê keybanûm, eger şûm pê ekey etxwazim”. Jine lêy pirsî: “To îş u karit çîye?” Kabra wutî: “Ewî rastî bê dizim”. Wutî: “Çi core dizêkî?” Wutî: “Min adetim waye êwaran ke nwêjî şêwanim kird eçim bo dizî, beyanî bo nwêjî sibheynê dêmewe, nayelîm nwêjekem birowa! Sa xwa çî be nesîb kirdibû eyhênim pêwe raebwêrim, belâm bo rōj hîç le malî naçme derewe”. Jineke çû le gelî bo lay melayek xoy lê mare kird.

2. Le paş sê çwar rōj şewêk nwêjî xewtnan kabrayêk hat, wutî: “Bîstûme to bêwejinî, eger şûm pê ekey etxwazim”. Pirsî to çî karey?” Wutî: “Îş u firmanim her dizîye”. Wutî: “Çilon dizêkî”. Wutî: “Dizî rōjim, beyanî ke nwêjim kird erome derewe, malê dergay nexistibê ştêkî lê edizim, ya xod gîrfanêk ebîrim, we ya be fêl u telêke ştê des xom exem, êware dway nwêjî şêwan dêmewe nwêjî xom u îtir be şew naçme derewe”. Jineke wutî: “Eme xwa dawîye be rōj u be şew min le ahenga bim”. Çû xoy lewîş mare kird.

3. Nizîkey çwar pênc mang be rōj dizî şew le lay bû, be şewîş dizî rōjî le la bû. Rôjêk wutî: “Be xwa wa çake min em dû mêrdem le yek aşkira bikem bizanim çî eken!” Şew be dizî rōjî wut: “Fîlanî, sibeynê meço bo dizî, bîst qîranim le lay kwêxakey Bawemerdeye, biço bom bisênewe”. Wutî: “Çake”. Beyanî kulêre-be-rônêkî hêna le ber çawî kabra kirdî be dû kertewe, destesîrêkî sûrîşî hêna kirdî be dû letewe, kerte kulêrey xiste naw lete desesîrêwe, day be dizî rōj wutî: “Bîro, belâm le ser pirdekey Qilyasan danîşe naneket bixoy heta hawrêkit lê helekewê ewsa bîro, neweku rûtit bikenewe”. Kabra wutî: “Çake”. Lete kulêre u desesîrî naye baxelî u lêyda rōy.

4. Le paş rōiştinî ew dizî şew, ke mêrdî rōj bû, hatewe jineke wutî: “Fîlanî damenîşe, bîst qîranîm le lay kwêxakey Bawemerdeye, biço lêy werbigrewe, emeş twêşûy rêgat, belam le ser pirdekey Qilyasan danîşe bîxo, belku hawrêkîş peyda key, be تنها me- rō ba tûşî cerde mebi”. Kabra nanekey wergirt u kewte rê. Ke hat le ser pirdekey Qilyasan temaşay kird zela m êk danîştûwe kulêre exwa. Selamî kird u le layewe danîşt. Twêşûekey derhêna lete kulêre le naw lete desesiîrî sûrda destî kird be xwardin. Kabray hewel pirsî: “Ewe toîş lete kulêret pêye u le naw lete desesiîrda?” Wutî: “Belê”. Wutî: “Subhān elלה minîş her ştêkî wam pêye”. Ke lete kulêreyan be yekewe na, temaşayan kird kulêreyeke u krawe be dû letewe! Desesiîrekeyan be yek girt ewîş yek desesiîr bû dû parçe kirabû.

5. Yekêkyan pirsî: “To bo kwê eçî u îşit çîye?” Wutî: “Jinekem bîst qîranî le lay kwêxakey Bawemerdeye eçim boy esênimewe”. Wutî: “Jineketa nawî çîye?” Wutî: “Xendan”. Wutî: “Kure, xo ewe jinî mine u min eçim parekey bo esênimewe!” Le ser eme nizîk bû biçin be gij yeka. Naçar herdûkyan geñanewe çûne lay jineke u wutyan: “To jinî kêy?” Wutî: “Her kamêktan aza bin jinî ewem u le îşî xoya westa bê, ew ebê be mêrdim!” Herdûkyan bem qiseye rāzî bûn. Dizî rōj wutî: “Êsta rōje, ba bîroyn min westayetiy xomit pêşan dem”. Dizî şew dway kewt, hatin bo bazaîr.

6. Cûlekeyekî dewlêmen, ke kutaî firoştibû be bazarganekan le hucrey xoy hate xwarewe bo heftane sendin. Dizî rōj qelêmêk u parçeye kahezî be destewe girt. Cûleke le dûkanêk çwar lîre, le yekêkî tir pênc lîre, le yekêkî tir panze mecîdî, le yekêkî tir çwar kahezî pênc mecîdî. Bem core şeşsed-hewsed mecîdî wergirt. Le pîr dizî rōj destî kird be baxelîya kîse parekey derhêna. Xwace yexey girt wutî: “Kîsekem!” Dize wutî: “Kîsey çî, bêdîn? Teşqelê m pê ekey!” Xwace hawarî kird dû candirme hatin wutyan: “Çîye?” Cûwe wutî: “Em kabraye kîse parey lê dizîm”. Kabra wutî: “Diro eka, geñim pê eka.

7. Candirmekan henayanin bo daîre. Cûwe lay başme’ mûr wutî: “Qurban em kabraye destî kird be baxelîma kîse parekemî dizî”. Kabra wutî: “Qurban diro eka, kîse parey xome, eger şahidî

heye, başel!" Cûwe wutî: "Şahidim le kwê bû, to be dizîyewe derithêna". Wutî: "Qurban, lê bipirse le xwaceke min parekem jî-mard?" Xwace wutî: "Nexêr ewete le baxelîya". Dîze wutî: "Qurban, eger parey ewe, kêseke çendî tyaye?" Başme'mûr le xwacey pirsî. Xwace wutî: "Le bîrim nemawe". Dîze wutî: "Qurban, çilon pyaw parey xoy nazanê?" Min çunke parey xome eyzanim ewende lîre, ewende kahez, ewende mecîdî tyaye". Ke kêsekeyan jî-mard be tewawî qisey kabra bû. Başme'mûr 'emrî kird: "A dû şeq lem cûlekeye hellden, teşqele bem musulmane hejare ekat". "Wel-Îe yek dû hermêyan da be xwace u deryan kird. Kabra be dizî şewî wut: "Çilonim?" Wutî: "Başe, belam îmşew norey mine".

8. Şew be rêkewt pyawêkî gewrey weku Mehmû-paşa hatbû le malî pyawêkî gewre mîwan bû. Dizî şew dizî rōjî bird u çû be kemend çûwe serban, rêfîqekey helkêşaye serban, çûne xwarewe, qazêk le hewşekeda bû, dizî şew serî bîrî u day be dizî rōj wutî: "Danîşe lem metbexe ewe agire bike be kebab bîrsîmane, xoîşî hate serewe temaşay kird ewa paşa le ser çwarpayeyêk nustûwe, xizmetkarêk le ber kursîyeke daniştûwe hekayetî bo eka: "Sultan Mehmû le gel Heyasî-xas wa rōştin u wa hatin". Belam xizmetkarêke zor xewî dê, le gel paşa xewî lê ekewê kabraş be lada dêt. Le paş çend deqîqeyek paşa xeberî ebêtewe elê: "Hemey Xesrew hekayet bike". Heme helestê dîsan çen qiseyekî tir le hekayeteke eka.

9. Dîzeke sebeteyekî gewrey hêna be gurîsêk bestî. Gurîsekey le darêkî binmîçî hodeke helkêşa, sebetey hêna be hêwaşî palêkî be Hemey Xesrewewe na xistîye sebetekewe, serî gurîsekey fakêşa hêwaş-hêwaş heta sebetê le binmîç qaîm bû, Hemey Xesrew be sebetekewe helwasra. Dîze destî kird be ştunek kokirdinewe. Paşa xeberî bûewe wutî: "Hemey Xesrew hekayet bike". Dîze danîşt, eyzanî Hemey Xesrew le kwêda hekayetî bîrîwe, wutî: "Paşa sułtan Mehmû way wut u Heyasî-xas way kird". Dizî rōj hatibû bizanê çî eka, ke çawî bem kare kewt zor sersam bû! Lem wexteda bonî goştî qazeke hat. Dîze be rêfîqekey wut: "Bigeŕewe qazeke sûta". Paşa hîç lêfekey laneda wutî: "Heme, qazî çî?" Wutî: "Qurban, lew wexteda kebabî qazyan bo sułtan Mehmû ekird". Paşa xewî lê kewtewe. Dîze herçî be

nirx bû kirdî be kolêk, hate derewe le gelî rāfîqekey goşt qazîş-
yan hêna u hatnewe bo malêwe!

10. Paşa wextî beyan xeberî bûewe, bangî kird: “Hemey Xesrew, Hemey Xesrew!” Heme xeberî bûewe, hîç çawî nekirdewe ke le kwêye destî kird be hekayet be dem xewewe! Paşa temaşay kird Heme le dûr dengî hekayetî dê. Serî helbîrî rwanî Heme dengî dê, belam diyar nîye. Hemû hodekey rwanî, dwayî temaşay kird be binmîçî xanûweke le sebeteyekda helwasrawe, ke çî Heme her hekayetîş eka! Wutî: “Erê Heme ewe çî ekey lew sebeteyeda, dwêt bawik!” Ke Heme serî helbîrî wutî: “Paşa bo xatirî xwa, eme kê xistûmîye êrewe?” Inca paşa bangî kird, dû-sê kes hatin sebeteyan kirdewe u Hemeyan hênaye xwarewe. Ke wurd bûnewe herçî şit-u-mekî paşa hebû dizrawe u qazêkîş ser bîrawe u krawe he kebab! Ew wexte paşa zanî ewî wutî: “Qazeke esûtê”, — di-zeke bûwe.

11. Paşa kirdewey em dize zor serî suřma, cařçîyekî nard, cařî da ew kesey dizî le paşa kirdûwe bêt efue. Kabray dize hat paşa wutî: “Cilonit em dizîye kird?” Kabra ser ta pa basî jineke u basî dizîy rojî gêrayewe. Paşa îtir diî lêyan çû wutî: “Ke wate herdûk-tan ew jine telâq biden, min jintan bo dênim u bibin be xizmetkarim”.

7. HEBÊ

1. Kabrayekî kurd mêgele meřêkî hebû, xoy şwanîyekey ekird, jinêkîşî hebû Hêbêy naw bû, rojî kuîa bû be destîyewe. Êwaran ranekey direng ehênayewe, jine darêkî lê helegirt u ehate wêzey “Boçi direng rānit hênawetewe”. Zû eyhênayewe dîsan têber ebû eywut: “Boçi zû hênawtetewe”. Kabra serî lê têkçûbû, neyzanî çî bika.

2. Salêk u dû sal bêm core be têheîdan řaybward. Hawîrêkî hebû rojêk pêy wut: “Erê bira, min sal dwanze mangey xwa to ebînim pejare daygirtûy, çît lê qewmawe?” Ewîş wutî: “Bira, çît pê bilêm, hālîm be dest jinekemewe perêşane u be carê dinyay rûnakî lê kirdûmete şewî tarîk u be hîç cor řizgarim nabê”. Hemû

karesatî beynî xoy u jinekey bo gêrayewe. Ewîş wutî: “Çare asane, min tegbîrêkit bo ekem, eger wa bikey rîzgarit ebê le destî”. Wutî: “Be qurbanit bim, kwa çarêkim bikey, adey pê m bilê”.

3. Pêy wut: “Sibeynê le wexta raneke berewe, jineket lêt tûre ebê elê: “Boçi zû rane ket hênawetewe?” Toş bilê: “Jineke deng meke, îmrô le deme demî êwareda le filane eşkewt xezneyekî altûnim ber çaw kewt, zû rane kem hênayewe bo ewe le wexta binûm u beyanî pêş mela bangdan tarîk u lêle hestim kes pêy nezane biçim derî bêmim”. Înc a ew, ke gwêy le altûn ebê pê elê: “Ebê pêkewe biçîn”. Toş bêne le gel xotî bere le wê, bîxere eşkewteke u xot bigerêwe, bem core le destî rîzgarit ebê”.

4. Kabra weku hawrêkey pêy wut bew core êwarê zû ranekey hênayewe, jine qîjanî be serîya: “Ewe boçi zû hatûytewe?” Kabra qisekey bo gêrayewe. Jine wutî: “Bêferî wa wa lêkiraw, çon her xot eçî? Ebê minîş bêm, etewêy biçî xezneke derbên u le minî bişariyewe! Welê rohîşit derbiçê ebê pêkewe biçîn!” Kabra wutî: “Baş e afret êste min çî m wutûwe?”

5. Ew şewe her pet u gurîşkyan hebû hemûyan ko kirdewe u beyanî le pêş melabangdana lêyanda roîştin ta geîştne ser eşkewteke. Jineke wutî: “Min eçime xwarewe be arezûy xom altûn dênim derewe, to lê nazarî”. Pyawe hênay çend gurîşkî pêkewe best u serekey le naw qedî jineke qaîm kird u dayhêşte xwarewe. Dû-sê gurîş roîşt, înc a xencerî derhêna gurîsekey bîrî u afret kewte xwarewe! Jine le xwarewe bangî kird: “Pyaweke min kirdi bêtîm to netkirdibê!” Pyawe wutî: “Bîro segbab! Xo to eme çend saîe minit kuşt”. Îtir lêyda ge rayewe.

6. Em eşkewteke hî dêwêk bû. Êware ke dêwe hatewe Hêbê çû be layewe u tefrey dêwekey da ke neyxwa. Dêwe herçende bolêbolî kird Hêbê gwêy nedaye u sazî kird. Îtir dêwe be her cor bû rahat u guzeranî segemergî le gel Hêbêda ekird. Hêbê tengî be wîş helçînî! Zorî pê neçû deng bilaw bûewe ke kiçî padişa şet bûwe u padişaiş her ew kiçey heye. Herçen le gelî xerîk bûn çak nebûewe. Ca ryan da be wulata: “Herkes em kiçe çak katewe padişa kiçekey lê mare eka, belam eger yekê wutî: “Çakî ekemewe” — u le paşa neykirdewe le serî eden”.

7. Rōjêk dêwe hat be lay şwaney mêrdî Ĥebêwe wutî: “Fîlânî, to çend salêk cezrebet kêşa be dest Ĥebê gyanewe, le paşa kirdit be tûşî minewe u xotit rîzgar kird, êste minîş weřiz bûm u ebê deşt bigirime ber u serî xom helğirim be dest Ĥebêwe. Kiçî em padişaye min xomim pişan dawê boye şêt bûwe, êste min naçarim le ber Ĥebê gyan ebê em wulâte be cê bêlim, ke be cêm hêşt le ber çawî kiçe la eçim u kiçe çak ebêtewe, ca to heste biçore lay padişâ, biîê: “Min çakî ekemewe”, ba lêt mare ka u tozê bihesêytewe çunke min ezanim be dest Ĥebêwe çît çêştûwe. Belam her em care em îşet le geî ekem, ewa pêt elêm eger carêkî ke yekêkî ke şêt bû u hatne lat u toş çûyte serî, ewa etkujim”.

8. Kabra wutî: “Dêwe pyawî çak be, min le pizîşkîm çi? Wazim lê bêne ba be şwanî xomewe řabwêrim, min her le dest Ĥebê rîzgarim bûwe besimet, hîçî tirim nawê, boçî serim be fetareta edey, eger mebestit le naw birdinme, her xot bimkuje u medere dest padişawe.” Dêwe wutî: “Metirse, emewê çaket le geî bikem, helse biço, belam eger carêkî ke çûyte ser yekêkî tir bêguman be ke etkujim?”

9. Kabra çar-naçar hendê şûşe u tep tozî xiste naw xurcêkewe u be tirs u lertzewe rûy kirde koşkî padişâ u wutî: “Min pizîşkim u hatûm kiçî padişâ çak ekemewe”. Padişâ bangî kirde lay xoy u pêy wut: “Kuře eger çakî nekeytewe le serit edem”. Wutî: “Başe”, — u qaqezyan bo yek nûsî — eger em kiçekey çak kirdewe padişâ lêy mare bika, eger çakîşî nekirdewe le serî biden. Le paşa kiçekeyan kirde jûrêkewe u kabra çû be layewe, seyrî kird dêweke le wêye. Her wa be diro tozê xoî-u-moî le şûşeke derhêna u kirdîye naw aw u helîsû le leşî kiçeke u hendê dem u pelîşî pêka da guaya du’ay be sera exwênê. Iew kateda dêweke be kabray wut: “Be du’a”, — u rōîşt u xoy le ber çawî kiçe wun kird. Kiçe çak bûwe u bû be şayî-loşan u zemawen. Le paş beynêk padişâ kiçey le kabra mare kird u îtir kabra kewt be ser xezne u xêr-u-bêrda”.

10. Yek-dû salêkî pê çû, padişayekî dirawsêy em padşaye hebû, ke le wulâtêkî tir bû, ewîş taqe kiçêkî hebû, şêt bûbû. Tu-mez dêweke le des Ĥebê helâtûwe u çûwete ew wulâte, xoy bew kiçe nîşan dawê u ewîş şêt bûwe. Hatin lem padişaye pařanewe ke

ebê zawaket em kiçey êmeş çak katewe. Padişa rûy na le kabray şwaney zaway wutî: “Emane dirawsêmanin, ebê biçît u kiçekeyan çak bikeyewe”. Kabra wutî: “Bo xatirî xwa wazim lêbênin, min hîç nîm u em îşane îşî min nîn”. Em zorî wut u ewan kemyan bîst. Le axira hesta çûwe maîewe, wesyetî xoy kird u xurcekey helgirt u lêyda rîşt bo malî padşakey ke.

11. Çûwe jûrî kiçeke, temaşay kird wa dêwe le wêye. Dêwe-ke wutî: “Ha wa wa lêkiraw, pê m newutî min her تنها yekcar ewet le geî ekem? Eger carêkî ke biçîte ser yekêkî tir etkujim, êste çon hatûyt bo êre!?” Ewîş wutî: “Qurban, xo bo ewe nehatûm em kiçe çak bikemewe”. Wutî: “Ey boçî hatûy?” Wutî: “Hatûm bo ewey erzit bikem ke wa Ĥebê le ber qapî rawestawe”. Dêwe ke gwêy le nawî Ĥebê bû wutî: “Kwa bo xatirî xwa!” Emey wut u le tirsana boy derçû. Ke ew nema kiçekeş bo xoy çak bûewe.

Emeş ketnî Ĥebê gyan ke tenanet dêweşî bezan!

8. [HEJAR U DEWĤEMEND]

1. Kabrayek hebû, lew sere saman u maîekey lewane bû hemû ew wulâteda nawî derkirdibû, le cût u bere cût, le gund u awayî, rîz u bağ le pare u pûl helîdabûewe meger xwa bizanê. Koşkêki dirust kirdibû lew dewre u lew naweda meger xwa her koşkî pa-dişahî wa bûwaye. Be hat-u-ço kirdinî noker u kenîzekan u be pîr-me u hîley rîwe espan u qelîembazîyestînî tûle u tancî, be dengî neway bulbul u qumrî le ser çîlî daran u le naw baxçey gulîstana u be xuîey cogeale awî naw hewzî kafûrî jyanî em kabraye bûbû be jînî dîldaran u bûbû bew kesane ke lem dinyayeda beheştî berînyan dest kewtûwe.

2. Her rîst le bin destî koşkî em kabrayewe kewêlêkî piç-koleş hebû ke hî pyawêkî hejarî dûr le hemû ‘en’ enatêkî dinyawe bû. Çwar topele quîrî xistibûwe ser yek u be belm u zel serekey girtbû, nawî nabû xanû. Xoy u jinekey be şew tyaya ehesanewe u be rîjîş her ewendeyan îş dest ekewt ke nanêkî herzinyan dest kewê u hîçî tir.

3. Rûaletperistî dinya zor seyre agir u aw, rêş u sipî, talî u xoşî zor car le tenîşt yekeweye. Koşkî axa bew hemû xoşî u cwanîye, bew hemû xwardin u poşînî rengawrêng u nazdarîye, pyaw hîçî tirî lê nabînê tenha kameranî nebê. Kolîtî kabray hejariş bew hemû xirapî u pîsîye, bew rût u qutî u bê nan u bergîye, dîsan pyaw hîçîş lewa nabînê tenha kesasî u dîltengî nebê, keçî weku em burce 'acîye u em zince atacîye(?) ke le tenîşt yekewe le jêr sêberî bistêkî asmana ko bûnetewe le naw herdûkîşyana talî u xoşî her ko bûwetewe. Ne ew be tewawî bawêşî kirdûwe be kameranîda, weku dîmenekey xoy pîşan eda, ne emîş be tewawî kewtote koşî kesasî u naxoşîyewe, weku rûaletekey xoy bang eka.

4. Her le ber eme bû boye aêejinî xawenkoşk beyanîyek nebû le xew hestê u le serewe çawî be bejn u balay kabray rûteley naw kolît nekewê ke eçû le naw gome qurawî ber malekeyana le katî mela bangdana meley ekird u wuslî ekird bo ewe nwêjekey beyanî neŕwa, keçî mêrdekey emîş be dû hefte carê rê neekewte germawî ew koşke cwane ke awekey etwut çurî şîre u nawekey etwut awênebendî dezgay mîre. Her nebû carêk rê kewê u bilê: "nîyet-me bem awe leşpîsî le ser xom la ebem".

5. Em dû dîmene karî kirde diê naskekey jinî aêe, we ya jinî aêey xawenkoşkî firawanî dîlteng. Naçar emîş agirî ciger helîgirt u rûy kirde mêrdekey wutî: "Pyaweke, a ew jin u pyawey ke le tenîştmanewen u lêfeyan asmane u rayexyan zewî, şew nîyc be bê şewçerey bûkênî roj kenewe u beyanîyek nîye leşyan be awî kam teŕ nekenewe, xurakî gerûyan herzine u teŕayîy demya doy turş. Keçî ême bem hemû naz u nî'mete u şwênî dîlguşaw mal u samane we carêk nabînim be hîway arezûyêkewe destêk le gerdinî yek keyn. Eme çê rojêke u eme çê jyanêke ême hemane?" Mêrdekey wutî: "Afret ewan wayan bo hatûwe êmeş waman bo elwê. Eger ew naz u nazdarîyey êmey tiyayn ewanî tiya bûnaye ne wek be mangêk belku be salê carêkîş pêyan nakrê awir le şewçerey bûkênî bidenewe!"

6. Mawe zorî xayan, pyawe zorî wut u jine kemî bîst. Le axira pyaweke wutî: "Em hewîre awî zor exwa, eger wa bîrwa em jinem ekewête dinyayekî tirewe, nawelê wa çake ba çarî bikem.

Rojêk nardî be şwên kabray hejarî dirawsêda u hat, pêy wut: “To îşit çîyc?” Wutî: “Qurban, bo koîkêşî eçime bazař, sa çwar koî bo çwar kes hebû helîegrim u ştêkim edenê u dêmewe u îtir şukrî xwa ekem. Aşey xawenkoşk wutî: “Bawkim to heqî dirawsêtî be ser minewe heye, namewê wa řabwêrî, ha eme sed lire biço dukanêkî pê danê u pêwe dest bike be kesabet u tucaret”. Destî bird sed lirekey naye ber demî, wutî: “Her wextîş eger bût bimdewe, eger neşitbû hîç”. Kabra gelê du‘ay xêrî bo kird u be dilêkî pîr le xoşî xoşîyewe sed lirey helîgirt u hatewe.

7. Ew şewe kewte lêkdanewe, ke çî bika u çî bikrêt u be çîyewe xerîk bê? Lewane bû xewekey lê têkçû u game u galtekeyan nekird. Şewî dwayî her bew core u ser barî eweş pejare daygirt ke axo axirî em îşey be çî ebê u be çî nabê. Ew şeweş her hîç... Her cor bû şewî sêhem pûçelêk kira. Lew lawe jinî aşey xawenkoşk beyanyan weku caran seretatkêyetî bizanê kabray dirawsêyan le ser îşî xoy mawe, seyri kird dû şewe beyanyan mele u wuslekey nemawe! Çû be mêrdekey xoy wut. Ewîş wut: “Carê hêşta le kwête u le kwêyane!”

8. Kabra lemlawe rojî sêhem çû hendê ştunekî kirî u dukenêkî dana, ke dukanî dana u kewte naw pare u hisabatewe ne şewçerey bûkênî le fikir ma u ne xwardin u nûstinîşî bo ekra, be corêk xerîk bû, ne şewî şew bû, ne rojî roj bû! Jinekeşî car-car destêkî tewe ejend ke pyaweke boçî wat lê hatûwe? Pyawîş ewa kewtote ‘alemêkî tirewe.

9. Emca jiney xawenkoşk çuwe lay mêrdekey xoy u wutî: “Pyaweke têm nageyenî eme çî basêke? Caran emane weku çoleke wa bûn? Keçî êste hezar xozge be ême!” Pyaweş wutî: “Jineke çît tê bigeyênim? Emane le hewelêwe hîç ştêkyan nebû, be taybetî pyaweke ewî ke fikir u xeyal xerîk bika ew neybû, hemû îşêkyan hatibûwe ser ew îşe. Êste pejare u helîsûrandlnî ew çwar pûle, ke be destîyeweye xerîkî kirdûwe u îtir be ser hîçî tirîyewe naperjê. Emeye îşî dinya — ewî banî zortire, befrî zortire, ke wate peroyek le hâlî min dadîrê”.

10. Kabray hejar hendê ştunekî kirîbû u firoştibûyewe, şewê le naw cêgekeda kewte pejarey ewe ke emcare çî bikrê, we aya

eger ştêkî tirî kirî tyaya ser ekewê, ya parekey eŕwa? Em şeweyan her be carê têkçû, wextêk be xoy zanî gizingî beyan le kîlaw-
röjney kolîtekewe hate xwarewe. Ew wexte hoşî hatewe be xoya,
dengî nekird ta hetaw kewt, hesta sed lîrekey helgirt u çûewe bo
lay ahey xawenkoşk wutî: “Qurban xwa rawestawit ka, eme sed
lîreket u xoşîyekey caranîm biderewe!”

9. [BAZGERDANÎ]

1. Dewrî pêşû dewrî bazgerdanî bû, baz binîştaye be ser her
kesêkewe ebû be padişa. Dû pyawî kurd lew wulatî kurdewariye
her le tafi minalî u herzekariyewe rozgaryan pêkewa rawardibû.
Paiz dahatibû le cût u kêşe u sepanî bûbûnewe, eçûn bo şar ştu-
mekî zistane bikiŕin bo xoyan u mal u minalyan. Geîştne ser ka-
niyekey “Kanîmaran” le wê tozê danîştin bo hesanewe u kewtne
demeteqê. Bîstibûyan ke le şar bazgerdane, herwa be dem qisewe
qiseyan hate ser ewe ke yekêkyan bewî keyan wut: “Erê eger êste
ême çûyne em şare u baz hat u be ser towe nîştewe u bûyt be
padişa, çî ekey?” Wutî: “Welle ewî çake u dadperestîye ewe ekem,
her ştê xwa hezî lê neka ewe la ebem u her ştê xwa pêy xoş bê
ewe ekem le geî merdim u tudey wulata”.

2. Inca ew le wî pirsî, wutî: “Ey eger baz nîşt be ser towe u to
bûyt be padişa çî ekey?” Wutî: “Welle bira ewî rastî bê le xirape
bawlawe hîçî tir nakem. Ewî sitem u cewre ewe biław ekemewe,
ewî xwa hezî le neka ewe ekem le geî xelka”. Wutî: “Kure çon
sitî wa ebê?” Wutî: “Dilî min ewey ewê, eger bûm be padişa le-
wey ke wutûme le la nadem, eger neşbûm ewa hîç”. Bem core her-
dûkyan peymanyan best u hestan lêyanda roîştin.

3. Ke çûn le qeraş şar heşametêkî zoy ko bûwetewe u baz be
asmanewe esûrêtewe. Emanîş çûn le goşeyekewe bo xoyan rawestan.
Baz hat u çû u geŕa, le axira xul-xul hat nîşt be ser ewe-
yanewe ke wutibûy min le xirape bawlawe hîçî tir nakem. Cwan u
puxt birdîyan u le ser textit dayanna u bû be padişa!

Îtir emîş bere-bere u wurde-wurde destî daye be encam geyan-
dinî ew bîr u baweraney ke heybû. Le zor u sitem u le cewr u xi-

rapey hemû xeîkî wuîat u qeîemiřew be teng hatin. Ewîř řoj be řoj xirapekanî her řû le zîyadî bû, way lê hat be hîç cor le la nema u weku gakuĵ kewte naw ew ‘alemewe.

4. Řojêk îřêkî fire nařîrîn u sitemkaraney dahêna u day be řanî hemû ehîlî wuîatekeda, wutî: “Ebê em îře bikeyn”. Kirdinî îřekeř le wuzey ehîlî wuîatekeda nebû, ko bûnewe u kewtne qise lêwe kirdinî, kewtne ewe ke beîku îřêkî wa biken pađîřa em siteme nahemwareyan le ser laba. Le her řêgeyekewe boy çûn, keîkî nebû. Axir qiscyan hate ser ewe wutyan: “Pađîřa le wextî xoya haw-řeyêkî hebûwe, biçîn beîku bîdozînewe u bînêrîne lay ew tikay lê bika u be tikakey ew em sitememan le ser heîbigre”.

5. Çûn u be hercor bû kabrayan dozîyewe u pêyan wut. Kabrař wutî: “Bawkim, min êste pyawêkî sepanî hejarim u ew pađřayekî gewreye, neemnasê u ne řêgeřim eden biçme lay. Be her zor u xwahêřtêk bû kabrayan saz kird u heîsa çû. Ke çûwe ber barega řaysipard be pađîřa bîlên fiîlankesêk hatûwe bo lay, aya derfet heye çawî pêy bikewê. Pađîřa herke gwêy le nawî fiîlankes bû hesta u ta ber dergay hewře çû be pêřwazîyewe u le geî eweda ke ew cilêkî řîř-u-wuřîřî le bera bû baweřî kirde milî u emla u ewlay maç kird u birdîye jûrewa u le tenîřt textekey xoyewe dayna. Pađîřa zor serzeniřtî kird ke boçî em mawe dûr-u-dirêje đîyar nebûwe u boçî ebê dostayetî u řefaçetî konî le fiķr çûbêtewe?”

6. Kabray hawrê pêy wut: “Biram, to êste pađîřay wuîatêkî zilît, min her kabra sepanekey caranim, kê min enasê u kê řêgey min eda ke bigeme lay to. To pađîřa u min sepan, eme her řêk nakewê u abrûy toř nabem”. Pađîřa leme zor diîlî teng bû, wutî: “Biram, min u to her hawrêkey caranîn, we nebê min xomim lêgořabê, zeman minî kirdûwe be pađîřa, beîam dostayetîyekem le geî toda her sepanekey caranîn. Gelêk lem qisane u lem gi-leyî u binasteya kird u pařan kabra řûy kirde pađîřa u wutî: “Ke wate êste min bo îřêk hatûmete lay to”. Pađîřa wutî: “Fermû”. Wutî: “To lew wextewe bûyt be pađîřa ta êste gelê sitem u cewrit le geî em xeîkeda nwandûwe u hemûřyan lê wergirtûyt. Êste îřêkî tirî zor zilet dawe be seryana ke le wuzey kesyana nîye u sitemêkî nahemware. Min hatûmete lat bo tikay ewe ke em taqe

sitemyan, le ber ew dostayetîye ke le beyanmana heye, le ser laberî”.

7. Padişa tozê serî daxist u le paşa serî berz kirdewe u wutî: “Kake bira, ke min u to ehatîn bo em şare u le ser kanîyeke danîştîn u hendê qiseman kird, ew qisanet le fikir mawe?” Wutî: “Belê”. Wutî: “Çî bûn?” Wutî: “Min wutim eger bibim be padişa le çake bewlawe hîçî tir nakem, we toîş wutit eger min bibim be padişa le xirape bew lawe hîçî tir nakem”. Wutî: “Kesî tir le beyanmana bû?” Wutî: “Bêcge le xwa kesî tir nebû”. Wutî: “Xo xwa zor çak gwêy le qisekeman bû?” Wutî: “Belê”. Wutî: “Ewe bû be rê kewtîn u hatîn. Paşan min bûm be padşa, we waîş ezanim, ke xwa kirdimî, we bo eweşî kirdûm ke îşî xirape u cewr-u-sitem bikem le gel em xel keda, çûnke eger biwîstaye çakeyan le gel bikrê ehat toy ekird be padşayan. Dîyare ke minî kirdûwe wa egeyênê emane xirapin, her şayanî xirapen. Eger çak bûnaye şayanî çake ebûn, ew wexte to ebûy be padşayan. Ke wate hîç lem rûewe rûm lê menê u natwanim lem siteme ke xistûmete ser şanyan dest helbigrim. Herwexit ke şayanî sitem nebûn u pak bûnewe bê şik bizane ke xwa min le seryan la eba u yekêkî weku to eka be padşayan”.

Kabray hawrê ke em qisaney bîst îtir helîsa malawayî lê kird u be şwênekey xoya geŕayewe.

10. [QEZA U QEDER]

1. Elê dewrî zû lew wîlatî Madistane padişayekî be deseîatî zor samandar hebû, hîç minalî neebû. Bem bonewe şew u rōj le pejareda bû. Hîç şêx u pyawçak u pizîşkêkî nehêşt, kelkî nebû. Qelēmîŕewekeşî rōj be rōj her ziyadî ekird, belām dilî ew rōj be rōj tengtir ebû.

2. Rōjêk hemû estêrejmrî memleketî ko kirdewe, ke belku le estêrey bextî ewa ştêkî bo bidozinewe. Estêrejmrîan le paş ewe ke be zanayî xoyan hemû estêre geŕan ştêkî zor seyryan çaw pêkewt. Qiseyan hate ser ewe ke be padişay negêŕinewe. Belām padişa tengî pê helçinîn u wutî: “Her ştêktan dîwe ebê pê m bilên”. Naçar ewanîş wutyan: “Ewî rastî bê padişahim; le estêrey bextî toda ku-

řêk berçaw ekewê u kuřêkit ebê, belam em kuře ke bû be temenî hew saġan mar pêwe eda u emrê!”

3. Padiřa beme le layêkewe diġxoř bû ke kuři ebê, le layekî-sewe diġteng bû ke kuři emrê. Wutî: “Bom dîsan seyr bikenewe”. Estêrejmrêkan herçende kelên u qujbînî estêreyan piřkinî leme zyatiryan ber çaw nekewt, wityan: “Padiřahim, leme zyatiř hiçi tir nîye, to kuřêkit ebê u qeza u qeder way hênawe ke ebê lew temeneda u fiġane kat u wexteda mar pêwe bida u bimrê”. Padiřa wutî: “Xo le ġisabî estêreda heye ke min kuřêkim ebê!” Wutyan: “Belê, belam qeza u qeder waye ke ebê birwa”. Wutî: “Sa min ew qeza u qedere egêrimewe u nayeġim rû bida”.

4. Belê le pař maweyek weku estêrejmrêkan wutibûyan padiřa xwa kuřêkî pêda u le hemû qeġemiřewî wiġata bû be aheng u zemawend u řayî-w-lořan. řa u řajin korpey îmrôj u cêniřînî paře-řojyan newek le naw diġi xoyana belku le naw diġi hemû merdimî wiġata be nazî řîr u řekir bexêw ekîrd. Padiřaiř îtiř her lew fikreda bû, ke çon em qeza u qedere bigêrêtewe u em cigergořeyey bo bimênêtewe.

5. Hemû řojê hemû dana u zana u twanay memleketî ko ekir-dewe, we ekewtne řawêj kirdin. Ewan eyanwut: “Qeza u qeder nagêrêtewe”, em her eywut: “Ebê bigêrimewe”. Bem core řeř saġi řebeq têpeři u pê nraye saġi hewtemîn. Încâ padiřa hênay le deř-têkî pan u fiřawanî weku deřti Sernwêda fermanî da hemû xolî deřtekeyan ta qûlayîy çwar gez heġkolê u xolêkeyan fiřê da. řwê-nekeyan be bilûr u mîna dařiřt. Em deřte heta çawkarî ekird bem corey lê kira. Pař ewe hênayan le naweřastî deřtekeda çwar koġekey zor estûr u zor-zor dirêjyan her le bilûr u mîna dařiřt u birdyan be asmana. Çwar zencîři estûři bilûryan hêna le geġ ketêkî gewrey dařiřawî be toraři bilûr.

6. Emaneyan bem core hemû amade kird u herçi tîrendaz u tîrbedestî memleket bû hemû ko bûnewe u çaweřey wext u se‘at bûn. Estêrejmrêkan se‘atyan girt be destewe u seyrî perdey estêrekanyan ekird. Ģisabî estêreyan wa geyandibû le padiřa, eger le fiġane deqîqe u se‘ata ew kuře biparêzrê u mar pêwe neda, îtiř qeyranekey be ser eçe u hezar saġ le dinyada emênê.

7. Wexit nizîk bûewe u heta kewte rōjî qeyran. Inca kuřeyan hêna u rût u qûtyan kirdewe u xistîyane naw ketekewe, zincîre-kanyan hêna serî her zincîrêkyan şetek da be yekê le koleke bilû-rekanewe ew serekey keyan best be pêçkey ketekewe u řayankêşa. Ket berz bûewe çû lew naweřastî asmanewe řawesta. Tîrendazan u tîrbedestan hemû xoyan rût kirdewe u tîr le kewana u her yeke dû çawyan pêwe bûbû be çwar çaw u seyrî emla u ewlayan ekird. Em hemû îşeyan bo ewe kird ke newek mar peyda bibê we ya kut-u pîr le şwênê we ya le cil-u bergî yekêka heşar dabê.

8. Wurde-wurde wextî qeyran her ehat u nizîk ebûewe u mar le hiç layêkewe dîyar nebû, xo eger marî hemû dinyaş ko bibway-tewe lewane nebû bitwanê biga bew kuře. Padişa u ehîlî memleket kewtne xoşî-xoşî u dîletepê xoşî kirdinewe, çunke qeyran her zor kemî mawe u mar le hiç layêkewe dîyar nîye. Hate ser ewe ke nîw deqîqey mawe bo řetbûnî qeyraneke. Kut-u pîr le dûrewê seyryan kird wa ĥacîleqleqêk rû be rûy keteke hat u marêkî be demeweye! Tîrendazan u kutekbedestan u hemû ‘alem şîlejan, na-îe u newa le cergî felekewe berz bûewe! Tîrendaz kewtne tîrha-wîştin, ĥacîleqleq nizîk bûewe u tozêkî mabû bo ser keteke. Tîrendazêk tîrêkî hawîşt bo mareke, ke be demîyeweye, tîr hiç serî ne-kird, be haje-haj çû nûsa be gerûy ĥacîleqleqewe! Ĥacîleqleq marî le dem berbûewe u mar kewte naw ketekewe u day be kuřekewe u kuře mird!

9. Çerxî zemanê pêkenî, qaqa u pêkenînî kird be eqîlî bendey lawaz u le destî tîrendaz! Pêkenî bewê ke guaya wîştyan qeder bigêfinewe, aferînîşî kird bew tîrendaze ke çon twanî lew asmanewe ew tîrey ser neka u bide le gerûy ew ĥacîleqleqe.

11. [BERXEKE]

1. Dîsan her le qisey gwê agirdanî kurdîye eîlê: kabrayek lew deşte bîre meřêkî hebû, yekê le meřekanî le şewî mewrôza za u ber-xêkî hêna. Kabra dest-be-cê kêrdêkî helgirt u çûwe ser berxeke serî bibê. Berxeke hate ziman wutî: “Ewe çî ekey?” Kabra wutî: “Çî ekem? Serit ebîrim u etxom!” Berxe wutî: “Kake bira, to ezanî min

êste pê m nawete em dinyaye, nazanim dinya çone u çon nîye, her ewende ezanim tarîke, bo çî dinya her waye?" Wutî: "Wa nîye, eme şewe boye tarîke, ke kewtîne roj dinyayekî rûnaktîre". Wutî: "Ke wate serim mebiîre, ba ew dinya rûnakeş bibînim". Wutî: "Başe".

2. Ew şewe lêgeîra u roj bûewe, dinyayekî rûnak hate pêşewe. Ew rojeş be ser çû u kewtnewe şewê. Kabra be xoy u kêrdekeyewe çûewe serî, wutî: "Wa rojîş be ser çû, kewtînewe şewê, îtir serit ebîm". Berxe wutî: "Kake, boçî, eme çi wextêke?" Kabra wutî: "Em wexte seretay behare u dinyay dîldarane". Wutî: "Kake to ezanî min beharim nedîwe, lêm geîre ba behar bibînim çone u ew wexte serim biîre". Wutî: "Başe".

3. Behar be ser çû u kewtne hawîn. Kabra be xoy u kêrdeyewe çûewe serî, wutî: "Ewa behariş be ser çû, îtir serit ebîm". Wutî: "Boçî kewtûynete key?" Wutî: Kewtûynete hawîn". Wutî: "Kake to ezanî min hawînîşim nedîwe, lêmgeîre, ba sirwey hawînîş bibînim" Wutî: "Başe".

4. Hawîn be ser çû u kewtne paîz. Dîsan kêrdî helgirt u çûewe serî. Wutî: "Wa hawîn dwayî hat u ebê serit bibîm". Wutî: "Boçî êste wayn le cîye?" Wutî: "Wayn le paîza u le gelârêzanî paîza". Wutî: "Kakey be derûn, to le min çaktir ezanî ke paîzim nedîwe, wazim le bêne, ba paîzîşim çaw pê bikewê". Wutî: "Başe".

5. Paîz be ser çû u pê niraye zistan. Kabra kêrdî helgirt u çû bo lay berxe, wutî: "Bira, ewa paîzîşit çaw pêkewt u be ser çû, îtir serit ebîm". Wutî: "Boçî êste çî wexte?" Wutî: "Wextî zistane u kilîley kawane". Wutî: "Kakî be mobet, xo ezanî ke min ne zistanîm dîwe, ne kilîley kawan, ke wate lêm geîre em zistanî toş bibînim". Wutî: "Başe".

6. Zistan be ser çû, kewtne şewî newîroz u kewtne behar. Kêrdî helgirt u çû bo lay berxe wutî: "Berxe, ewa zistanîş be ser çû, êste çî elêy?" Wutî: "Boçî, kewtîne çî?" Wutî: "Kewtînewe behar". Wutî: "Weku beharekey par?" Wutî: "A". Wutî: "Boçî ştî tir nema-we?" Wutî: "Ne". "Ke wate îtir serim biîre. Dinya îbaret bû le şew u roj u çwar waxte: le behar u hawîn u paîz u zistan. Her ştêkî tir be şwênîya bêt dewr kirdinewe u nebê ştêkî taze bêt. Le gel eweşa her em henaseyeye ke tyayam, îşî xot bike u xwat legeî".

12. [ŞERĒGA]

1. Le zemanî pêşûwa lew kurdewariye şerêga u şerêkeleşêr u şerêseg u şî wa baw bûwe, bew bûnewe dastanî kurdî eîlê: rōjêk padişayek le geî wezîrekey her yekê gayekî şeranyan ebê, le ser girewêkî qurs şeryan pêeken, gay padişa gay wezîr ebczênê u padişa gireweke le wezîr estênê.

2. Kabrayekî rûteley kurdî cûtyar ebê, êware dêtewe gayekî kewtûy leî tûkrûtawey şax çewt-u-çewêlî le tewîleda ebê, eçê eîlê: “Gaîrût, xwa bitgire, ne gêfe ekey, ne cût ekey, ne barim bo heîlêgrî, her xot be mirdû xistûwe, ka exoy u hîçî tir”, — dû sê darî lêda.

3. Galeî eîlê: “Axe boçî lêm edey?” Axekey eîlê: “Ke to îşêkim bo nekey be keîkî çî dêyt? Emîro gay padişa u gay wezîr le ser girew şer yana pê kirdin, gay padişa pareyekî zorî bo xawenî birdewe, xo to be keîkî hîç nayey”. Gaîrût eîlê: “Axe her êstake le geî padişa girew bike, eger sibeynê gay padişam bezam u girewekem birdewe xizmetim bike, eger min bezam u doîrandit serim bîre u goştêkem bide be seg”.

4. Kabray cûtyar des be cê eçête dîwanî padişa eîlê: “Qurban, min gayekim heye, şerî pê ekem”. Padişa eîlê: “Le ser girew nebê şêr be gay xom nakem”. Cûtyar eîlê: “Minîş emewê le ser girew bêt u le dûsed lîreş kemtir nebê”. Inca herdûkyan îre ekewin ke her yekê dûsed lîre bidene dest pyawêk, beyanî gay herkes serkewt çwarsed lîrekey bidrête.

5. Cûtyar dêtewe eçête lay gaîrût eîlê: “Dexîlit bim gaîrût dûsed lîrem qeriz kirdûwe bo girewî serî to, beyanî rûzêrd u malwêranim nekey”. Gaîrût eîlê: “Axe emir bike dû zelam her yekê sebeteyekî zile be destewe bigrin u le piştîmewe bîhênin”. Kabray cûtyar be qisey eka. Gaîrût her petî le mil daemaîlin îtir pelamar eda. Gay padişa le geî çawî le gaîrût ekewê berew dwa ebêtewe u heîldê! Gaîrût le dwawe pênc-şes qoç le paşelî heîleda, gay padişa bibîray-bibîray awîr nadatewe! Îtir kabray cûtyar çwarsed lîreke werêgre u gaîrût pêş xoy eda u dêtewe malêwe.

6. Inca epirsê: “Gařût pê m bilê çî bû ke wa ew ga zelame neytwanî xoy bo to řabigrê?” Gařût wutî: “Ewî řastî bê, a xe, min u ew gaye gwêrekey malêk bûyn, řewêk min u ew kam bo têkrabû, belam hîçyan bo ew tenekirdibû, zorî birsî bû, le nîweşewa lêm pařayewe, wutî — imşew têrim bike, řert bê sibey řew sebeteyekit ka bidemê, minîş wutim — eger sibey řew netdamê çî? Wutî — řert ckem çen řew dwa bikewê her řewê sebeteyekit qerzar bim. Inca eme řeş-hew sa le qerzarime. Emro ke çûyn u le dûrewe minî nasîyewe u çawîşî be sebetekan kewt way zanî be qerzeke çûm u ew hemû qerzeşî pê nadrêtewe, le berim he lat. Egîna eger be řer bwaye qet min zewtî ewim ekird? Ewe le tirsî qerzarî řay kird newek le tirsî zor u bahûy min!”

13. [PÎRÊKÎ DANA]

1. Egêfinewe le zemanî konda paşayek ebê, le hîç neetirsa le pîrî nebê, we herke pîrêkî bidîaye, rûy girj ekird we di lî egîra. Le ber eme firmanî derkird ke herkesê temenî le řest sa lî têpe rî, bîkujin, we katêk em denge be naw wulata bilaw bûewe destedeste lawan le hemû layêkewe rûyan kirde baregay paşa dest be dîyarî daway lêburdinyan lê ekird bo kes u kare pîrekanyan, ke neyankujê.

2. Belam ne pařanewe we ne dîyarî karî nekirde di lî padişa, we pêy wutin: “Herkesê, ke le êwe twanî ew kûpele zêrîney ke kewtote em gomewe derbihênê, le bawkî xoş ebim, herçend temenî zor bê t we be sa lîşa çûbê t, we herkesêkiş neytwanî ewa fermanî kuştinî xoy u bawkî derekem”. Le paşa ewey ke be xoyda řapermû hate pêşewe u wutî: “Amadem”. Bem pêye nosed u no kes hew lî eweyan da, ke kûpeleke derbihênin, belam nîçyan neytwanî derbihênin, paşas le ser belênekey xoy firmanî da, we serî hemûyan peřand.

3. Belam lawêkî tir ke bawkî zor xoş ewîst we temenî le řestda bû, le ber ewe bawkî bird u řoîşt be eşkewtêk. Řojê le řojan ke kuřeke le tenîşt bawkîyewe danîştibû, pîreke sey rî kird kuřekey hoşî lay xoy nîye, we kewtote deryay bîr u lêkdanewe. Bawkî lem

rûwe lêy pirsî, ewîş le welamda wutî: “Babe gyan, basî em kûpe-
lêye minî sersam kirdûwe, we eweş ke le hemû seyrtire eweye ke
katêk le qeraş gomeke ewestî zor be başî kûpeleke le awekeda
ebînê, keçî ke xot exeyte awekewe bo ewey derî bihênî, aweke
eşleqê îtir wun ebê u nabînê!”

4. Pyawe pîreke tozê bîrî kirdewe we inca wutî: “Kuřim, kû-
peleke le naw liqî darekanî qeraş gomekeda danrawe, we ewey ke
gomekeşda ebînre kûpeleke nîye wêneyeketî”. Kuřeke ka emey le
bawî bîst hestaye ser pê be řakirdin çû bo lay paşa u pêy wut:
“Min kûpeleke derhênim, eger derim nehêna to le serim bide”.
Paşa katêkî bo kuřeke dana ke bêt u kûpeleke derbihênê. Ke ew ka-
te hat kuřeke hate qeraş gome, we ewey ke xeļkekey sersam kird
ewe bû, ke kuřeke le cyatî ewey xoy fîrê bidate gomekewe bo
ewey kûpele derbihênê, serkewte ser ew darey ke le qeraş gome-
ke bû, we ewendey pê neçû hate xwarewe u kûpelekey pê bû day
be paşa.

5. Inca paşa rûy kirde kuřeke u pêy wut: “Min hergîz be bîrma
nechat ke lawêkî zana u jîrî weku to le wuļatekema bibînî”. Ku-
ře pêy wut: “Min zana nîm, beļku zanake bawke pîrekeme ke le
şwênêkî dûr şardûmetewe, ta le serî nedrê, we ew pêy wutim ke
kûpeleke le naw liqî darekanda şarawetewe”.

6. Paşa kemêk bîrî kirdewe u wutî: “Pîrekan danan, çunke
ewey ke be bîrî nod u no lawda nehatibû pîrêk be tenya zanî, we
êsta têgeîştîm ke danayî pîrekanman ewendey hêz u twanay lawe-
kanman pêwîst u be keļke bo wuļatekeman”. Bem core herçî pîrî
wuļateke bû le kuştin řizgaryan bû.

14. [ÇAKE BIKE...]

1. Yekê bû, yekê nebû, kes le xwa gewretir nebû. Padişayek
bû le dewrey pêşînda, zor zana u bedad udiļsoz bû, xeļkî wuļa-
tekey be asûde u kameranî le sayeyda ejyan. Em paşaye minafî
nêrîney nebû, tenya kiçêkî hebû, le cwanî u zîrekîda bêwêne bû,
ke nawî Rêhane-xanim bû, zorî xoş ewîst, herçî saman u darayî
xoy heye le be pêyda biřîştaye le lay kem bû.

2. Katê kiçekey geîşte temenî hejde salî padişa biŕyarî da cejnêkî ahengî bo ber pa bika, herçî pyawe gewre u karbedestanî şar heye hemûyan bang bika we pare u nan-u-çêşt be ser hejaranda bibeşêtewe. Ke şazade emey bîst be bawkî wut: “Em ahengey to eykey tayebeî bo çend kesêke, pêwîste hemû xelkî şareke bang bikêrê”. Herçend bawkî wutî cêga u rêgay wa firawan dest nakewê ke hemû xelkî şarî tya cêy bibêtewe, şazade pêy dagirt u wutî: “Hemû xelkî şar bang nekey min nayeme em ahengewe”.

3. Padişa dilî neşkand fermanî da xêwet u xerga le qerax şar helbiden u be kursî u mêz u gûlî rêngawrênga bîfrazênewe we xwardin u xwardinewey nayab amade biken. Fermanî padişa be cê hênra. Şazade be bergî al-u-walâ xoy araiş da le hemûy cwantir ke lêy ehat milwankeyekî elmas bû. Ew roje le beyanîyewe ta sê se‘at dway xorawa deste-deste xelk ehatin bo em ahenge, şazade pêşwazî ekirdin we le ser sifre dayenan. Dway tewawbûnî ahengeke xelîk be saz u awazewe geŕanewe be cêy xoyan.

4. Şazade ke geŕayewe jûrî nûstin bînî milwankeye nemawe, leme zor dilgiran bû u bawkî lê agadar kird, ewîş carçî xiste şarewe ke car bida: “Herkesê em dize bigre ke milwankey şazadey dizîwe we bîhênc ba padişa hezar eşrefî zêr werbigrê!”

5. Lem şarceda pyawêkî hejar hebû ke sê kuŕî be nawî Guî u Perwîz u Cehangîr hebû. Em pyawe demêk bû nexoş bû kuŕekanî destyan neeŕoîşt dermanî bo bikîrî we kirêy pezişkî bo biden. Guî kuŕe gewre bû, be dû birakey wut: “Destim bibestin u bimbên bo lay padişa biîlên: “Eme milwankey şazade dizîwe”. Ke mizgênîtan wergirt bo bawkmî xerc biken”. Brakanî be qiseyan kird, be destî beste dayane pêş xoyan bo lay padişa u wutyan: “Eme dizekeye ke milwankey şazadey dizîwe”. Padişa hezar zêrî danê we hatnewe le ber demî bawkyan dana. Bawik pirsî: “Emetan le kwê bû? Ey Guî çî lêhat?” Serburdyan bo geŕayewe u destyan kird be xizmet u dermankirdinî bawkyan.

6. Bêynewe ser basî Guî. Padişa lêy pirsî: “Em milwankeyet çon dizî?” Guî wutî: “Nemdzîwe, le rêy guzara dozîmewe wam zanî ştekî bênirxe hawîştne deryawe”. Padişa leme fiqî girt fermanî da be xinkandinî we sêdareyan bo dana. Bawkekey be

giryan u hawar xoy geyande padişa u wutî: “Em kuřey min diz nîye. Min nexoş u deskurt bûm, ew dû kuřey ke be destî beste bo toyan hêna biray bûn, bo ewey ke mizgênî pê wergirin we minî le nexoşî pê řizgar biken ew kareyan kirdûwe”. Padişa ke emey bîst destî le milî GuĻ kird emla u ewlay maç kird u wutî: “Ke to ewende fidakar bî bo bawik, xo min hîç kuřim nîye, ewa tom kird be kuřî xom”, — we şazade Rêhaney lê mare kird. Emca le şara cař dira: “Rêhane dira be GuĻ we milwankekeyş gewrezadeyek dozîbûyewe bo padişay hênayewe”. We le sayey GuĻda bawik u daîk u birakanîşî hesanewe. Eme amujgarîye ke herkesê le řey çakeda fidakarî bika padaştî xoy weregrê, weku elên: “Tu çake bike u bîhawew derya, le damawîda be firyat ega”.

15. [BESERHATÎ XUŞK U BIRAYEK]

1. Yekê bû yekê nebû kes le xwa gewretir nebû. Le serdemî dêrînda xuşk u birayek bûn be nawî GuĻale u Newroz. Hêştale xem neřexsî bûn daykyan mird. Katê řast u çepî xoyan nasî seřryan kird bawejinêkî diĻreçî bêbezeyî be gurzî giran westawe le seryan. Em bawejine hemîşe le kelên egeřa ke em xuşk u biraye be fêlêk le naw biba.

2. Le řojêk derfetî bo helkewt be bîyanûy seřranewe GuĻaley birde deştêkî kakî be kakî u hawîştîye bîrêkewe. Maweyek le bîreke dûr kewtewe çalêkî gewrey bînî le naw çalekeda be gurîs tořêkî dirust kird we dawêkî başı nayewe we serî çalekey be hejg u dirk u daĻ dapoşî we hatewe maĻ. Demî êware Newroz le derda hatewe herçend bangî GuĻaley xuşkî kird hîç weramêkî nebîst we le bawejinî pirsî: “GuĻale çî lê hatûwe?” Le werama wutî: “Nazanim”.

3. Bo sibeynê Newroz řey deşt u biabanî girte ber ke bizanê xuškekey çî be ser hatûwe? Bawejinî serasinîn şwênî kewt wutî: “Bam pêkewe le pê u şwênî bigeřeyn we herdukyan pêkewe řoîştin heta nîzîk ew çale bûnewe ke dawekew tya nabûwe we le pîř bawejin palêkî na be Newrozewe ewîş xiste dawewe xoy geřayewe.

4. Bêynewe ser u karî Gulâlê. Le katêka kuî paşayek ke nawî Şabalî bû le gelî tîpêk swareda bo raw u şîkar le nîzik ew bîrewê Gulâlêy têda bû raeburdin gwêyan le nûzey însanêk bû le bîreke-da. Şabalî gurîsî darûçkey bîreke kird, Gulâlê xistîye naw qedî we ewîş raykêşaye serewe. Temaşayan kird kiçêkî nazenîn u nazdare, tirêy rêş bîxwa le say gerdîniya dîyare. Dest be cê Şabalî swarî wulaxêkî kird u birdîyewe koşkî bawkî. Kiçeke le bîrekeda le çend cêgayekewe birîndar bûbû, pezişkian bo hêna çend rîjêk tîmarî kird heta çak bûwe. Dwayî be xwastî xoy şûy kird be Şabalî we ahengêkî gewreyan bo gîra.

5. Newrîzîş çend rîjêk le dawekeda mabûewe we le bîrsana hêzî tya nemabû, le nakaw rêşmarêk berew rûy xîşa. Le dilî xoyda wutî: “Ey xwaye gîrodey dawut kirdim sereray eme rêşmarîşit bo nardim pêmewe bida”. Belam mareke hate zuban wutî: “Min firîştem, xwa minî bo tu rîxsandûwe ke lem dawey têy kewtûy rîzgarî bikem”. Xêra çûwe xwarewe be dane tîjekanî petî dawekew qirtan we ser kewte serewe, kilkî şor kirdewe wutî: “Herdu destî be kilkim bigre”. Ewîş herdu destî tund be kilkî girt we mareke tekanî daye xoy Nawrîzî ser xist we rîzgarî kird we emustîleyekîşî daye u wutî: “Bîkewe pencet her nîyazêkit bû çaw biqûçîne we emustîleke helgu-lofe sûdî lê ebînî”.

6. Newrîz rûy kirde mareke wutî: “Hoy em çakeyey le gelî minîta kird çîye pê mîlê?” Mar wutî: “Rîjêk min çûbûme wêney kotirêk we le ser liqî dirextêk nîştibûmewe, we bawkit tîrî xiste kewanewe nîşaney lê girtim ke bimkujê, to destî girt we nethêşt ke bimkujê, wutit — em perînde besezimane hîç zyanêkî be ême negeyandûe u bo çî eykujî? We bawkit destî gîrayewe, eme padaştî ew çakeyeye”. Newrîz be supasewe le mareke ciya bûewe.

7. Eweş bizanin her ew rîje mareke xoy geyandbûwe gyanî bawejînî dilrêq we pêwey dabû, jyanî le ber bîrîbû, we toley em xuşk u bira bêgunahey lê sendibû.

Newrîzîş ke le mareke tîpêrî çawî qûçan we emustîlekey helgu-loft wutî: “Xwaye, bimgeyenê be Gulâlêy xuşkim”. Ke çawî kirde- we xoy le baxî koşkêka dî w Gulâlêy xuşkî le heywanî koşkeke rawestabû, we be yek şad bûnewe we serburdî xoyan bo yektir gêfayewe.

16. [PENDÎ BILBIL]

1. Egêrinewe bilbilêk le baxêka le ser liqî dirextêk nîştibûwe we be awazêkî xoş eyxwênd, we minalêkîş le jêr dirextekeda dawêkî enayewe. Bilbileke hate ziban wutî: “Ey minal ewe le çi xerîkî?” Wutî: “Emewê bem dawe peîndeyek bigrim”. Bilbil wutî: “Kam peînde ewende bêeqile be tema’î dane xoy bixate dawî minalanewe?” Minal wutî: “Eger xwa le çarey nûsî be tema’î dane ekewête em dawewe”. Bilbil be minalêke pêkenî u fîrî.

2. Le paşa minalêke dawekî le jêr xoîda şardewe u daneyêkî zorî rîkird we xoy le penayekewe heşar da. Dway kemê her ew bilbile geřayewe ser direxteke, temaşay kird dawekî lê ncmawe we kesîş dîyar niye, we daneyêkî zorîş rîjawe. Temaîlî xîr bû hate xwarewe destî kird be çînînewey dane, le nakaw dawekî tund milî girt, herçend xoy řaepiskan dawekî zyatir milî eceřan. Ewendey pê neçû minalêke hat bilbilekey girt u pêy wut: “Ey bilbil, min enasîte? Encamî le xo baybûn u tema’ çon toy xiste dawewe?” Dwayî bilbilekey xiste qefezêkewe u birdî bo bazar. Pyawêk lêy kirî birdîyewe malêwe.

3. Bilbilî hejar çend rîjêk le bendî qefezda mayewe be ahî zar. Rîjêk rîy kirde pyaweke wutî: “Çend beçkeyekim heye hatbûm xorakyan bo peyda bikem, bew hoyewe kewtme dawewe, êstaş to le temaşakirdinî min sûdek wenagrî, eger bêt u rîzgarim bikeyt sê pendit edemê ke kêkêkî zorî ebê bo to”. Wutî: “Pendekanit kameye ta rîzgarit bikem?” Wutî: “Bimbe bo naw baş le wê pêt eîlêm”. Kabra bilbilekey be qefezewe bird bo naw bax, emca wutî: “Bîlê”.

4. Bilbil wutî: “Pendî yekem le naw qefezekeda eîlêm, dûwem le derewe, sêhem ke çûme ser direxteke. Kabra wutî: “Etewê min tefrey bidey we řa bikey”. Bilbil wutî: “Qisey merdan yekêke, di-ro nakem”. Herçonê bû kabray qaîl kird. Emca wutî: “Bîlê”. Bilbil wutî: “Destî çarenûsî xway qeza-u-qeder her ştêkî le dest to derkird we her ziyanêkit lê kewt boy xefetbar mebe, we be şwênîya meřo”. Pyaweke wutî: “Qiseket cwane”. Emca le qefez hênaye derewe u wutî: “Pendî dûwem bîlê”. Bilbil wutî: “Be qisey di-rozin u fêlbaz tefre mexo”. Pyaweke wutî: “Emeş cwane”. Bilbil fi-

řîye ser direxteke u supasî xway be cê hêna ke le bend řîzgar bûwe. Kabra wutî: “Pendî sêyem bilê”. Bilbil wutî: “Çawbirsî temakar mebe, min le şumî tema‘ewe kewtme dawewe, belam, ey cwan, bam qiseyek be to bilêm, to pyawêkî zor bêeqilî u nadanî ke minit berda”. Kabra wutî: “Le ber çi?” Bilbil wutî: “Gewherêkim le zig-daye ke qursayî bîst misqale. To ew gewheret le dest da”.

5. Kabra ke em qiseye bîst day be ser xoyda. Řûy kirde bilbil wutî: “Merdî çak be, werewe lam, xorakî xoşit edemê, qefezî zêrit bo dirust ekem”. Bilbil wutî: “Êste sê amojgarîm kirdî, be deqî-qeyek le bîrit çûwe, pêw wutî — be şwên le destçûda meço, xefetî bo mexo. Min taze le dest to çûm, weku elên — “morxî ke azad bû le dam carêkî tir bo kes nabê aşna u ram”, — u êste boçî xefet exoy? Pêw wutî be qisey dirozîn u fêlbaz bawer meke, boçî minit berda? Pêw wutî temakar mebe, keçî tema‘î gewher be serî xota edey u elêy were we lam. Min wîstim amojgarît bikem egîna leşî min bîst misqal nabê, çon gewherêkî bîst misqalî le zikî minda ebê? Min zor supasit ekem ke minit řîzgar kird, le padaştî ew çakeyeda bam pêw bilêm kûpeyek zêr le jêr em dirextedaye derî bihêne pêw dewlemend ebî”.

6. Ke kabra jêr dirextekey helkolî be rast derçû, emca wutî: “Ey balîndey beheştî, to çawit jêr zemîn ebînî, keçî le ser zemîn dawekî nedî, bo çî bûy be dawewe”. Bilbil wutî: “Pênc pencey çarenûsî xwa ke kewte geř, dû çaw u ziban u dû gwê eka kwêr u laî u keř”.

17. [ZERİNGER U DARTAŞ]

1. Yekê bû, yekê nebû, egêřinewe le serdemî řabirdûda dû hawêrê hebûn be nawî Cewher u Cwamêr. Zor yektiryan xoş ewîst. Cewher zêřinger u Cwamêr dartaş bû. Em dû biradere zor dewlemend bûn u xoşguzeran, destî yarîdeyan dirêj ekird bo lêqewmaw u hejaran çarenûsî yezdanî xistnîye kizî u perêşanî.

Řoj be řoj heta ehat estêrey bextyan ehate nehat we her carê qortêkyan be serda ehat. “Felek kirdewey bedî dêrîne, le gel pyawçakan daîm be qîne”. Cewher pyawêkî xwêndewar u tegeîştû

bû. Rojêk rûy kirde Cwamêr wutî: "Ey biray gyanî ême guzeran u rûzman lem şareda nemawe, we her yekeman pîşcsazêkî hunermendîn, ba rû bikeyne şarêkî tir, weku elên: "bereket le hereketewe"”. Cwamêr qisekey pesend kird we herdûkyan kewtne rê.

2. Dway beynêk geîştne şarêk le wulâtî rôm, le qeraş şar koş-kêkî cwan u řazaweyan dî ke em koşke bitxane bû, dû bitî tya bû ke le zêr dirust kirabûn we be cewahêrat řazandra bûnewe. Beyanî u êware xelkî şareke ehatin kuñuşyan bo bitekan ekird. Herdû bira kewtne guft-u-go, wutyan: “Qewmêk ewende bêcqîl u bêmêşk bê ştêk xoy dirustî bika u kuñuşî bo berê ême etwanîn be seryanda zaî bîn we em bitaneyan le dest derbênîn, we samanêkî bêşumarman destgîr ebê, bem hoyewe etwanîn le wulâtî xomanda mizgewt u qutabxaney pê drust bikeyn u xoîşman be şadmanî pêy ejîn”.

3. Herdûkyan peymanyan best we swêndyan bo yektir xward ke yarîdey yek biden be bê serçewtî. Bergî bitperistanyan poşî u çûne lay pîrî bitxaneke wutyan: “Ême ser aînî êweyn, hozî xwaperistan malîyan be taîan birdûyn we le nîştmanî xoman řehendeyan kirdûyn u êstaş penaman bo êwe hênawe. Pîr be diînewaîkirdin we řêzîgirtin jûrêkî le bitxanekeda bo terxan kirdin u mûçey bo birînewe. Çend mangêk em dû biraye zor be germî bitperestî u xizmetî bitxanekeyan ekird, ewendey nexayan pîrî bitxaneke mird. Fermandar u pyawe maqulanî şar ko bûnewe wutyan em dû biraye lêreda xizmetyan zore u pêwîste bîkrên be serperîştî em bitxaneyê u bîryaryan le ser da. Emca emanîş zyatir be germî xizmetyan ekird heta řojêkî cejn xelkêkî zor hatin bo bitxaneke Cewher u Cwamêr destyan kird be giryan u hawar wutyan: “Emşew bitî gewre u bitî biçûk be êmeyan wutûwe ke em kone cihane cêy manewe u hesanewe nîye we cêgeman pê tenge, bem zwane eçîn bo asman — êmeş le xizmetyana ebê biçîn”. Xelkekeş be řas-tyan zanî.

4. Şewê be serda hat herdû bira bitekanyan kert-u-pert kird u kirdyane cewalewe birdyan le dûrî şar le swênêkî nedîw şardyanewe, we çun wulaxyan be kirê girt u hênayanewe wulâtî xoyan. Cwamêr rûy kirde Cewher wutî: “Em zêr u cewahîrate bîbere malî

xot, çunke to zeřingerî xeĭlik gumanit lê naka wa ezanin hî xeĭke boyan ekey be xiřil, beĭam lay min bê mîrî bizanê le destim derdênê. To herçiyêkit lê firořt nîweym biderê”. Cewheriř hemûy kirde sindûqêkewe we le jêrjemînda řardiyewe.

5. Sibeynê Cwamêr çû bizanê çî firořtûwe çî nefrořtûwe. Cewher serêki lê bada wutî: “Kere řet bûy zêřî çî u cewahîratî çî? Em qisane bikey etben bo řêtxane”. Cwamêr wutî: “Ey biray gyanî, lêm zwîr mebe galtem le geĭ kird”.

Hate maĭewe peykerêkî le wêney Cewher dirust kird we bergî ewî be berda kird, jêrjemînêkî hebû, lewêda dayna. Emca be pelepel çû bo dêy Musekî lay řêwekel dû beçe wurçî girt u hênayewe u birdinîye lay peykereke, beçe wurçekan birsîyan bibwaye xurakî bo ekirdne gîrfan u baxeĭî peykereke, ewaniř deryanehêna u eyanxward, heta çend řojêk beçkekan hogirî peykereke bûn.

6. Cewher dû kurî hebû le temenî řeř-hewt salîda. Řojêk Cwamêr derfetî lê bînîn herdukî hênane maĭewe le jûrêka řardinîyewe. Êware Cewher egeřa be řwên kuřekanya. Cwamêr pêy wut: “Sitem u zorî bawkan egeřêtewe bo ser ewladan, kuřekanit bûn be beçe wurç”. Kabra destî kird be hawar u fiřan wutî: “Çon însan ebê be beçe wurç?” Xeĭkî geřek lêyan ko bûnewe, Cwamêr beçe wurçekanî le jêrjemîn derhêna. Çunke zoryan birsî bû řaĭawyan bird bo Cewher dest u pêyan elistewe we destyan ekird be gîrfan u baxeĭîya. Xeĭkeke wutyan: “Eme stêkî řaste, bo çî em beçe wurçane be lay kesmana nayan?” Řûyan kirde Cewher wutyan: “To ebê gunahêkit kirdibê, tobe bike le gunaheket”. Emca Cewher le nîweřewda zêř u cewahîretekey kird be dû beřewe, beřêkî da be koĭya hênay bo Cwamêr wutî: “Aferîn paĭewanî fêĭ u řîaset”, — u pelî kuřekanî girt u hênayewe.

18. [PADřA U řWAN]

1. Yekê bû, yekê nebû, kes le xwa gewretir nebû, egêřinewe le ser demî pêřîn mîrî Soran, xwa lê xoř bû, Miĭhemed pařay Řewardiz le dewrî fermanřewayîy xoyda der barey jêrdestanî zor diĭsoz u dadperwer bû, le qeĭemřewî ewda gurg u meř pêkewe awî

exwardewe. Em padişaye hemîşe zanayanî be temenî dinyadîdey le xoy ko ekirdewe u rawêjî pê ekirdin, pend u amujgarî be sudî lê weregirtin.

2. Rôjêk le rojan yekêk le dîlsozanî niştman day be gwêy padişada ke wa le derewey şar desteyek cerde peyda bû, we destyan kirdûwe be raw-u-rût. Ladêfiye hejarekanyan rûtandûtewe hîçyan be destewe nehêştûn. Padişa leme zwîr u dîlteng bû fermanî kird be serkirdey supa ke hêzêkî pîr çekewe le pê-u-şwênî terîdekan bigerê ta byangirê u toleyan lê bisênê.

3. Serkirdey supa maweyekî dîr-u-dirêj be xoy u supakeyewe le pê-u-şwênî terîdekan geŕa hîçî bo nekra we neytwanî byangirê. Tumez hendê le pasewanekanî padişa le gel terîdekana hawkar bûn. Padişa têgeîşt eger xoy pêş supake nekewê we le gelîyan neçê em terîdane be asanî nagîrên.

Rôjêk le demî hetaw kewtinda pêncsed swarêkî pîr çekî le supakey saz kird we xoy pêşyan kewt. Demî nîweŕo ke germay hawîn bû le çya şor bûnewe geîştne pêy deşt, padişa be dûrbîn çend swarêkî le terîdekan bedî kird, îtir bê ewey supahîyekanî agadar bika xoy be tenya be xar nişte seryan. Maweyekî zor şwênyan kewt, belam terîdekan le wulaxekanyan dabezîn we xoyan le naw çîr u lêrewarda bizir kird.

4. Lem kateda padişa tînûyetî zorî bo hêna, ke awîrî dayewe le kwêre şewêkda rêşmalêkî bedî kird u be rûy rêşmaleke çû, bînî pîremêrdêkî rîşsipî palî dawê be estûnî dewarekewe, padişa wutî: “Mame pîre mîwan raegrî?” Mame pîre le berî hesta u ciîlewî wulaxekey girt u wutî: “Mîwan dîyarîy xwaye, feŕ u xoşît hawurd”. Kepenikêkî bo raxist u dayna. Padişa ke serî helbîrî gemalêkî tengê estûr u gurgêkî bozî zelamî be çîley dewarekewe dî ke helwes- ra bûn, belam qisey nekird.

5. Le dwaîda mame-pîre hesta hendê mast u kere u penîr u çend xepleyekî galî xiste ser sebeteyek le gel kemoleyek do le ber padşada dayna. Padişa rûy kirde mame-pîre wutî: “Pirsyarêkit lê ekem eger be rasti weram nedeytewe naneket naxom”. Pîre wutî: “Fermû bilê”. Padişa wutî: “Ezanim, em gurge bozet boye bem çîley dewareda helwasîwe, çunke dize u zîyan egeyênê be meŕ-u-

maġat, ey em gemaġet boġi le teniştîyewe heġwasîwe? Xo seg be şew pasewanî eka u meġ-u-maġat le diz u gurig eyparêzê u be emeke, emem tê bigeyênê çîye?”

6. Pîre le werama wutî: “Min şwanim, xawen meġ-u-maġatim, lem çendaneda êwareyek meġekanim jimard u be serim kirdinewe bînîm dû scrim nemawe. Bo sibeynê dîsan temaşam kird sê serim nemabû. Leme serim suġma çunke le ber em gemaġe diġe diz u dirozîn u gurig nawêrê tuxnî meġekanim bikewê. Ta rîjêk demî nîweġo meġekanim le say dar beġuyêkda moġ dabû we xoyşim paġim dabûwewe be qedî darekewe, xerîk bû çawim biçête xew, ewendem zanî gurgêk peyda bû, gemaġekeyş bê ewey lêy biweġê çû le geġya cût bû, dwayî ewe be kilkeġsûrandin yekêkî le meġ ekanmî bo birdc pêşewe ke bîxwa. Ke emem dî rîpeġim, be pîlarêk gurgekem kuşt, emca le geġ gemaġekeda awete herdukyanim heġwasîwe, çunke pasewanî xirap le gurgî diz xiraptire”.

7. Padişa ke em qîsaney le mame pîre bîst emustî xoy gest, le di Îi xoyda wutî: “Min bem supa pîr çek u be hêzewe herçend ekem sê-çwar dizî rîş u rûtim bo nagîrê, hebê u nebê pasawanekani xom destyan le geġ dizekanda têkele”. Hatewe bo şar ew pyawaney ke piştîwanî dizekan bûn giştî girtin u xistinîye bendîxanewe. Emca dizekan ke bê piştîwan manewe be asanî gîran.

Pend:

“Diz u pasewan kirdeyan yek xen,
Be kune bana gacût ser exen”.

19. [BIZIN U MAM-RÊWÎ]

Rîgêkyan rîewîyekî fêġbaz kewtbû nêw bîrêkewe. Zorî bîr kirdewe. Herçê hîle u fêġ u telekebazî deyzanî kirdî, sûdî nebû. Be hemû hêzêkewe xerîk bû neytwanî u çarî nebû u le nêw em bîreda rîzgarî nebû. Biznêkî mandûy tînûy nezan geîşte ser ew bîrey mam-rîewî têda giriftar bibû. Biznî hîç nezanî besteziman le mam rîewî pîrsî: “Axo awî bîreke çone?” Mam-rîewî zorzan wutî: “Gelê rûn u sard u sazgere. Bizin wutî: “Mam-rîewî rîeyekim pişan nadeyt çon bême nêw bîrewe?” Mam-rîewî gutî: “Pêt dane ser serî min u xot

bawêje naw aw. Biznî nezan be pêy xoy awête nêw bîr u tuş u giriftar bû u rêwî fêlbaz pêyekanî dana ser şaxekanî bizne u lem dawê sexte xoy rîzgar kird u bizinî le nêw bîrda be tenya be cê hêşt.

20. [KOTIR U MÊRÛ]

Degêrinewe kotirêkî nasik u cwan le ser liqî darêk heîniştû. Bîni wa mêrûyek kewtote nêw awewe, herçendî hewl u teqela deda natwanê be hîç rêga xoy derbaz bika, ewendey nemabû bixinkê. Kotir dilî be barî mêrûy sûta u geîşte hanay gelayekî ew darey, ke le serî heînistibû boy xiste xwarê. Mêrû be hoy em pelke darewe xoy geyande kenarî aw u le metirsî le naw çûn-u-neman rîzgarî bû. Herke mêrû geîşte ser zewî hestî be asûdeyî u dilnîayî kird. Têmaşayekî dçwr-u-berî xoy kird nêçîrewanêkî be dî kird wa le parêzdaye xerîke em kotire serbeste raw ka. Tîrî awîştote nêw kewan u singî kotirî kirdote nîşane. Mêrû xêra u çalakane xoy geyande nêçîrewan u yekser pêy gezî. Nêçîrewan le tawan destî lerzî u tîrî be hele çû. Kotirî azad firî u rîzgarî bû.

21. [GURG U LEGLEG]

Gurgêkî sitemkar êskî gyandarêkî sitemlêkrawî le quîrgîda mabowe. Herçendî deykird henasey be başî bo wernedegîra, hate nêw caneweran u bangî da: “Her yekê em êske le gerûm derbênê ewe çakeyekî gewrey beranberî dekem”. Gyanwaran wa tegeîştin, ke wa mam-rêwî cêgay bawer u dilnîayî nîye, boye welamyan nedawe, tenya leglegî nezan nebê çu meydan. Legleg be hewl u teqela u zehmetêkî zor êskî le nêw gerûy gurg derhêna u daway mizgênîekey lê kird, le ber ewey le mirdin rîzgarî kird. Gurg le weramda wutî: “Hey leglegî nimekheram, to serit be selameti le nêw qurgî sitemkarêkî weku min derhêna, hêj daway mizgênîş dekeyt. Xecalet nakey dewî xot bo xêr u bêr dekeytewe. Katê serit le nêw demim u singit le ser zimanîm bû, çak nebû be didanim nemguşî. Bîrya em parûe xoş u be tamem le dest nedabaye, êste wa gyanit ke azade çaktirîn mizgênîye be tom bexşî, bawer nakem hîç xêrdarêk çakey way pêşkeşî kesî kirdibê.

22. [XANEDANÎ]

Carêkyan rêwî u biznêk le barey gewreyî u xanedanî xoyan kewtne qise u gift u go. Heryek lewan tarîfî baw u bapîrî xoy de-kird, ca bo rîstî qise u wutû u wêjyan deba her yekeyan belgeyan be destewe ba. Biznî mije le ber ewey belgeyekî be hêzî be destewe nebû, her le ser tarîfî baw u bapîrî xoy rîşt, bawkim, fîl-an u bapîrim fîlan bûwe. Rêwî xoy pê fanegîra u kewte welam u gutî: “Hey pêstpîsî xo u rêftarî pîsî, to payey xanedanî rûn u aşkiraye, wêney êstat haî-u-hewalî pêşût denwênê!”

23. [HELO U TAWUS]

Degêrînewe komelêk balînde ko bûnewe ta paşayek bo xoyan helbijêrin. Hemû corc melêk be awatî paşayetî bû. Balîdarêk ke le hemûyan bawer be xotir bû, şanazî be cwanîy xoyewe de-kird hate meydan u balî nexşînî xoy kirdewe u gutî: “Minim tawusî rengawrêng, le ber ewey le hemû melêk cwantirim şayanî padşayî hemû balîndarim”. Ew komele mele, ke çawyan be tawus kewt be tenya le nêw meydan westawe u balî rengînî xoy kirdotewe u rengî aî-u-walay le gelî tîşkî hetaw şer deka, hemû têkra wutyan: “Rastî tawus le ber cwanî şayanî paşayetiye, wa be padişay xomanman helbijard”. Komele mel pîrozbayî paşayetî u serkirdayetiyan le tawus kird.

Lew kateda qelemûne hate meydan u silawî le tawus kird u wutî: “Paşam rêga heye pirsyarêk le cenabtan bikem?” Tawus balî xoy kirdewe u wutî: “Fermû pirsyareket bike”. Qelemûne wutî: “Le ser komelî ême pêwîste hemû ser u mal u saman u daraîman qurbanî paşa bikeyn, çunke paşa ser u mal u komelman deyparêzê”. Tawus wutî: “Qisekey qelemûne gelêk rast u be cêye”. Qelemûne wutî: “Eger helo u baz hêrişyan hêna serman, çi deferûn, çilon bergirî xoman bikeyn?” Tawus beranber em pirsyarey qelemûne bédengî nwand. Ewsa komele têgeîştin, ke wa xonwandinî tawus bêsûd bû, cwanî hêz-u-twana nîye, komelî melî bêdeselat pêwîstyan be xawenhêze, ta weku bitwanê le şer u-belâ byanparêzê, boye balîndekan bîryaryan da, ke wa heloy aza u be hêz-u-twana bikene padişay xoyan.

II. QISEY XOŞ U NESTEQ

1

1. Eñey Kiřnû pyawêkî qisexoş u galtebaz bû. Le Silêmanî, ejya, be naw şerbetfiroş bû, belam her karêkî be destewe bihataye bo xoşguzeranî xoy eykird.

Ew ser demaş Silêmanî ke xalê Eñe tya ejya şwênî řaburdin u hewargey qisexoşan bû. Her êware dachat — diwexanan germ ebû be qisey xoş u nesteq, le paş nwêjî xewtnan çayxanekan pîr ebûn le pîr u cwan bo gwêgirtin le çîrokbêjan, ke be dengêkî xoş dastanî řojgarî konyan egêrayewe, desteyekîş her şewe le malê ebûn bo gorwîbazî u fincanên.

2. Êwarêyek çend kesê le dirawsê dukanekanî Eñey Kiřnû qise eken be yek, ke paş nwêjî şêwan biçin bo malî xalê Eñe u nanî êwareşyan bixen be ser ewa, we bem boneyeşewe belku gemeyekî pê biken u tozê pêy řabwêrin. Êware dadê u hemû lê eden eçin bo malî xalê Eñe u xo eken be jûra. Ew deme kursî u sendelî ncbû, kewş daekenra u eçûn daenîştin. Emanaş hemû pêlawekanyan dakend u çûn le ser beře u hesîre şîr danîştin u xalê Ehmedîş be xêr hatinî kirdin. Inca wutyan: “Xalê Ehmed, ewî řastî bê wîstman em êwareye le malî êwe man bixoyın, ca toş keyfî xote”. Xalê Ehmedîş elê: “Ya xwa, be xêr bên, tozê sebrim lê biken, êwe bo xotan be qisewe xerîk bin, min le malêwe her jinekeme, be tenya pêya řanaga nan dirust bika, eçim tozê ser u karî ekem u dêmewe xiz-mettan”. Elên: “Bîro, wa ême danîştûyn”.

3. Dête derewe u hemû kewşekanyan ko ekatewe u eyxate tû-rekeyekewe u cyda be kolîya, xera bo pele-pele eyba bo bazaî. Pînedozêk, hêşta dukanî helînegirtibû, hemûy efroşê bew, parekey eba cyda be kebab we egerêtewe bo malêwe, boyan daenê u elê: “Lêm biburin, êwe le nawexta hatin, bem dem-u-deste le kebab zyatir hîç cê be cê nebû”. Ewanîş elên: “Xwa neybirê, zor başê”. Dest eken be nan u kebab xwardin, car-carîş seyrêkî eken ke pendêkî çakyan be xalê Ehmed da.

4. Têr-u-pîr exon, xalê Ehmedîş xoy u jinekeş têr exon! Paşan be qisey xoş raebwêrin ta direngêk u îtir helêstin bo rîştin. Ke çîne derewe kewşekanyan diyar nîye! Elên: “Xalê Ehmed, kwa kewşekanman?” Elê: “Xwarditan”. Elên: “Çon xwardman?” Elê: “Ey latan waye min Heme Qedoy Musîl u Heme axay Koyem, bênim bcw nîweşew nan-u-xwan bo êwe rakêşim? Axir nalên, em pyawe le kwêy bû nanî em îeweye dirust bika? De bîron, ewe derditan bê, ew kebabey, ke parûtan lê egland, parey kewşekanî xotan bû, be kwêrayî çawtan, xom u xêzanekeşim têrman lê xward!” Eme elê u xîr dergakeyan le ser daexa we daenîşê. Herçend le dîwî derewe qise eken u tûre ebin, hîç kelkî nabê. Naçar be pêy pexaws heryek eşînewe bo malî xotan u beyanî eşin kewşekanyan le pînedozeke ekiînewe.

2

1. Melayek hebû şar be şar egefa mekrî jinanî enûsîyewe ke bîka be kitêbêk. Rôjê rêy kewte şarêk. Jîne bazirganêk bîstî ke em melaye hatûwe u îşî eweye. Dozîyewe u nardî be şwênîya bo paş nîwefo hênaye malêwe lêy pirsî: “Mela heta êsta çit nûsîwe le mekrî jinan?” Melaş wutî: “Xanim hîç nemawe neynûsim”, — u dû-sê serguzeştî bo helîda. Le paşa jine wutî: “Sibeynê belku bo nîwefo bêyt bo êre, birayekim le wulatêkî dûre kahezêkim bo binûsî boy, qaweltîyekeşit lêre bike”. Mela wutî: “Başê”, — u lêyda rîşt.

2. Jine êware le geî merdekeya çelêmeşkênîyan kird le ser destê cilî gurûnî. Beyanî mêrdekey çû bo dukan jineke dest-u-bird

mirîşkêkî ser birî u mencilê qibuîşî lêna. Mela hat wutî: “Mela ewa qawelîyekî nayabim bo dirust kirdûy, kahezekem bem core u wa u wam bo binûse heta naneke pê ega”. Lew laşewe çû mindalêkî dirawsêy nard wutî: “Be hefakirdin biço be mêrdekem bilê ştekî xirap qewmawe her êste bigerêtewe bo malêwe”.

3. Inca dergay daxist u le tenîşt melawe danîşt. Katêkyan zanî yekê zor be pele-pel le dergay da, jine bangî kird: “Kêye?” Wutî: “Were derga bikerewe, dey!” Jine mistekolêyekî le singî xoy da u wutî: “Eyro ewa mêrdekem hatewe, xwa ezanê ewende diî pîse her nebêtewe! Çawî be tûleyek bikewê har ebê, çawî be ême bikewê be xencer herdukman seq-u-peq eka!”

4. Mela wutî: “Bo xatirî xwa xot çarê bidozerewe”. Wutî: “Mela, çar her eweye biçîte naw ew sindoqe gewreyewe u nefes le xot bibîr”. Mela wutî: “Başe”, — u gure çûwe sindoqekewe. Jineke quflêkî le sindoqeke da u kilîlekey naye gîrfanî u ray kird bo qapî. Qapî kirdewe u mêrdekey hate jûrewê u wutî: “Ewe çî qewmawe?” Jine wutî: “Leme xirabtir çî biqewmê? Heyro, heyro inca eyam xismete(?) le kwê bênimewe?” Mêrdekey wutî: “Çî bûwe zû pê m bilê dilim teqî kird”. Wutî: “Pyaweke, dwênê melayek hatibû mekrî jinanî enûsî, hat le rê xwada dwênê êwarê minîş çen pûlêkim daye, keçî îmroş hatewe, zelumêkî milhuî, pelamarî damê xistmî, derpêyekemî let-u-petî kird. Le hawar-hawarî min ew mindalê dirawsêye hat be dway toda!”

5. Wutî: “Inca melake çî lê hat?” Wutî: “Ke to le qapîyeket da îtir wazî le min hêna u çûwe naw ew sindoqe gewreyewe, mîniş quflim lêda, êste ewete le sindoqekedaye!” Kabra xencerekey helkêşa u wutî: “A bide kilîleke”. Jine kilîlî daye destî, kabra kilîlî na be quflêkewe! Jine wutî: “Haê, haê nemanbirdewe!”, — u destî kird be pêkenîn. “Be xwa destê cilî gurûnî gulbatmanîm ewê!” Kabra mêrdî wutî: “Boçî eme mebestit lem bend-u-bawe ewe bû ke çeleşkênîyekem lê berîtewe?” Jineke pêkenî wutî: “Erê welê”. Kabra kilîlekey firêda u xoy tuîre kird wutî: “Axir eme îş bû to kirdit? Min nawkim kewt!” Jineke wutî: “Qawelî bike!” Mêrdeke wutî: “Qizilqurit exom”, — u be monîyêkewe lêda roîşt.

6. Le paş rōîştinî mêrdeke jineke sindoqekey helgirt, ke temaşay kird melay quṛbeser fengî pê nemawe, her çawî zerd eçêtewe! Inca pêy wut: “Mela heîse qawelî bike!” Mela wutî: “Bo xatirî xwa, to dergakem lê bikewe birom, be xwa qawelî tom nawê!” Wutî: “Desa mela tikat lê ekem em serguzeşteş bixere kitêbeketewe!” Mela wutî: “Tobe, şert bê be şertî pyawan îtir carêkî tir basî jin nekem, xoyan u mekryan be gerûy aşa çin!”

3

1. Kabrayekî kurd gwêrêjêkî hebû mayey jyanî bû, be hawînan kar-wanî pê ekird u pêwe be rê eçû. Kewte zistan u bû be rê-bendam, befir neyehêşt malêwmaî bikrê. Kabra pekî kewt, le malêwe eçû bo mizgewt u le mizgewtewe ehatewe bo malêwe. Le ber bêşitî zor perîşan bûn.

2. Kuṛêkî hebû, çû tancîyekî peyda kird u wutî: “Em zistane rawî pê ekem u belku bikewîne behar. Tancî hênaye malêwe. Baw-kî çawî be tancî kewt agirî têberbû wutî: “Rôle, her malêk segî têda bê firîştey rēhmet rû nakate ew malê, pyawî çak be em tancîye bereîla ke ba xwa xezebman lê negrê”. Kuṛeş wutî: “Bawe to ezanî ême hiçman nîye, êste em tancîyem hênawe belku car-car rawêkman bo bika u pile goştêkman dest bikewê bixoyî”. Bawkeke wutî: “Rôle nabê, xwa xezebman lê egrê u firîştey rēhmet îtir ser naka bem malêda”. Kuṛe wutî u baw-kî wutî. Naçar kabra malêkey be cê hêşt, bo nustiniş çû bo mizgewt le tirsî ewe ke îtir melayekey rēhmet rû nakate malyan!

3. Yek-dû şew le mizgewt emênêtewe le birsa u le sermana hêzî le ebîrê, le malîşewe kes naye be şwênîya u çar-naçar helestê bermalêkcy eda be ser şanîya u berew mal ebêtewe! Ke nêzik ebêtewe bonî çiz-u-bizî goşt dêt be seriya, emîş zor tamezrowe, ke eçête jûrewê epirsê: “Em goşte çiye?” Kuṛekey elê: “Welê babe îmfî tancîyekem bird bo raw ewa berane kêwîyekî kuştûwe u hênamewe, em goşte eweye!” Elê: “Ey tancîyeke le kwêye?” Elê: “Ewete lew ber qapiye”.

4. Inca elê: “To xwa rôle to hiç rēhm le dilta heye? Axir ew tancîye besezmancş rōhî heye weku ême, çon xwa helegrê ême

lem ber agire danîşîn ew lew ber sermaye. De heste, heste, biço bîhêne jûrewe lew serewe, ba bo xoy bikewê! Ne, xom eçim! Çil saîe nwêj ekem u rîjû egrim melayekey rîhmet le malîmaye ta êste ştêkyan nedamê. Tancîyeke daykim be saqetî bê, be şewêk tîr goştî kirdim, hey belam da le çarey melayekey rîhmet!” Xoy helestê eçê enewê le kelemekey u ehênê le gwê agirdaneke bermalekey bo raexat u dayenê!

4

Kabrayek be rîbwarî rîe ekewête malîe goranêk. Şewê nan daenên. Kabray mîwan heta le lûtî dêtewe exwa, hîç namênê. Kabray xanexwê bang eka: “A kiçe nan bêne!” Nanî tir dênin, mîwanc ewîş exwa. Kabra naçar bang eka nanî tir bênin. Nan nemawe. Jinî xanexwêke eçête malî drawsê panze-bîst nanêkî tir be qerz dênê, dayenê. Mîwane ewîş exwa. Le paşa ke hîç namênê çar-na-çarî dest helegrê. Le demedemî nustina xanexwêke epirsê: “Bira, be xêr ewe bo kwê, oîr bê?” Ewîş eîlê: “Oîrit xêr bê, be xwa me’îdem gîrawe hîçim pê naxurê, eçim bo ser hekîm!” Kabra eîlê: “Ke wate tikayek lê ekem ke hatûyewe be layekî tira biçorewe bo malî xotan!”

5

Kabrayek hebû, fêr bûbû eçûwe hêmamêk ke ehate derewe eywut: “Ştêkêyan lê dizîwim”. Bem bîanûyewe parey hêmamekey needa. Rîjêk eçête hêmamêk ta dête derewe kabray hêmamçî heç cil-u-bergêkî hebû hemûy lê dizî, تنها piştênekey bo hêştewe. Kabra hate derewe, seyrî kird hîçî nemawe, piştênckey nebê. Hênay piştênekey le ser goşt le pişt best u hemû xeîkî hêmamekey bang kird u ko kirdinewe u çûwe ber demyan u wutî: “Xeîkîne ewe u xwatan, min bem core hatûm be hêmam!?”

6

Kabrayek be rîtî çûwe jûrî hêmamêkewe, kabrayekî tir le wê bû, ke çawî bem kewt herdû çawî nûqan. Pêy wut: “Ewe le keyewe kwêr bûyt?” Ewîş wutî: “Lew wextewe ke xwa heyay le to damalî!”

7

Kuṛêkî kurd hebû, galteçî bû, hemû rojê ke eṛoîştewe maṭewe, maṭewe daîkêkî pîrî hebû, lêy epîrsî: “Rôle, deng-u-bas çîye?” Rô-jêk dîsan pîrsî, kuṛeş wutî: “Be xwa daye îmrô be fermanî paşa caî yan da, herçê bêwejinêk danêkî mabê ebê şû bika, herkes neyda be şû tûşî cerîme ebê!” Pîrêjîneş wutî: “Rôle, deşîl, xot tûşî cerîme meke, ewete min dû kutere danim mawe”.

8

Eḫey Kîrnû nexoş bû, be seremerga bû. Xîley pûre Nazê hebû le Suleymanî, çûwe lay wutî: “Ha mame Eḫmed, çê xêrte?” Wutî: “Be xwa nexoşim, lam waye emrim”. Wutî: “Ke wate, to xwa mame Eḫmed řasipêrêkit pê elêm bo lay bawkim pê bilê...” Eḫeş elê: “Be xwa Xîle, ewî řastî bê, řêgem nakewête cehenem!”

9

Kabrayekî kurd mînalêkî pê ebê eçîne maṭe goranêk. Kabray gorane hoṛêk mewijî danabû. Mînalê çawî be mêwij kewt destî pê kird: “Bawe mêwij exom, bawe mêwij”, — her neybîrîyewe. Bawkekeyşî çepokêk maṭî be serîya, wutî: “Hetîw wus be, pyage xoy eqî hes bot dertêrî!”

10

Kabrayekî kurd çûwe lay sertasêk serî bitaşê. Pîre-sertas herke çeçoyekî ehêna be serîya layekî serî ehênaye xwarewe. Le dilî xoya wutî: “Eger neygirime qise em kabraye le axîra lêm dête deng”. Herwa be dem sertasînekewe qisey lê epîrsî, inca hate ser ewe wutî: “Erê kake xom êwe çend biran?” Kabraş wutî: “Be xwa, kakî xom eger min le destit řîzgarim bibê — çwar, egîne sê birayn”.

11

Melayek le ser kanîyek danîştû. Kabrayekî kurd le qirçey niweřoda le rêwe hat. Le gel̄ geîşte ser kanî le ser lep lê řakêša u demî xiste kanîyekewe u têr-u-pîř awî xwardewe. Mela wutî: “Ro-
 Ļe carêkî ke bem terhe dem mexere awewe, xirape”. Wutî: “Qurban boçî xirape?” Mela wutî: “Bo eqîl zîyanî heye”. Wutî: “Mamosta, eqîl çîye?” Mamosta wutî: “RoĻe, le gel̄ tom nîye, ewe carcar le ber xomewe wuřêne ekem egîna be tom newut!”

12

Kabrayekî kurd jinêkî zor tûrey hebû, emîş zorî lê etirsa. Hemû røjê goşî ekîrî u be jinekey ewut: “Bîke be keşkek”. Røjêk jineke wutî: “Pyaweke, ewa hawîn hat îtir keşkek naxorê u carêkî ke daway keşkek meke. Eger defeyekî ke nawî keşkek bînî xirapit pê ekem!” Be rêkewt røjî dwayî kabra goştêkî qçlewî hênabûewe. Jineke wutî: “Bîkem be çî?” Kabra hîç qisey nekird, çû peyjekey na be gwêswanekewe u serkewte serbaneke, inca le wêwe bangî kird: “Sa wel̄e keşkek u keşkekîş!”

13

Yekê le paşekanî ‘ecem le zemanî zûda fermanî dabû herçê begzadey hewramî heye byangirin u çawyan hel̄koĻin. Begzadekanyan girtibûn xistibûnyane jûrekewe, xoîşî le serbanêk řawes-tabû seyrî ekirdin. Le nakaw le nawyana kabrayekî rûteĻey cilşîrî ber çaw kewt. Bangî kird: “Bom bênin”. Ke birdyan lêy pîrsî: “Kuře kabra, toîş begzadeyt?” Ewîş wutî: “Qurban, bo çaw hel̄koĻ in begzadem, egîna ta êste her koledaryan pê ekêşam!” Paşakey wel̄amekey pê seyr ebê u bereĻay eka.

14

Jinêkî menimî kuřêk u brayêk u merdêkî ebê, hersêyan le layen hîkumetî êranewe egîrên u fermanî xinkandinyan edrê. Jineke le ber

dar qewaxekeda ke bo ewane heḽxrabû ewestêt u bêhoş ekewê. Hâkim enêrê, chênin. Elê: “Jincke, yekê lem sê keset pê ebexşim, ca bo xot yekêkyan heḽbijêre”. Jine xêra elê: “Birakem”. Hâkim elê: “Boçî biraketit heḽbijard? Kuṛ bew xoşewîstîye u mêrd bew nazdarîye gwêt nedanê?” Ewîş elê: “Cenabî hâkim, sibeynê eçim mêrdêkî tir ekem, ewe mêrdekem, kuṛêkîşim ebê, ewe kuṛekem, beḽam taze bawik u daîkim zîndû nabinewe birayekî tirim bo bênin”. Hâkim ke gwê lem welame ebê hersêkyanî pê ebexşê.

15

Jinêk dû dostî hebû, yekêkyan, nawî Cebare bû ewî tîryan Ebas. Şewek rêkewt herdukyan çûn bo lay jine. Kut-u-pîr lew wexteda mêrdekey hatewe. Jine le tawana şardinîyewe. Le paşa le geḽ mêrdekeya destî kird be wurdê gileyî u wutî: “Ewem bo bikîrê u ewem bo bêne”. Her ştekî ewut, kabra eywut: “Cebare bida!” Cebare lewlawe le naw axurekeda serî rast kirdewe u wutî: “Giştî exey be ser mina, ey Ebasî milqewî boç ştek nasênî!”

16

Kabrayek meṛêk le şwênêk edizê u eybatewe bo malêwe, le wê be jinekey elê: “Eçim bo şar cyfroşim u parekey edem be ştunek”. Meṛ edate pêş u dêt bo şar. Le nîwey rêgeda meṛekey lê edizin. Ewîş îtir be destî xalî egerêtewe bo malêwe, jinekey lê epirsê: “Meṛket be çen firoşt?” Elê: “Welê jineke firoştimewe be mayekey xoy”.

17

Kabrayekî kwêr jinêkî hebû. Jinekey zorî xoş ewîst u hemû car pêy ewut: “Pyaweke xozga çawit ebû seyrit ekirdim ke min çendê cwan u nazdarim, we le geḽ cweş min çend tom xoş ewê”. Kwêrekeş wutî: “Rast ekey, eger ewende cwan bûytaye, weku xot elêy, ber min neekewtî”.

18

Dû kabray kurd hebûn yekêkyan Azadî naw bû, yekêkyan Şêzad. Herdukyan paîewan u becerg bûn. Be sepanî çûne lay kabrayekî tir. Şewê eman lem dîw xermanekewe nustibûn, kabray xawen xermanîş lew dîwewe. Le nîweşewa diz dête seryan, kabray xawen xerman be aga dêt u nawêrê deng bika. Dest eka be wuênekirdin le ber xoyewe eîlê: “Parem bibwaye, jinêkim bihênaye, dû kuîm le bibwaye yekêkim naw binaye Azad, yekêkî Şêzad”. Ke egate “Azad” u “Şêzadeke” be qaîmtir eylêt. Azad u Şêzad le xeweke raepêrin u dizekan egrin.

19

Axayek xizmetkarêkî temelî bêfeîy hebû. Rôjêk nardî bo bazâr îon u birinc bikrê, zorî pêçû her nehatewe, dwayî hatîşewe ke her birincekey kirîbû îonî nehênabû. Kabra zor tûre bû gelê cinêwî daye u pêy wut: “Segî segbab! Madam to eme ketinite carêkî ke narditim bo her ştek ebê dû şit bênî!” Rôjêk kabray axê nexos ekewê u be xizmetkarekey eîlê: “Biço pizîşkêkim bo bêne”. Ewîş eçê u le paş tozêk dêtewe pizîşkêk u pyawêkî tir le gel xoy dênê. Axê lê epirsê: “Em kabrayey tir çîye?” Ewîş eîlê: “Ey ew roje to destit nekird be cinêw danim u pêt newutim ke narditim bo her ştek ebê dû şit bênî? Êste pêt wutim biçim pizîşk bênim u ewa eweyan pizîške, eger çakî kirdiyewe başe, eger xo cakîşî nekirdiyewe ewî tiryen goîhelkene u goîreket bo helkenê”.

20

Westa-Gûrûnî dartaş hebû le Suleymanî. Rôjêk Hemey pûre Xecê eçête lay eîlê: “Westa îmşew kuîrêkman bûwe bêşkeyekman bo dirust ke boy”. Ewîş eîlê: “Be ser çaw dûsibey binêre boy”. Heme eîrwa u dûsibey enêre bo bêşke. Westa-Gûrûn eîlê: “Rojî cim’e”. Rôjî cim’e boy çûnewe wutî: “Sibeynê”. Sibeynê bêşkey

dwa xist u wurde-wurde kuṛ gewre bû, bawkî jinî bo hêna, ewîş kuṛêkî bû. Bawkî pêy wut: “Roḷe biṛo bo lay westa-Gûrûn biḷê bawkim nardûmî bo bêşkeke”. Ewîş çû pêy wut. Westa-Gûrûn dîsan wutî: “Sibeynê”. Kuṛe wutî: “Westa, eme çi qiseyeke, wextî xoy bawkim ke pêy wutî ewe bo min bû. Êste wa minîş jinim hêna u kuṛêkim bû. Em bêşkeye hêsta tewaw nebû!” Westa tûre bû wutî: “Kake biṛo, xwat le geḷ, min îşî wa be pele-pel nakem!”

21

Kabrayekî diz şêwêk eçete ser malêk, le klawrōjnekeve temaşa eka bizanê nustûn yan be agan. Xawen malêke le geḷ jinekeya řakişabû çawî lêbû. Be jinekey wut: “Be xwa afret baş bû xwa em mal u samaney daynê”. Jinekeşî taze hênabû. Jine wutî: “Be řast pyaweke to em samanet çon dest kewt?” Wutî: “Welê jineke min le hewelêwe îşim dizî kirdin bû. Beşew eçûme ser her malêk dengim neekird ta mang heḷehat, eçûme serbaneke, tîşkî mangeke bo klawrōjnekedda eçûwe xwarewe minîş destim pê egirt u emwut “tîrp”, “tîrp”, wurde-wurde pya eçûme xwarewe, her ştêk le jûrekedda bûwaye kom ekirdewe u emdaye koḷma u destim egirtewe be tîşkeke u emwut: “fîcûq”, “fîcûq”, pya ser ekewtimewe u ehatmewe. Bem core em samanem pêkewe nawe”. Kabray dize ke gwêy lem qiseye bû wutî: “Ke wate eme ştêkî asane ba minîş wa bikem”. Dengî nekird ta mang heḷat u tîşkekey le klawrōjnekeve çûwe xwarewe destî pê girt ke pya biçete xwarewe her wutî: “tîrp”, “tîrp”, şîlp le xwarewe zirmey hat u hemû perasûy wurd bû be ser yeka. Xawen mal heḷsa cwan u puxt balî best u lew lawewe firêda u wutî: “Dey xot fîcûq bike!”

22

Kabrayek hebû xalê-Weysey naw bû. Jinêkîşî hebû pêyan ewut pûre-Xaze. Dewrî gencyan pêkewe řabwardibû. Xalê-Weyse řîşêkî topê deme-demî maş-u-birincî cwanî pêkewe nabû. Lem dewreda çû jinêkî tir cwankeley hêna, nawî Naze bû, pêyan ewut

Nazê. Dîyare weku şer' efersmwê xalê-Weyse şewêk lay Xaze ebû, şewêk lay Naze. Ew şewe ke le lay Naze ebû, Naze mûyekî sipî ke le rîşîya ebînî le ber ewe pê naxoş bû be pence cwanekanî helêkêşa. Ew şeweş ke le lay Xaze ebû ewîş mûyekî rîşî ke le rîşîya ebînî le ber ewe sipîyekan zor derkewin u le ber çaw Naze bikewê ewîş ewey helêkêşa. Zorî pê neçû xalê-Weyse weku mîrîşkî aweŕûtkrawî lêhat, mû be rûmetîyewe nema. Ca lêyan epîrsî: "Xalê-Weyse ewe rîşeket çî lêhat?" Ewîş eywut:

"Nîwey kewte dest Xaze
Nîweşî çûwe lay Naze
Xoîşim kewtme cambaze!"

23

Kabrayek le ser rûbarêk rawestabû xelkî epeŕandewe. Çend kesêk hatin wutyan: "Yekê be çend emanpeŕênîtewe?" Wutî: "Yekê be qîranêk". Wutyan: "Eger aw birdînî?" Wutî: "Her kamêktan aw birdî parey ewem medenê!"

24

Kabrayek hebû Ehe Xiŕnukî naw bû. Em Ehe Xiŕnuke îşî ew bû şayer bû, şayî egêra. Jinêkî hebû Bacî Semenî naw bû. Bacî Semenîş îşî ewe bû mirdûy elawandewe, serdoî bû. Her mirduyêk bimirdaye ehatin eyanbird eylawandewe. Le geî emeşa dîsan jyanyan her kûr bû. Şewêk Bacî Semen herwa tozê destî kird be lût-u-pût kirdin le geî mêrdekeya. Ehe pêy wut: "Mirdût mirê, lût-u-putî çî ekey? Kê weku êmey bo hatûwe? Dinya dû çimkî heye, ya xoşîye ya naxoşî. Eme herdû çimkekeman girtûwe, eger wîstman xoşî bikeyn min be baîlay toda elêm. Eger xo wîstman naxoşî bikeyn to min bilawênerewe! Îtir emey bo çîye?"

25

Carêk Mewlewî le şarî Sine le koŕêka daenîşê, lêepîrsin clên: "To her elêy: "Hozekem xoşyan ewêm u be gewrem daenên", be

çiya pêşanî cdey ke r̄ast ekey?" Ewîş elê: "Xo eger hîç negêrimewe ewe bo min besc ke hewramîyek bārêkî êcgar giran le kerekey enê u eyewê be ser kêwî Arêzda serî xa u kere man eka u naŕwa, pêy elê: "Heçe, dey heçe". Be xwa eger Mewlewîş bît her serit exem".

26

Carêk Mewlewî le şarî Sine le dîwaxanî R̄esa-xanî (Walî zade) da daenîşêt. Walî lêepirsêt: "Mamosta, r̄ast eken suxte dest bo jinî mamostayan eben?" Ewîş elê: "Be l̄ê r̄aste, eger jineke r̄eza bê!"

27

Awayêk lew berkêwe gawanyan nebû. Pyawêkî temelî tewezel le wêda bû bangyan kird wutyan: "Gawanîyekeman ekey yan ne'?" Wutî: "Eger kerêkim bo kurtan biken swarî bim, hemaneyekim mêwij bidenê le ber demma daynêm bixom, mindalê-kîşim le gel binêrin eger gageleke bilawey kird bom ko bikatewe boçî naykem".

28

Salêk Mehmû-paşay Caf le gel bawkî Cemîl-begî baban dujminayetîyan hebû. Mehmû-paşa nardî her taifeye çil-penca swarî ko kirdewe. Şew u r̄ojêkî tewaw qisey le gel kirdin u inca nardinî ke biçin le Kifri dujmin şîr ken. R̄oîştin, le dway sê r̄oj leşkireke geŕanewe pirsî: "Çîtan kird?" Wutyan: "Qurban pêr geîştîne qeraş şarî Kifrî, tegbîrman ekird ke çilon biçin dujmin bikujîn, lew wexteda yekêk carêk pijmî, watc sebrê hêna, îtir êmeş geŕaynewe be dwawe!"

29

Kabrayekî şarezûrî le aşnaîyekî bazirganî Suleymanî hendê kutaî lê kirî, ke paîz wextî hasilat parekey bidatê. Bazirgan defterî girtî wutî: "De gez bilûrî her gezê be dû qîrane, to bilêy dû qîran u nîw — eme 25 qîran, bîst gez çît, her gezêk be taranîyek, to

biîlêy be rîalêk — eme hemûy kirdîye 25 taranî. Merhemeyek nirxî dû qîrane, to biîlêy dû qîran u nîw. Fêstêkî jinane bayî sê qîrane, to biîlêy sê u nîw, kewayekî şeytanbêzî be heçî dirûn u hemû ştekewe ekate syanze qîran, to biîlêy panze, cûtê kewş u cûtê kîlaş heqekey no qîrane, to biîlêy de qîran, qey naka.” Emaney le deftera nûsî u încâ wutî: “Ezîzim to melê xatirim nagrê, dukan dukanî xote, belam, ştekî heye min qerzarî xelkim, u toîş heta sê mangêke parem nadeytê, heşt qîran ba qazancî bê”. Ewîş nûsra, paşan wutî: “Rohêkem, xo to le sayey xwawe xawenxerman u berecûtî, ke xerman helegri bayî de panze taranî her xermanloxe be xelkî edey, ba heşt taranîş xermanloxe bê”. Ewîş nûsra. Emca be kabray wut: “Her weku erzim kirdî dukan dukanî xote her ştek pêwîst bû ewa heye!” Kabras kel-u-pelî xoy pêçayewe u gelê mal awaîşî lê kird u roîşt!

30

Kabrayekî felâ cûtyarêkî hebû zor tûre u kelleşeq bû. Şewêk le zistana çêştî nîskênayan xwardbû, axê u cûtyar le ber agireke danîştibûn. Axê zor tînûy bû, nîskêne coşî dabû, neyewêra be rastî daway aw bikat, eywut: “Goze aweke wa le heywan be xwa fenge çak sard bûbê u êsta xwardinewey xoş bê”. Cûtyarekeş be nawçewanêkî girj u be tûreîyewe eywut: “Şewekey sarde, helbet awîş sard ebê”. Axê wutî: “Ay, nîskêne çend awkêşe”. Kabra wutî: “Segbabxêwe çarî her eweye pyaw kemî lê bixwa”.

31

Kabrayekî kurd carêk rêy ekewête Beşda, germa ebê, kabrayekî ‘ereb her bang eka: “May bard!” Kabray kurde elê: “Ha bira, têke lew may barde bay dû qîran”. Têr exwatewe u seyr eka eme her awe u hîçî tir! Egerêtewe bo wulat. Kuîr u kaî basî Beşda dênine pêşewe, ewîş elê: “Kuîrîne, eger çûne Beşda u kabra bangî kird: “May bard”, neken bîxonewe, her awe petîkey lay xomane!”

32

Dû kabray kurd be rēbwarî rēyan ekewête ew erebistane, emane ne huştiryan dîbû, ne darxurma. Tûşî karwanêkî huştir ebin, le zilî u nakulakarî huştir zor seryan sîr emênê. Le paşa tûşî bêstanêkî darxurmaş ebin, darxurmakan zor berz ebin, yekêkyan elê: “Erê bira eme çiye, xwa boçî ewende darxurmay berz dirust kurdûwe, pyaw destî naygatê?” Ewî keşyan elê: “Bira le tîrsî huştir”.

33

Kabrayekî kurdî kemdest rōjêk mîwanêkî hat, ewîş hel̄sa be her cor bû pencayêk birinc u pencayêk rōnî be qerz peyda kird u hênayewe day be jinekey boyan lê binê. Jine çû be carê hemû rōnekey kirdc pencaîye birinceke u lêna be çêşt. Êware ke nanî dana mêwaneke le ber şilpey rōn destî negeîşte birinceke zû têrî xward u çûwe dwawe. Le paşa ke rōîşt pyaweke be jinekey wut: “Erê jineke min be hezar hālî pencayêk rōnim qerz kirdibû, to boçî be carê kirdit be çêşt?” Jine wutî: “Be xwa mêrdeke bo rûsûrî to wam kird”. Kabra wutî: “Be xwa min emwîst rûreşî lay xwaîş bûmaye u to ew hemû rōnet be fîro nedaye!”

34

Kabrayek bû be mîwanî māle kurdêk, nanyan dana, çêşteke zor germ bû, kabray mîwan hemû dem u danî sûta. Le tawana serî berz kirdewe u seyrêkî darefay xanûekey kird bo ewe xawenma-
lêke hestî pê neka, pêy wut. “Erê bira em xanûet be çendê dirust kirdewe?” Kabray xawenmalîş wutî: “Be dû fû u sebrêk”.

35

Kabrayek çûwe lay melayek wutî: “Qurban, rōjêkî rēmezanîm xwardûwe, çon ebê?” Wutî: “Rōjêk le batî bigirewe”. Wutî:

“Girtibûmewe, belām ke hatme maļewe minaļekan keşkekeyan lēnabû, diļim lêçû destîm bo bird parûyêkim xward”. Wutî: “Çî bû, ca rōjêkî tir le batî bigirewe”. Wutî: “Qurban, ewîşim girtibûewe dîsan be rē kewt hatmewe maļewe minaļekan qawirme be nokyan lēnabû, diļim lêçû, destim bo bird parûyêkim xward”. Mela wutî: “Min way be çak ezanim be rōjû mebe ta herdû destî xot weku ker ebestîyewe u eyxeyete milit, ew wexte etwanî be rōjû bît!”

36

Pyawêk gêrayewe wutî: “Çûme hucrey melayek ke be minalanî exwênd, seyrim kird her xoyetî. Wutim: “Efendî, ewe kwa minaļekan?” Wutî: “Wan le koļana yarî eken”. Wutim: “Hêz ekem çawim pêyan bikewê”. Wutî: “Fîlanî, nawêrim le gelît bêm pîşanit bidem, xot biço ewa lew koļanen, çawit pêyan bikewê, belām serit rût ke newek le dûrewa be minit bizanin, dên be pence u fîke çawit kwêr eken”.

37

Carêk le kurdewarîye le dêk nwêjî cim’e eken, seyr eken yekêkryan natewawe, çunke be lay şafî’yewe ebê çil kes bin. Gelê çawerê eken keşî tir peyda nabê, heta le demedeme e’sra ebînin wa kabrayekî kepenik be şan le dûrewa rûy kirde awayî. Eçin be pêşwazîyewe u pêy elên: “Îşêkî xêr heye u le ser to pekî kewtûwe, toîş ebê em îşe bikey bo xwa”. Epîrsê: “Çiye?” Elên: “Nwêjî cim’eye u be to tewaw ebê”. Elê: “Tozê lêm rawestin”. Kewşekanî daekenê, eydate bin destî u kepenikekey lûl eka u eyxate ser şanî, dû pê ebê dûy tirî bo qerz eka u boy dereçê. Elên: “Kure, ewe to çît kird, bo kwê eçî?” Elê: “Kure bîron, min ta êste hezar îşim bûwe be xwa, yekêkim bo pêk nehênan, êste ew îşey kewtûte ser min, xo şê ne-bûm, boy cê be cê kem!”

38

Kabrayêkî kurd jinêkî hebû, hemû car be darêkewe ber ebûwe ser u gwêlakî u dayepoļasî u kabraş hîç deretanêkî nebû. Fikrî

kirdewe biçête lay mela şikat lem jiney bika. Melayek le gundekeyan bû, çû bo lay. Ke geîşte ber qapî malî mela seyrî kird le jûrewew zirm-u-kute u mela hate derewe u destî girtûwe be serîyewe. Ke çak temaşay kird tumez melajin be qapqapêkewe hatûte wêzey mela u hemû ser-u-beçkî şikandûwe. Kabra ke emey dî lûs u barîk be şwênekey xoya geřayewe. Lew kateda mela çawî pêkewt, bangî kird: “Were biram, bizanim îşit çîye?” Ewîş wutî: “Qurban, dûay serî to, hîç îşim nebû”. Wutî: “Nabê bê îş nît ke hatûyt”. Wutî: “Welê rāstî bê hālîm şîr bû be dest jinekemewe, hemû car be dardestêk têr u pîrim lêda, wutim ba biçim lay mamosta şikatî lê bikem, seyrim kird eme hālîyetî, wutim ke wate ba bigeřemewe”. Mela wutî: “Biço pê bilê bew kawîye heqî nîye be dardestêk lêt bida. Şer’ efermwê her heqî qapqapyan heye hîçî tir”. Kabra wutî “Ke wate dek mubarek nebê!”

39

Le qisey kurdaneye elê: le şarêk ke xelêkekey butperist bûn rōjêk ke cejnyan bû gwedirêjêkyan be kurtanî qefe u serkelley awrîşim u zengulêy zîw řazandbûewe, butekeyan swar kirdibû be naw şara eyangêra. Xelkî herçî tûşî ebû kiřnûşî bo buteke ebird u be lengerî u sebete nuqî u nebatyan bo kereke ehêna. Inca gwêdrêjeke xoy lew payeyeda dî, xoy lê gořa, gazî le xelk egirt u cûtey heleda! Kabrayekî kurd lew şare bû çû serî naye bina gwêwe u pêy wut: “Mal̄kawiî boçî xotit lêgořawe? Em îhtîramî u kiřnûşe bo butekye le ber to nîye, tozêkî tir ke buteket le ser laçû ebîtebe be kerekey caran, barit lênen u be neqîze têt ber ebin!”

40

Hacî Birahîm Deke cārî dabû be awaîya: “Herke nwêj neka mirîşkêk cerîmeyetî”. Kabrayek hebû Qulî naw bû, çend mirîşkêkî bû dabûy be cerîmeda, hîçî be destewe nemabû, eçû bo mizgewt u nwêjî ekird eywut: “Nîetme em nwêje ekem bo Hacı Birahîm beg”. Eyanwut: “Kuře ewe boç wa elêyt?” Eywut: “Birake, Hacı Brahîm beg talanî kirdim! Min nwêj nakem we zor nwêjim pê

eka, eme nwêjî ewe. Axir min bawkim nwêjî kirdige, bapîrim nwêjî kirdige, min çî u nwêj çî?!”

41

Kabrayekî bangwêj parçe kahezêkî girtibû be destewe seyrî ekird u bangekey eda. “Lêyan pirsî: Bang çon wa edrê?. Wutî: “Biçin le mela bipirsin”. Çûne lay mela wutyan: “Selam eleykum!” Mela kahezêkî le jêr doşekey derhêna u hendê seyrî kird u paşan wutî: “We elêykum esselam!”

42

Mame-Heme hebû lew Şarezûre, pyawêkî be dîn u lexwatirs bû. Rôjêk le mizgewta nwêjî ekird, xelkekeş le gwê agirdaneke danîştûn her wa basî ewyan ekird eyanwut mame-Heme nwêj-qaimê. Ewîş nwêjekey birî u wutî: “Le gel eweda be røjûîşim!”

43

Kabrayekî kurd çûwe lay melayek wutî: “Qurban, kwêxake-man zorim zulm leêka u malîm exwa, nazanim xwa le røjî qîameta heqim çon estênê?” Melaş wutî: “Biram îslam gewreye, røjî qîamet xwa be to elê: “Lem pyawe xoş bibe”, qesreket çend bê ewendey tirit bo zîad eka, toş gerdinî aza ekey u xwaş ew ebexşê”. Kabra wutî: “Mamosta, ke xwa wutî: “Were lê xoş bibe, qesreket bo gewre ekem”, — elêm: “Bînayî çawan, qesrim nawê to kawîle aşêkim biderê dû beşî dilope bê, belam min lew segbabe xoş nabim””.

44

Feqêyek gêfayewe wutî: salêk le kwêstanî Bane zor sard bû. Çûme jûrî mizgewteke bo nwêjkirdin. Beyanî zû bû, mizgewtekeş îcgar sard bû. Nwêjekem be pelepel kird u çûmewe hûcre. Kunêk le hûcrekeda bû erwanîye jûrî mizgewteke. Kabrayekî rîşsipî hebû Mam-Wesmanyen pê ewut, destnwêjî şordibû, aweke be rîş u si-

mêlîyewe bûbû be zenguîlî sehoî. Xêra nwêjekey kird u selamî dayewe. Minîş le kunekewe wutim: “Wermannegirt”. Kabra sey-rêkî emla u ewlay xoy kird kes dîyar nebû. Hesta nwêjekey kirdewe. Dîsan wutim: “Wermannegirt”. Seyrêkî tirî kird kes dîyar nîye, zor serî sûrma, belam le sermana hêzî tya nemawe, be naçarî helîsa nwêjekey kirdewe. Hem dîsan min wutim: “Wermannegirt u qebuî nebû”. Her hesta u pêy kirdî be pêlawekanîya u boy derçû wutî: “Weritgirt, weritnegirt, çawit der ehat u milit eşka, xo min le sermana zîrem kird; “wermannegirt, wegmannegirt”, çîkeneye, çîkene! Dem u filqit xwatewe, xoy lew asmanewe danîştûwe u xel-kî kirdûwe be helac!”

45

Resû axay menguîr hemu îşêkî xirapey ekird u carcarîş eşû nwêjêkî ekird. Pêyan ewut: “Axa, ewe ew nwêje boçî ekey?” Eywut: “Kure, newek em melayane rast biken ke elên rojî qîamet heye, ba emesim be destewe bê”.

46

Kabrayekî kurd rane meîrêkî hebû. Kabra pyawêkî nwêjker bû. Qir kewte ranekey. Her carê ta eşû bo mizgewt u ehatewe hendêkî lêy emird. Way lê hat hîçî nema taqe biznêk nebê. Bizin be dar u berdewe neewesta. Rojêk kabra rûy têkird u wutî: “Segbabxêwe daesakî başê, cîne nwêjêkit têegrim, toîş le koî ekemewe!”

47

Egêrinewe ke kabrayek le beharêka eşê bo lay yekêk, zor xiz-metî ekat, le beharêkî tira eşêtewe bo ew şwêne, belam ew care xizmete nakrê, inca emîş elê: “Ey ware, ne ew behare”.

48

Egêrinewe ke jlnêk kurek u kîçêkî ebê, kurekey jin ehênê u kîçkey şû ekat, we herdukyan le malî daykekeyana emêninewe,

şew le ser ban kuřekey u bûkekey le layekewe, we kiçekeş u zawakeşî le layekewe enûn, nîweşew daykekeyan be seryanewe egeřê, ke eçête ser cêgay bûkekey pê eĭê: “Germe, tozê le yek dūr bikewnewe”. Ke eçête ser cêgay zawakey pê eĭê: “Sarde, nîzîk kewnewe”, ta şewêk kuřekey pê eĭê: “Boçî daye eme banêke u dû hewa?”

49

Egêrînewe ke pyawêkî beseziman kiçêkî ebê, le pêş ewey şû bikat kuřêkî ebê. Rôjê kabra le geĭ çend kesêka daenîşê basî minal u minalbûn eken. Kabray xawen kiç eĭê: “Be xuday, babim emane hîçî be mêrdî nîye u be xudaye. Fatîley kiçî min şûşî nekirdûwe u xulamêkî eweşî bûwe”.

50

Egêrînewe ke pirêjinêk bûkêkî ebê nawî Meyasê ebê. Ewendey nan nadatê têrî pê bixwat. Rôjêk pirêjin swaxî ew jûre eda ke kûpey kerey tya ebê, we xoy eçête derewe. Bûkekey le bîrsana u le tîrsana swarî kerekeyan ebê, we be naw jûrekeda eřwat ta eçête ser kûpey kereke, çingêkî kerey lê derdênê u eyxwat. Xesokey ke dêtewe cê simî kereke ebînê le naw swaxekeda, ke eçête ser kûpe kerekeş cê çingî bûkekey ebînê, ke le bûkekey epîrsê, eĭê: “Nazanim, wa ebê kereke çûbête jûreke”. Emîş eĭê:

“Sim simî kere u çing çingî Meyasê,
Min serim lem kare eawsê!”

III. PENDÎ PÊŞÎNAN

1. Askî mandû egirê.
2. Asinî sard be fû nerm nabê.
3. Asyawî firehañ wurdîş chaṛê u dirîştîş.
4. Aşitîy kitik u mişke.
5. Umîdman be Weys bû, Weysîş be sunnî derçû.
6. Eger kawêjî bikirdaye goştî exura.
7. Eger zañ nebît besezman ebît.
8. Eger kewl u post çak ebû, be şanî xawenî xoyewe ebû.
9. Eger guñ nît dirîkîş mebe.
10. Ew kesey gyan eda gyanîş esênê.
11. Ewî bitirsê naxelesê.
12. Ewî le to dûre, fengî sûre.
13. Ewî le kaseda bê be kewçik derdê.
14. Barit bigire bacit bisêne.
15. Bare gwêzê lênê xîrey nayet.
16. Baz le bazgeda egîrê.
17. Ba noş la ser de bê.
18. Ba dîze be derxone bê.
19. Baye u be lay gwêya ewa.
20. Bira bû be biraza, kar le kar tiraza.
21. Bîrêşkey co exwat, be sabûn dest eşwat.
22. Bizin ke xwa xezebî lê bigirê nanî şwan exwat.
23. Bo rîş çû simêlî naye banî.

24. Be pêkenînî zalim bawer meke.
25. Be dengî mela bawer nakat, be zerey ker bawer ekat.
26. Ber çawtengî risway ehênê.
27. Bermalî be ser awewe egerê.
28. Bextim le hemû ştêka reşe, le şûtîda nebe sipîye.
29. Be sayey gule genmekewe hezar gule mirar aw exwatewe.
30. Be qingexilîskê Bexda nagîrê.
31. Bere le lay tenkîyewe edrê.
32. Bo kurdî hejar çi gurig çi xwar.
33. Bêjingêk bigre be rûtewe.
34. Bê'aryan xiste cehenemewe, wutî: "Sermame".
35. Pare bideyt mela le mizgewt derekeyt.
36. Paçe bideyt be nakes hewes be raniş eka.
37. Pif le bolemîr ekat.
38. Pyaw be gewreyî fêrî pilaw xwardin bê dest bo lûtî ebat.
39. Pişîle le malî naşt nakat.
40. Peşîman şaxî lê bîrwaye şaxî le erwa.
41. Peşîmanî wutin le peşîman newutin çaktire.
42. Pyawî nabût xizmî dûr u qerzî kon be yad ekat.
43. Pêstî le debax nayet.
44. Ta elêyt ha le hengûr pêgat.
45. Ta xan esazê, leşkir etrazê.
46. Ta sahibmalî dizî girt diz sahibmalî girt.
47. Ta şû ekeyt mîrî, ke şût kird gizîrî, ke sikit kird pîrî.
48. Ta kêwêk neûxê, kende lanêk pîr nabêtewe.
49. Ta kunêk egrî sed kunî tê ebê.
50. Ta gwêreke be ga ekeyt, xwênî xoy be aw ekeyt.
51. Tawanker wa be lay yarewe, bêtawanîş serî be darewe.
52. Topînî ker zemawendî sege.
53. To le be sebre, belam be zebre.
54. Tebeqî pîr aşitîy malê.
55. Tegbîrkere nemrê, fermankere bimirê.
56. Tîr exa u kewan eşarêtewe.
57. Ta em baye lem kunewe bê, em agire nagîrê.
58. Tenûr be germî neyhênîtewe be sardî nayhênîtewe.

59. Têgeîştin le mêwije rēşke xoştire.
60. Tîr u şîr le yek esûn.
61. Cam elê bişkêm, neziringêm.
62. Co be dîwara helegêrê.
63. Cogeyek awî pya bîrwa zehmete wuşik bibê.
64. Coge le derya lêl nakat.
65. Cola kirasî nebû topê cawî le xewa edî.
66. Çake le çake awise.
67. Çomî diro serçawey nizîke.
66. Çaw be çaw ekewê u rû be rû.
69. Çi bakim heye, dirawim heye.
70. Çepere şîre çî pêwe bê, çî lêwe bê.
71. Çeqel bo çem, Rexş bo Rostem.
72. Heş eger bilên hêlkey kird kirdûyetî.
73. Xar nayete rê dîlpak.
74. Xencer le ka eda.
75. Xûyek gîra be şîrî, terk nakrê be pîrî.
76. Xile bar ekat, Bile kepir ekat.
77. Xilîskan toley pelekere.
78. Xwa roj pîşanî marî siîr nedat.
79. Xwa serma be qeder berg edat.
80. Xoşe agir, xoşe dû, bira xaşewek şû.
81. Xolî ber kwanûy xot bixoyt le pîlawî bêgane çaktire.
82. Xo mar nîm be giîl bijîm.
83. Xo min mirîşk nîm be dendûk şer bikem.
84. Xwênawî bixwatewe oxey nakat.
85. Xelefiroş hewalî men epirsê.
86. Xencer lêdeyt xwênî nayet.
87. Dar pîr ebê carê bazî be serewe enîşê.
88. Diro naçête dîlewe.
89. Diz diz enasê.
90. Dizî naşê le kadan eda.
91. Diîl awênêy diîle.
92. Diîl kes meyeşêne, ke yeşanî bîendîşe mebe.
93. Dinya binî qûle.

94. Dujminî dana bû be dostim, çaweṛêm ke bikewe kostim.
95. Dost eweye emgirênê, dujmin eweye emkenênê.
96. Dûrbînî peşimanî le şwên nîye.
97. Dest pan keytewe le pê ekewît.
98. Destî xoy nîye u marî pê egirê.
99. Destêk be tenya teqey nayet.
100. Destêkim netwanim bibîm maçî ekem.
101. Destî mandû le ser zigî têre.
102. Deng ekem bednawim, dengîş nakem tengawim.
103. Rastî wek goçan waye.
104. Rîjdî rîswayî le dwaye.
105. Roj dîyare pencey nawê.
106. Rôj le bineṛojewe dîyare.
107. Renc serencamî gence.
108. Rêbwar eṛwa u seg eweṛê.
109. Rêwî demî negeîşte tirê eywut tirşc.
110. Rîsekeman bûewe be xurî.
111. Zibanî le tek serîya bazî ekat.
112. Zeṛînî heye peṛînî nîye.
113. Swar u piyade eger hez biken dest u mos eken.
114. Seg le malî xawenîya azaye.
115. Seg le kulêre ranakat.
116. Sed saḷ bikeyt bêganepersistî, dwayî her ehênî nişustî.
117. Serçopî bideyte dest seg, bo lay sebetey nanî raekêşê.
118. Sergermî be bêgarîyewe le bêkarî baştire.
119. Ser helbîre xwa binase.
120. Ser u malîm le to dirîxî nîye, bizin le çwarde şayî kemtir nîye.
121. Ser wutî be zibanê, heta tom cîranê çi raḥetîm nîn le gyanê.
122. Segî têr raw nakat.
123. Swarî espî xeliq bît her pyadeyt.
124. Sîrwan lêşit nedem her embeyt?!
125. Şûl be teṛî nebê naçemêtewe.
126. Şer'î mar be dar.

127. Şêr bimşkênê, nek rēwî bîmxwat.
128. Şîrî mîsir le kêlana nawestê.
129. Firoştin le xwastin çaktire.
130. Qalaw çî kird ta qîşqe bîkat.
131. Qisey palûdar nalebar u talê.
132. Qedrî zeî be lay zeîengefewe.
133. Qisey wek quî zistan waye.
134. Qonderekanî cîrey dê, sikî le birsa qofey dê.
135. Qehbe ke pîr bû tewbe ekat.
136. Kaîlek be ejno eşkênê.
137. Kanîyek awî lê bixoytewe berdî tê firê mede.
138. Kirde peşîman be, nekirde peşîman mebe.
139. Kurd bidwêne şer'î xoy ekat.
140. Kêw be kêw negat, adem be adem egat.
141. Ker bikewê danî eşkê.
142. Ker le kwê kewtûwe, u kunde ke kwê diîrawe.
143. Kerî xome u gwêy naî ekem.
144. Kereke memre, behare kurtaneket le şare.
145. Kerêkim da be kerê, singan le bin gwêy derê.
146. Kerî mirdû co naxwat.
147. Kes eweye ke le rōjî teganeda firyat kewê.
148. Keleşêr le serenwêlkî xoyda azaye.
149. Ke min nemam ba le paş min dinya wêran bê.
150. Kenîlê le geî tome, wewîlê gwêt lê bê.
151. Kew eweye ke beranberî kew bixwênê.
152. Ga gurwawe u kilkî mawe.
153. Ga wêl ekat gwêreke bexêw ekat.
154. Gîlî jin u mêrd le gîlincanêk helekendrê.
155. Gurge u le pêstî mefaye.
156. Gurgî rawdîde ber rêt nakewê.
157. Goştî bo to u êsqanî bo min.
158. Goştî laranim exom, minetî qesab heînagrim.
159. Golkî bêgane pet episênê.
160. Gû nakat newek bîrsî bê.
161. Gwêrekey ziyankar abrûy gagel ebat.

162. Gwêrekey maî be ga nabê.
163. Ger le bêşe şêr nema, gurig u mam rêwî ekewine sema.
164. Germa awî sard exate birew.
165. Gezî çî u cawî çî?
166. Gewre wa eîrêjê u piçûk pêy tê exat.
167. Gewherî xot medurêne.
168. Gewher le naw quîa wun nabê.
169. Gîskî behar le daykî xoy heîdê.
170. Lat paîewanî xwaye.
171. Le bin sêberî şêra binû, ba şêreke bitxwat.
172. Le paş tengane xoşîye.
173. Le paş mîran seran ebîrê.
174. Le pêstî mera gurgî ekat.
175. Le cêyek nanwê aw bête jêrî.
176. Le hewt asmana estêreyekî nîye.
177. Le hewt awî dawê qulî teî nebûwe.
178. Le dawênî ebîrê u eydate naw şanî.
179. Le dway baran kepenek?
180. Le rîqî drawsê qingî minalî xoy edîrê.
181. Le rêwî bepêçtîre.
182. Le seg sualî akat.
183. Le şêr tîrsan men' nîye.
184. Le kerî topîw egerê nalî bikêşêtewe.
185. Le gayek çî bîdem be birayek, le melêk her yeke pelêk.
186. Le gel meî şîn ekat, le gel gurig goşt exwat.
187. Lem erze çewenderêk helkene.
188. Lem quîre her ew toze helêstê.
189. Le hezar aş ekat aşê namalêtewe.
190. Le wulaxî nebû axur ebestê.
191. Le hemû dîzeyeka eskwêye.
192. Marangaz le gurîsî rêş u sipî eslêmêtewe.
193. Mar le kwê pepke eda, punge le wê şîn ebê.
194. Masî le deryada sewda nakrê.
195. Maî be malxo neçê herame.
196. Mîweyek ke geyî eger neykeytewe egenê.

197. Mirdûy beşî zîndû xore.
198. Mîwan le mîwanî xoş nayê, xanexwê le herdû la.
199. Maî Xelîl, maîaway Celîl.
200. Maî hêlâl le dest naçê.
201. Manga mird u do bîra.
202. Mirdû be şîwen zîndû nabêtewe.
203. Mirdû bê kifîn dernaçê.
204. Mirdû leme paktir naşorê.
205. Mizgewt rûxa u mîhrabî mawe.
206. Miştêk nimûney xerwarêke.
207. Mişkî kwêr le maîya nan naqirtênê.
208. Mil le çeqo esûê.
209. Meîwane serî taşî, bîrwane bextî xasî.
210. Melayetî çê asane, însanbûn çê girane.
211. Meî u gurig pêkewe aw exonewe.
212. Memişo be gûawê, xasêtîy dwaîm nawê.
213. Mencilî merdan be çil sal dête coş.
214. Meymûn zor cwan bû awleşî derda.
215. Mêş le demî xoy dernakat.
216. Mîratî ker hî kemtyare.
217. Mîwan cejnî xanexwêye.
218. Mîwan kerî xanexwêye.
219. Mîwanî direngwext gileyî le ser xoyetî.
220. Mîwan hat xawenmaî derkird.
221. Naz bideyt be pîaz, dête gazegaz.
222. Nan bo xom, co bo kerekem.
223. Nan be seg bide le ber xawenî.
224. Nanit coyîn bê u xulqit genimîn bê.
225. Nimek exwa u nimekdan edrênê.
226. Ne agir u ne dû, hîçî nabê be şû.
227. Nexşî rûy aw zû têkeçê.
228. Nexoş mîwanî xwaye.
229. Ne dar bê u ne perdû, ne'let bê le herdû.
230. Nîwey hezar pêncsedê.
231. Wate ta neybêjî, neywêjî.

232. Haławêk xoştire le piławêk.
233. Heta hete 'alem birate.
234. Herçê bikrê le kîsey xelîfe der eçê.
235. Harçê bikêlît her ewe edrwêtewe.
236. Hewramî u rîmbazîyan newutûwe.
237. Her rîje ba ya barane keçel serşorane.
238. Her sîr bixu u zuřna lêde.
239. Herkes le aşêk ekat.
240. Herkesêk be pêy eqlî xoy qisey le gel ekrê.
241. Herkesêk çalê bo yekêk helkenê xoy têy ekewê.
242. Her hewrazêk nişewî heye.
243. Hezar dost u dujminêk.
244. Hemû rîyek eçêtewe ser dêyek.
245. Hemû şit le barîkî epiçrê, mêrd le qaîmî.
246. Herkes le herçê bitirse, lêy naxelesê.
247. Hemûkes nanî xoşewê belam wek şwan naygrê be
ser diñyewe.
248. Hengwîn be demî tale.
249. Hewda tund rakêşî epiçrê.
250. Hêlkey îmro le cûçkî sibeynê baştire.

IV. ÇEND WUTARÎ PÊSÎNAN

1. Wek çira şewqî bo jêr xoy nîye.
2. Wek espê kirase kon waye.
3. Wek seg be mangesew biweî waye.
4. Wek segî pêsûtaw waye.
5. Wek kerî dêz waye hez be topînî xoy u zererî sahêbî ekat.
6. Wek keleşêrî nawext waye.
7. Wek kerî naw coge waye le herdû la exwat.
8. Wek gay maro waye.
9. Wek nîsik ber u piştî bo nîye.
10. Aw kira be agira.
11. Elêy aşî aw kewtûwe.
12. Elêy agirî bin kaye.
13. Elêy bo agir hatûwe.
14. Elêy berdî bin gome.
15. Elêy xolî mirdûy be sera bêjrawetewe.
16. Elêy gwêzî bo ejmêrin.
17. Elêy le ser agir danîştûwe.
18. Elêy le gwêy gada nustûwe.
19. Elêy mirîşkî aşewane.
20. Ewende lawaz bûwe segel çawî lê daegirin.
21. Bazdî daye çale qûtekewe.
22. Bêçkey mirawîye.
23. Be heft aw şorawetewe.

24. Pêy naye be cergî xoya.
25. Çaw çaw dernakat.
26. Çû bo xurma xwardin.
27. Xwênî kirde kase.
28. Serî le gwê qebir elerzê.
29. Darî destêtî.
30. Destî xoy bird be dema.
31. Destî naye malî xoy.
32. Demî pîre le xwên.
33. Roî le ber daykî heleşrê.
34. Sabûnyan dawê le jêr pêy.
35. Sed fikim be fikêkî.
36. Seg sahebî xoy nanasêtewe.
37. Sêberî dest kewê panî ekatewe.
38. Sîr mede le simêlîm.
39. Şanî dada.
40. Şêr be gwê egirê.
41. Qisey gwê agirdane.
42. Kes nalê kerit be çend.
43. Lûtî lê exûrê.
44. Le xak hêmintire.
45. Lîreş biçûke.
46. Mêşêk mîwanî nabê.
47. Mela bezêne.
48. Hemû caşî makerêkin.
49. Sê-u-dûy nekird.
50. Mastaw sard ekatewe.

V. TAQÎKRAWÉKANÎ KURD

1. Eîlên eger hewr çû bo lay r̄ojelât biço bo karwan u baran nabarê, eger çû ho lay cinûb ewe baran ebarê u le malêwe dermeço.

2. Eîlên eger ba le lay qiblewe hat ewe nîşaney barane.

3. Eîlên eger be zistanan be r̄ojîş zor xoş u hetaw bê, çoleke pelamarî jûrî da u destî kird be helpe kirdin bo dan xwardin ewe befrêkî zor qurs ebarê u r̄eşayî le zewî ebîrê.

4. Eîlên eger malêk yekêkî çûbû bo sefer u karwan, qeleleş hat u beyanyan le dewr u berî malêke destî kird be qîreqîr ewe hatnewey kesêke le seferekey le îmr̄o u sibeydaye.

5. Eîlên eger yekê be şew temaşay awêne bika, eçê bo xerîbî.

6. Eîlên be gisik le minal dan temenî ew minalê kurt ekatewe.

7. Eîlên be şew gisikdan hejarî dênê. Ca le ber eme eger hat u şew pêwîst bû gisik bidrê dênin pûşêk lê eşkêninewe, we ya giskeke egrin be girî çirakeda tozêkî lêesûtê u ew wexte giskekey pê eden.

8. Eîlên be şew ke pyaw çiray pê bû seg îtir tuxnî nakewê.

9. Eîlên be şew nînok kirdin xirape.

10. Eîlên her hawînêk zor germ bû ew zistaney ke be şwênîya dêt zor sard ebê.

11. Eîlên her êwareyek r̄oj le hewra awa bibê nîşaney baran barîne.

12. Eîlên her jinê çêştî swêrî kirdewe arezûy le îşe xoşekekeye.

13. Eĭlên ĭnsanĭ paredar kiĭlawĭ ĉiĭkine.
14. Eĭlên miriřk ke popey sŭr kird ewe ĭtir demedemĭ hêlke kirdinĭyetĭ.
15. Eĭlên krasĭ sŭr kiĉ zŭ gewre eka.
16. Eĭlên ke geĭa kun kird baran ebarê.
17. Eĭlên mar ke topênra ta nekewête řewê u ĉawĭ be estêrey xoy nekewê be tewawĭ natopê.
18. Eĭlên mŭrŭy řĭn bo ĉawezar baře.
19. Eĭlên piřĭle ke dem u ĉawĭ eřwa eger destĭ hêna be ser gwêĉkeya eĭlên ewe nĭřaney mĭwan hatine.
20. Eĭlên pyaw be řew gwê bixate ser erzeke u hestĭ xoy bo řagirê ta hew firsex ĉi deng u sengêk hebê gwêy lê ebê.
21. Eĭlên pyawĭ piřtmil pan bêeqĭle.
22. Eĭlên pyawĭ bêjin le gwê agirdana ke dŭkelĭ bo ĉŭ ewe jinĭ cwanĭ bo ebê.
23. Eĭlên yekêk ke le deřtewe le řêgeda eřoĭřt kerwêřik řê-gekey birĭ xirape, eger řêwĭ birĭ ĉake.
24. Eĭlên yekê ke jêrpê xura ewe bo sefer u karwam eĉê.
25. Eĭlên yekê tĭke (parŭ) le yekê biferênê we bĭxwa, ebê be řeřyan.
26. Eĭlên yekê mar pêwe bida řĭrĭ kaĭ bixwatewe baře.
27. Eĭlên pêlawĭ sŭr le pê kirdin xem eřewênê.
28. Eĭlên minalĭ sawa ke destĭ kird be giskdan ewe nĭřaney hatinĭ mĭwane.
29. Eĭlên minal be korpeyĭ nĭnokĭ bikrê diz ebê.
30. Eĭlên afret ke girê ĉarokekey kirayewe ewe mĭwan dêt.
31. Eĭlên ĉil beyanĭ le xurênĭ xwardinĭ hew denik mêwij we ya pênc denik badam bo hêz u quwet ziyad kirdin zor baře.
32. Eĭlên be řew gisik dan xirape.
33. Eĭlên cil ke le bera dirwayewe u pĭne kira hejarĭ dênê.
34. Eĭlên zerdŭyĭdar temařay cŭĭlanewey mařĭ bika le naw awa zerdŭyekey eřwa.
35. Eĭlên eger yekê segel gemaroyan da u kewte nawyanewe le řwênekey xoy danĭřê ĭtir laqey naken.
36. Eĭlên ger yekê destĭ her birĭn u ziĉkawĭ lê ehat xwênĭ piřtĭ kĭselĭ lê bida ĉak ebêtewe.

37. Eĭlên eger yekêk tûşî keheng bû (keheng nexošîyeke kut-u-pîr le piştewe le jêr piştêncda peyda ebê ew şwênane jan eka, wa le pyaw eka piştî kûr eka, em derde pê eĭlên keheng) — ca eger hat u yekêk tûşî em core nexošîye bû xoy bixate awî sardewe çak ebêtewe.

38. Eĭlên eger yekêk diĭo le pencey hat engustîley poĭa bikate ew penceye çak ebêtewe.

39. Eĭlên eger yekêk dûpişk pêwe da dûpiškeke ke kujra bix-rête ser agir u bisutênrê u paşan bixrête ser şwêneke, janekey eşkê.

40. Eĭlên eger dûpişk day be afretî sikpîrewê le paşa ew minal ey ke le sikya bû le wexteda eger dûpişk pêwe bida îtir nayêşê.

41. Eĭlên ke bêwejin gwêzrayewe heĭamet peyda ebêt.

42. Eĭlên le rōjî hetaw u xoşî zistana eger çoleke destî kird be mele kirdin u baĭefîrê, ewe baran ebarê.

43. Eĭlên wurç ke agirî çaw pêkewt ekewête cambaze u boy dereçê u be hîç cor nawêrê nizîkî bikewê.

44. Ke bûk egwêzinewe swarî maînî eken, hî espî naken.

45. Le wuĭatî kurdewarî ke mang gîra tepiĭ lêeden u tifeng eteqênin.

46. Le naw kurdewarîda naĭe şikaw eken be ser koşk u xanûy tazewe bo çawezar.

47. Le wuĭatî kurdewarî ke mangî sefer eĭrwa dîzey řeşî be dwada eşkênin.

48. Le wuĭatî kurdewarî ke nanî şayî bûk exon dest naşon.

49. Le naw kurdekana wuĭaxî xoşewîst mûrûy şînî le mil eken le ber çawezar.

50. Lew wexteda ke pyaw pêĭawekanî daekenê eger swarî yek bûn ewe manay waye seferî ekewête ber, ca lûtî kewşeke le kwê bû seferekey bo eweye.

51. Yekêk ke çû bo sefer u karwanêk eger pêyan xoş bû bige-řêtewe awî rûn eken be şwênîya, xo eger lêy bêzar bûn u eyanwîst îtir neyetewe dîzey řeşî be şwêna eşkênin.

52. Mirîşik herke xwêndî xêra dênin serî ebĭrîn, eĭlên ewe wey-şumeyekî pêweye, ke ser biĭra îtir weyşumeke eĭrwa u rû nakate

ew maîe, herweha keleşêrîş ke paş şêwan u paş xewtnan xwêndî ewîş her ew semereye heyê u serî ebrîn.

53. Eîlên eger yekêk lawaz bû maweyek rônî çaleke bixwa qe-
lêw ebêtewe.

54. Eîlên pyaz be kalî u be kuîawî be pêşawî xwardînî bo koke
u helamet zor başe.

55. Eîlên çawêk befir bîba dûkelî qangî bo başe.

56. Eîlên hengwên u kâlek xwardinyan pêkewe zyanekî zorî
heyê.

57. Eîlên destê, qaçê, şwênê ke şika kerte hêzey têwe pêçênin
çak ebêtewe.

58. Eîlên seg ke lûranî, ta kewşî bo helnegêrinewe le lûre
nakewê.

59. Eîlên eger yekê germejenî derkird be twêkîlî şûtî bîhenûn
çak ebêtewe.

60. Le naw ew kurdewariyêda bawe minalî ta dû saîan eger
hat u zor girya we ya hemû car kit u pîr raeçenî le xew eîlên eme
gwaye tirsawe; bo em îşe dênin quŕquşim etwêninewe, camêkî xa-
lî le ser serî minalêke raeğirin u quŕquşme twawekey bew nîyaze
ke tirsekey laçê tê qîlp edenewe; îtir tirsî minalêke la eçê u goya
quŕquşmekeş ke meyî ebê wêney ew şite ke minalêkey lê tirsawe.

61. Yekê ke berelepî rasti xura maçî ekatewe u eyxişênê be ser
serîya, bew core xurûkey la eba, eme manay eweye ke parey dête
dest xo eger berelepî çepî xura ewe manay eweye ke parey dest
ebêtewe her eyxurênê u hîçî tir.

62. Eîlên be şew mencilî rēş dan be xwastin xirape.

63. Eîlên yeke serî çawî çep u jêrî çawî rasti biffê tûşî xêr ebê.

64. Yekêk ke wîstî biçê be şwênêk we ya wîstî îşêk bika eger
lew wexteda yekêk we ya xoy carêk pijmî eîlê ewe sebrî hêna u îtir
dest nada be îşekewe, xo eger dû car pijmî eîlê ewe cextî hêna u
zor çake eçê be şwênîyewe.

65. Le rēwiştî kurdekane ewa bûk dênin. Ke geîşte cê zawa
eçê le dûrewe sêwêkî egrê u lê eda. Herweha lew wexteda ke bûk
pê enête naw derwazey hewşey zawa, zawa qamişêkî egrê be des-
tewe u eyda le ser serî bûk, goya bem îşane samî enîşête serî.

Disan lew wexteda ke bûk le jûrewê danîştûe u pêxesûekey be laweye zawa çête jûrewê. çête perde, ke em serî kird be jûre-keda bûkeke ebê hestê. Pêxesû destî egrê u eydate dest zawa elê: "Ewe jineket". Zawa destî jin egrê u lew wexteda çi bûk çi zawa koşîş ewe eken ke pê binên be ser pê yekda, goya her kamyar pêş kewtin ewe îtir samî emyan enîşete serewyan. Xo eger bûke emey bo rê nekewt zawa yekem car ke daway awî lê eka bûke helestê awî bo bênê lew wexteda be bê ewe zawake agay lê bê qumî le aweke ekate demîyewe u cykatewe naw cameke u emca eyda be mêrdekey bîxwatewe. Eger em îşey kird goya samî enîşete ser mêrdekey u îtir be arezûy xoy cyranê.

66. Le rîwîştî kurdakane ke bûkyan gwastewe keleşêrê be sera helêden.

67. Le naw kurdewarîda bawe eger yekê qeyçî (meqestî) da be dest yekêkewe rîstewrîst naydatê, ya emete boy daenête ser zewîyeke, we ya emete eyxate ser piştî destî xoy u destî bo rîagêrê u ewîş helîegêrê.

68. Elên eger mang xermane (axlê)y dawewe nîşaney barane.

69. Elên mirîşk ke be lada ekewê elên ewe barî xistûwe u nîşaney hatinî mîwanêkî waye ke be bare dîyarîyewe dêt.

70. Kurd weku nawî rîjekanî heye nawî mang u salî mejûîşî heye legel çwar wexteda. Ewende heye nawî mangekan le her şwênêk le wulâtî kurdewarî core nawêkyan heye...:

Nawekanî mangî behar: (1) newrîz, axelêwe, xakelêwe, dar-pîşkêw, hermêpîşkêw; (2) gulân, şestebaran, hêlaneme, banemêr; (3) bextebaran, cozerdan, baranwuşan, baranbîran.

Nawekanî mangî hawîn: (1) pûşkalî, coxênan, zexîran, xezîran, mirdaremang; (2) pûşpeîr, tîrme, mîwengen; (3) tebax, gelawêj.

Nanekanî mangî paîz: (1) gelârêzan, êlun; (2) xezelwer, baranpele, çirîye yekem; (3) beî-u-bez, girduz, çirîye dûwem, kew-be-dar.

Nawekanî mangî zistan: (1) darwer, sermawez; (2) rêbenan, çileşur; (3) rêşeme, mêşpeîr.

VI. METEĻ

1. Em lay dare ew lay dare
Têda dû guçîley h̄are.
(Xencer)
2. Mamekim heye le deştê
Keçe şîrekî le pişte.
(Dûpişk)
3. Mamekim heye le zûrî(?)
Serî gewretire le hûrî.
(Mêrûle)
4. Mamekim heye le deştê
Keçe sêlekî le piştê.
(KîseĻ)
5. Emla perjîn ewla perjîn
Têdaye kotireka nexşîn.
(Çaw)
6. Darekim heye pênc likan dawê
Sê le sêberê dû le hetawê.
(Nwêj)

7. Le ĥasmanan tebeq tebeq
Dête xwarê řeq u teq
Mandî nebî ĥeba berek.
(Terze)
8. GiĤoĤey baye
TêmhelĤaye
Qet nepisaye.
(Řêga)
9. Ne baye ne barane
Çik çike le darane.
(KundeĤan)
10. Kare korpey melaye
Berimdayte çyaye
Neyĥêştîyc qile gyaye.
(Mekîney sertaşîn)
11. Ne pêy heye ne panî,
Be hemû maĤan dezanî.
(Destař)
12. Ne pêy heye ne panî
Be xoy desite serbanî.
(DûkeĤ)
13. Binwê gaye
HeĤsê çyaye.
(ŘeşmaĤ)
14. Car bira hene le çomekê
Tîran dawêne gomekê.
(ÇêĤdoşîn)
15. Dû bend u bendeke
Dû def u dareke.
(Terazû)

16. Taqe swar
Dam le dîwar
Bû be hezar.

(Henar)

17. Yekling le deştê dûling geîştê
Be bê yek u dû xistîye ser piştê.

(Dirwêne)

18. Zerdî
Le bin berdî
Alqey şêrî
Zwawî merdî.

(Dûpişk)

19. Xanîyekim heye tarîk
Pîr huştirî milbarîk.

(Şare mêrûle)

20. Hiřim kirde meřekê
Sed meř hat le řengekê.

(Zerdewaġe)

21. Hewroke hewroke
Lêy debarê befroke.

(Hêlegî ardbêjan)

22. Emla dîwar ewla dîwar
Têdaye segêkî har.

(Ziman)

23. Qelâtî gêçîn
Rê nîye têçîn.

(Hêlke)

24. Mamekim heye le deştê
 Hewsed kunî le piştê.
 (Jîşik)
25. Be dewrî ême u eshaban
 Kuî gewretirin le baban.
 (Êstir)
26. Kiîlawî hemze paîewan
 Ne tîkî heye ne dûrman.
 (Cam)
27. Hînê mînê le bin gwînî
 Ez debînim to nabînî.
 (Çaw)
28. Be dewrî pêxemberî
 Kilk le tewqî serî.
 (Kûleke)
29. Ho, ho xîre wekî go,
 Ne narince, ne lîmo.
 (Memik)
30. Binî dare serî asine
 Kere diîêşe bîzane.
31. Sê sere sê sere
 Eîmed paşay le sere
 Kilkdirêjî nokere.
 (Sêkuşke u menceî u mîlak)
32. Pîrejinê lûre lûre
 Lêden be berde zûre
 Pîske ewîş mafûre.

33. Dêrxone le ser qûne
Çend xoşê çend be rûne.
(Dûngî meî)

34. Çar deçeqê
Dû dezeqê
Dû deleqê.
(Bizîn)

35. Xware wek dase dirûnê
Zerde wek hêlke-u-rûnê...
(Hîlal)

VII. GORANÎ

Lankorê lay le layê

1. Lankorê lay le layê,
De binû xewit nayê.
Darî lankê dar henare,
Kemey lankê be bizmare,
Dakî lankê gê be gware,
Babî lankê segî hare.
2. Lankorê lay le layê,
De binû xewit nayê.
Darî lankê darhencîre,
Kemey lankê be zincîre,
Dakî lankê qolê mîre,
Babî lankê seyê pîre.
3. Lankorê lay le layê,
De binû xewit nayê.
Darî lankê darî gêze,
Kemey lankê be zirîze,
Kuî le memikan bûwe zîze.
4. Lankorê lay le layê,
De binû xewit nayê.

Darî lankê darî xoxe,
 Serçawkekey çît şiloxe,
 Dakî lankê memik xoxe.
 Babî bimrê be rêşe koxe.

5. Lankorê lay le layê
 De binû xewit nayê.
 Darî lankê darî gurê,
 Serçawkekey çîtî musrê.
6. Lankorê lay le layê,
 De binû xewit nayê.
 Darî lankê darî bîye,
 Serçawkekey çît hewrîye.
 Lankorê lay le layê,
 De binû xewit nayê,
 Ya xwe dûr bî le derd u
 Qeza u beray dinyayê.
7. Lankorê lay le layê,
 De binû rōrey dayê.
 Lankeket le bo dekem,
 Hamûy le darî gurê,
 Westay lo bê le Koyê,
 Şagird bê le Mûsrê.
8. Lankorê lay le layê,
 De binû rōrey dayê.
 Darî lankê dar gêwije,
 Daynêm le ber şew bayê,
 Şewê be xoy bihejê.
9. Lankorê lay le layê,
 De binû rōrey dayê.
 Berxî xo radejênim,
 Nawî xway le geî dênim,
 Ca be xêr u be şayî.
 Le lankêy derdênim.

10. Bangim we ber xway gewre,
Îdî xewsî Beḫdayê,
Lankeket le bo dekem,
Le darî darxurmayê.
11. Lankorê lay le layê,
De binû xewit nayê,
Lankorê lay le layê,
De binû řorey dayê,
Lankorê lay le layê,
De binû korpey dayê.
12. Lanik le darî gîze,
Bijînî bûk Mamize.
Lankorê lay le layê,
De binû řorey dayê.
13. Lanik le darî bîye,
Ḫurḫurey sed u sêye,
Bijînî bûk Le'lêye.
Lankorê lay le layê,
De binû korpey dayê,
Lankorê lay le layê,
De binû xewit nayê,
Lankorê lay le layê,
De binû řorey dayê.

SAWAR KUTAN

1. Le ger tome

1. Le ger tome, to bigêrewê,
Çawî hîzit meşêrewê,
Ewî le kinit bînêrewê,
Be kildan u awênêwê.

2. Le ger tome, be to derêrn,
Aşiqî şemamey baxêrn,
Sondim xwardiye be kes nerêrn.
3. Le ger tome, ey xecîle,
Sîng u memkit be kilîle,
Wek 'arebêt bim dexîle,
De maçêkim dê be hîle.
4. Le ger tome, çawestêre,
Her ew şewman mawe lêre,
Xizmetêkman pê bispêre.
5. Le ger tome, 'elîe sore,
Ewro seyre u rawe poře,
Le cîranan dir megoře.
6. Le ger tome, ey heyatim,
Taze li kin dakit hatim,
Etûy kirdiye be xeratim,
Le batê mûçey beratim.
7. Le ger tome, le gerête,
Gerden mamizî be qerête,
Agirdar bûm lot bûm şête.
8. Le ger tome, çawî çawum,
Le ser to çendyan lê dawum,
Le min wa bê xerat kirawum
9. Le ger tome, le gerit bim,
Erqê u rîzî dugmanit bim,
Yarê, ew şo mêwanit bim.
10. Le ger tome, ey hebîbim,
Min birîndarim toy tebîbim,
Xuda bitka be nesîbim.

11. Le ger tome, birê: “berê”,
Çawit şînkey baran perê,
Bew şêxekey le kuderê?
Kiçê faweste, ba mang herê...

2. Ew kanîyekey

1. Ew kanîyekey le Çîxlokê
Be xom lêda be nînokê,
Kê aw lê bird yar ‘Eyşokê.
2. ‘Eyşok jine be bazine,
Xuşkê tûe u yarî mine.
3. Ew kanîyekey le Girdmela
Be xom lêda be zembela,
Kê aw lê bird kîjê mela.
4. Ew kanîyekey le dew pirdê
Be xom lêda le dew girdê,
Kê aw lê bird kîjê gundê.
5. Ew kanîyekey le Bingeê
Be xom lêda be pêmeê,
Kê aw lê bird kîjê keê
6. Ew kanîyekey le Qespokê
Be xom lêda be nînokê,
Kê aw lê bird Amînokê.
7. Ew kanîyekey le girdîşî
Be xom lêda be qemîşî,
Kê aw lê bird ser be rîşî.
8. Ew kanîyekey le sêberê
Be xom lêda be xencerê,
Kê aw lê bird zerdesmerê.

9. Ew kanîyekey le dew bîrê
 Be xom lêda be kewgîrê,
 Kê aw lê bird kîjê mîrê.

10. Ew kanîyekey le Daîdağan
 Be xom lêda be qeynağan,
 Kê aw lê bird kîjê ağan.

11. Ew kanîyekey le Kendarê
 Be xom lêda be goparê,
 Kê aw lê bird kîjê xarê.

3. Danîştîye

1. Danîştîye le tarîkê,
 Kilî le çawan detikê,
 Nexşî deka le rānikê,
 Ezyetim da pencem şikê.

2. Danîştîye le lay jorê.
 Bazîbendî zîw le qorê,
 Rûmet kurî Estemborê
 Maçêkim dê le rēy Korê(?).

3. Danîştîye le ser banî,
 Kil u kildan le ser rānî,
 Subhānellā çende cwanî,
 Demnî gurî naw baxanî.

4. Danîştîye le ser conî,
 Ew qeytenî rēş dehonî,
 Şewî tarîk deka rōnî.

5. Danîştîye le bin tûê,
 Arûy dexwa be çeçûê,
 Subhānella te'bîm çûê.

6. Danîştîye beramberim,
Tîrekî da le cigerim,
Sewday Leylê peñîye serim.
7. Danîştîye le ser berdî,
Nexşî deka le dûgirdî,
Maçêkman dê hê kiçe kurdî.
8. Danîştîye le ser banî,
Nexşî deka le kildanî,
Pencem goşî le gelî ranî.

4. Awî Xazir

1. Awî Xazir xuře-xuře,
Leger xoy hêna dar u doře,
Memkî yarêm sêwî xîre.
2. Awî Xazir wurşe wurşe,
Leger xoy hêna dar u qîrşe,
Memkî yarem sêwî tirşe.
3. Awî Xazir gare-gare,
Leger xoy hêna dar u bare,
Memkî yarêm sêwî tare.
4. Awî Xazir girme-girme,
Legar xoy hêna dar u qurme,
Memkî yarêm sêw u xurme.

5. Mang le ‘asman

1. Mang le ‘asman awa nabê,
Qîamet le dakî ranabê,
Qet le kîjî xafîl nabê.

2. Pirsyar dekem le mindaran,
Çaw degêrîm lewan maran,
Qet nabînim Leyley caran,
3. Çaw degêrîm nabînim kes.
Giryanim dê be dir u hewes,
Leyley xome naydem be kes.
4. Mang le ‘asman bîst u yêke,
Hê kiçê zû be berim têke,
Şew direnge zûm beîrêke.
5. Lew hetîmey aqîl şête,
Sebir bigre şew dabête,
Mêle dengî toqan bête,
Newek gule waga bête.
6. Mang le ‘asman bîst u sêye,
Le ser sîngî elif u bêye,
Heta demrim tamam pêye.
7. Mang le ‘asaman rawestayê,
Çend estêran dewrey daye,
Yarî xome lêm toraye.

6. Wez masî bûm

1. Wez masî bûm le goman,
Kes neygirtim be koman,
Yarêy kuştim be loman.
2. Wez masî bûm le bestan,
Kes neygirtim be rîstan,
Yarêy kuştim be mistan.
3. Wez masî bûm le awan,
Kes meygirtim be dawan,
Yarêy kuştim be çawan.

7. Çawit wekî...

1. Cawit wekî çawî marî,
Xot lom bawe ser dîwarî,
Maçit dekem piîr be zarî.
2. Çawit wekî çawî boqê,
Le dût dekem gorge loqê,
Maçit dekem dir bitoqê.
3. Çawit wekî çawî qetê
Le bom were serî xetê
Maçit dekem bê ezyetê

DIRWÊNE

1. Taxmey kîjan ewa hat

1. Taxmey kîjan ewa hat,
Yarê min le geî nîye,
Lew la zuîfî gewroney,
Zuleyxa xidirîye.
2. Memkî dû sêwî lasûr,
Be cûte helîyandaye,
Ewe serî çend salê,
Bo to pawan kiraye,
Wek pawanî axaket,
Kes destî lê nedaye.
3. Deçme şarî Hewlêrê,
Be qeyserî u dukane,
Eger bawerîm pê nakey,
Çawkalî zor têdane.

4. Serdarman Muḥemedē,
Xoşewîstî xudaye,
Serî le 'erşî felek,
Binî le erzîdaye.

5. Le gwarekey sê goyê
Behîyey ḥesenîye.
Gotim be daîkî bilêm,
Daykî le malê nîye,
Babî wa le Hewlêre,
Kakî wa le cotîye,
Destim hawêşte milî,
Daykî serîa hatîye.

6. Kulkekî le zigî bê,
Estûrî biçite rânî,
Kirmî kewîte giyanî,
Wek sey bin kundeĀanî,
Xwardinî dirîk u dar bî,
Le batî aw u nanî.

7. Taxme kîjan ewa hat,
Yarê min le geĀdaye,
Eger bawerîm pê nakey,
Nextê kurte balaye,
Ewîş be 'eyb naşê,
Çunke nexşey xudaye,
Qonderekî le pêdaye,
Degrê penca u paşpanî.
Çawî westay kore bî,
Le geĀ derzî u dûrmanî.

2. Yar Xezal

1. Yar Xezal, 'emrim Xezal,
Yarim xezalî kêwan,
Şemamey çend şîrîne,
Cahêl deşrin be lêwan,
Gotmê bine maçit kem,
Destim nagate sêwan.
2. Yar Xezal, 'emrim Xezal,
Yarim xezalî deştê,
Şeqî le meşkey deda,
Dengî geîye pêdeştê,
Gotim bîne maçit kem,
Bonî şemamet xoş dê.
3. Yar Xezal, 'emrim Xezal,
Yar Xezalim dîtîye,
Bejnî baî sorawan,
Cot şemamey girtîye,
Sualêkit lê dekem:
Îsmî şerîfit çîye?
Nawî xom be kuîan nalêm,
Bulbulim şapeîye.

3. Deçme malî

1. Deçme malî delalê,
Derkeyan ser hewraze,
Kewek ewa dexînî,
Dû kotiran gaze-gaze,
Pêm got heste ba biîroyn,
Dunya le min u to tiraze.

2. Deçme malî delalê,
Derkeyan ser nişêwe,
Kewek ewa dexînî,
Dû kotiran lêwe lêwe,
Pê m got heste ba bîroyn,
Dunya le min u to şêwe.

3. Deçme malî delalê,
Derkey rû le Sefînê,
Serim be jorê dagirt,
Kewek ewa dexînî,
Meñbubek danîştibû,
Be pêy lankî dejînî,
Laylayê lo biray dego,
Nawî minîş le geî dînî,
Hewlêr u Koye u Kerkûk,
Hemûm da le mizgênî.

4. Deçme malî Leylayê,
Derkeyan be perjîne,
Serim be jorê dagirt,
Dak u kîj danîştîne
Semaweryan coş dabû,
Biskî be şey dadîne,
Bakî deygo bîxwaze,
Babî deygo bîhêne.

5. Deçme malî Leylayê,
Derkeyan ser hewraze,
Babî deygo bîhêne,
Dakî deygo bîxwaze.

4. Ew şew

1. Ew şo şewî hawînê,
Dawet kete coxînê,
Ya xwe ew şaiye nekrê.
Be bê bejnî Hemînê.
2. Ew şo şewî paîzê,
Dawet kete bin gîzê,
Ya xwe ew şaiye nekrê
Be bê bejnî Mamizê.
3. Ew şo şewî bedrêye,
Dawet kewte hewşêye,
Ya xwe ew şayîye nekrê
Be bê bejnî yarêye.

ŞAYÎ U HELPERKÊ

1. Mangeşew xoşe (Sêpêyî)

1. Mangeşew xoşe deyda le hobe,
Maç kirdin xoşe nobe be nobe,
Heft car sofî bim deşkênim tobe.
2. Mangeşew xoşe deyda le awê,
Dûdîlî xoşewîst pênewan nawê.
3. Meçûwe ser kanî befr u barane,
Şeqawan mawe kundet girane,
Çawan helmeyne 'alem dû zmane,
4. Mangeşew xoşe deyda le koîan,
Lêw le gerdên bê dest le memkoîan.

5. Mangeşew xoşe deyda le awê,
Dostî be beqa pênewî nawê.
6. Mangeşew xoşe le naw perêzê,
Dostit cwan bê pîr be amîzê.
7. Mangeşew xoşe ba biçîne nîskan,
Zemanek dahat kîj be dû gîskan.
8. Mangeşew xoşe ba biçîne noka,
Zemanek dahat kîj be dû golkan.
9. Mangeşew xoşe ba biçîne daran,
Zemanek dahat kîj be dû paran...

2. Fatimê zaîmê (Suskeyî)

1. Fatimê zaîmê, kîstanîm dîtî, dîtî,
Fatimê zaîmê, çend be befr u cilîtin,
2. Fatimê zaîmê, memkî kîjoran qîtin.
Fatimê zaîmê, le kengî heta kengî,
3. Fatimê zaîmê, memkit sêwî ferengî,
Fatimê zaîmê, lom nagîrê be çengî.
4. Fatimê zaîmê meçûwe korê naw rîzê,
Fatimê zaîmê germaye mîş detgezê.

ŞENEBA

1. Bayê şemar

1. Bayê şemar be hawînê
Deyda le rîndey coxînê,
Xew xoşe leger Amînê.

2. Bayê şemar be paîzê
Şîrîn deyda le dar gîzê
Xew xoşe leger Mamizê.
3. Bayê şemar be zistanê
Şîrîn deyda le dar kotanê
Xew xoşe leger Gustanê.
4. Bayê şemar be buarê
Deyda le pelkî çinarê,
Xew xoşe leger nazdarê.
5. Bayê şemar kizey cergim,
Xwardinim jehre diîra bergim
Paşî yarê cwanemergim.

2. Gwarey kete semayê

1. Bayê şemar debizêwê,
Dê be çilley hawînê,
Sîng mafurî Xoresan
Hênam le lay Dûînê.
2. Rôjî yarim mêwan bê
Râybxim le serînê,
Çawî yarim cwane,
Hôrî mexrîb zemînê.
3. Selamekim lê dekird
Mandî nebî Hemînê,
Bayê şemar debizêwê.
Dê be çilley zistanê.
4. Sîng mafurî Xorasan
Hênam le lay Lacanê,
Rôjî yarim mîwan bê
Râydexim le dîwanê.

5. Çawî yarim zor rēşe,
Kar mamizî Balebanê,
Du rōje birîndarim
Be dû çawî Gustanê.

3. Birêne baye semar

1. Birêne bayê şemar,
Demek dê demek nayê,
Ewro dirim hādize
Loyê dengim dernayê.
2. Dengî xot lo herdênim
Herwek dor u zuñnayê,
Hemû be yek deng gaz ken,
Hewar Xewsi Beşdayê.
Emeş wekî Yusifê
Aşiq be Zuleyxayê.

DEMETEQÊ

1. Daîk u kiç

1. Marî tenkey le qed girdî,
Ceñey piñ bû dayna ‘erdî,
Dakî gotî maçyan kirdî.
2. Kiç: Be pêş maranda rābirdim,
Hêştā dūr bû gazî kirdim,
Sayan diñ bû lēy pas kirdim,
Ceñem xwar bû loy rāst kirdim,
Destî rāstî le milî kirdim,
Be destî çep memkî girtim,
Be zordarî maçî kirdim.

3. Daîk: Erê kijim, çend 'eyarî,
Şeqit nekey wek xeyarî,
To kîjekî xoş guftarî,
Kîj maç nakrê be zordarî.
4. Kiç: Erê daye, memke lome,
Be şew u rōj her rō rōme,
Ew hetîwe cergî xome.
5. Daîk: Erê kîjim, natkem lome,
Serim spîye u piştîm kome,
Ew fêrane le meî xome.
6. Kiç: Lew wextey to wekî min bûy,
Edî le ger babim kû bûy?
7. Daîk: Kîjim, emin zor cwan bûm,
Le ger babit car u bar bûm,
Le ca'îran tebeîa bûm.
8. Kiç: Etû şîşî min kebabim,
Emin le tû çêtir nabim

2. Were

1. Kiç: Hey were were were,
Kuîrî dîno, dê were,
Derke nîne, çepere,
Çemîne serîa were.
2. Kuîr: Hey ez hatim, ez hatim,
Kîj delalê, ez hatim,
Şew tarîne hengaftim.
3. Kiç: Dê were serê banî,
Dêdema ber te nanî.
4. Kuîr: Ez hatim, hê ez hatim,
Ez hatme serî girî,
Dêdeme ber te tirî.

5. Kiç: Dê were serê koxa
Dêdeme ber te xoxa.
6. Kuř: Hay ez dizim, ez dizim,
Bûkê le xesûyê dizim.

BESTE U GORANÎ

1. Hatye teyrî germênê

1. Hatye teyrî germênê,
Kîj pêy derên qetêye,
Ferxey le dû xoy rêz kird,
Deřwa lo naw werdêye,
Dunyadarîm ħeram kird,
Le paş bejnî Fatêye.
2. Hatye teyrî germênê,
Kîj pêy derên kotire,
Ferxey le dû xoy rêz kird,
Deřwa be fîre fîre,
Dunyadarîm ħeram kird,
Le paş cot memkî xiře.
3. Hatye teyrî germênê,
Kîj pêy derên kolare,
Ferxey le dû xoy rêz kird,
Deřwa be gare-gare,
Dunyadarîm ħeram kird,
Le paş dû çawî kare.
4. Hatye teyrî germênê,
Kîj pey derên başoke,
Ferxey le dû xoy rêz kird,
Derwa be cirûke-cirûke,
Dunyadarîm ħeram kird,
Le paş bejnê giçkoke.

5. Hatye teyrî germênê,
Kîj pêy derên qumrîye,
Ferxey le dû xoy rêz kird,
Deŕwa lo bin hewrîye,
Dunyadarîm ħeram kird,
Le paş bejnî Sebrîye...

2. Şewzelar

1. Şewzelar, şewzelar, şewzekeyê ħemrim,
Ca tu xwa şil u mil mehêlê bimirim.
2. Marman marêke çîxman cudaye,
‘Eyfim bo balay şew be tenyaye.
3. Marman marêke, sertîl be sertîl,
Çendit derxward dam maçî bê bertîl.
4. Qeratî Hewlêr be mêtir u geze,
Maçî ew kiçe bo min ferze.
5. Le dûr dîyare poşîyekey sore,
Yan yarî xome yan zeynim kore.
6. ‘Eft sar sofî bûm le Beħda zemîn,
Çawim be yar ket wergefam le dîn.
7. Ew ‘ewşe gewre be cîranim bî,
Kîjekyan heye desgîranim bî.
8. Hey dad u bêdad, xo min nemawim,
Wek cogeley aw xîn dê le çawim.

3. Xozge

1. Xozgem bew gozey eçê bo kanî,
Car car ekewê be şilkey řanî,
Awekey etikê we ban memanî.

2. Xozgem bew away berew xwar eṙwa,
Dû sêwî têkey bo lay yar eṙwa.
3. Xozgem be saḡan legeḡ ṙojgaran,
Tefrege nebûn çon geḡay daran.
4. Xozgem bew kesey dirawsêtane,
Be şew u be ṙoj çawî lêtane.
5. Xozgem le dunya toyan daye pêḡ,
Çiş lewê dunya dozex baye cêḡ.
6. Xozgem be derzî tîj u tenike,
Daîḡ derwazey sîne u memike.

ПЕРЕВОД ТЕКСТОВ

I. СКАЗКИ

1. ЗЛАТОЧУБЫЙ И ЖЕМЧУЖНОЗУБАЯ

1. В сказке [повествуемой] у курдского очага сказывается: жил некий падишах, [и] было у него три сына. Пришла сыновьям пора жениться. Во владениях того падишаха жил один крестьянин, и было у него три дочери — красивые, статные, привлекательные. Однажды падишах отправляется со своей свитой на охоту. Случилось так, что путь его проходил мимо дома того крестьянина. [И] надо же, в это [самое] время все три девушки выходят из дома, чтобы посмотреть на носилки падишаха, отправлявшегося на охоту. Падишах замечает их, и они приходятся ему по душе. Он принимает решение по возвращении с охоты сосватать их для своих сыновей.

2. Вернувшись с охоты, падишах тут же отправляет к девушкам опытную старуху, чтобы та сказала им: «Если падишах посватает вас за своих сыновей, каким мастерством своим вы можете похвалиться, чтобы я пошла и доложила ему?» В ответ старшая из девушек говорит: «Если падишах возьмет меня в жены старшему сыну, то я одним *ры'ба* риса накормлю сотню всадников — его гостей». Средняя дочь говорит: «Если падишах возьмет меня в жены среднему сыну, то я из одного *хока* шерсти сотку ковер, на котором свободно, не касаясь друг друга, смогут разместиться сто человек». Когда же наступил черед младшей дочери, она произнесла: «Ей Богу, мне нечем похвастаться, [но] если падишах пожелает взять

меня в жены своему младшему сыну, то родится у меня мальчик, чьи кудри будут желтыми как золото, и девочка родится, чьи зубы будут белыми как жемчуг».

3. Старуха встает, идет обратно и передает падишаху разговор девушек. Падишах очень радуется тому, что у него будут три такие невестки. Он тут же собирает своих приближенных и говорит им: «Я принял решение взять своим сыновьям в жены дочерей такого-то крестьянина. Каково ваше мнение?» В ответ все говорят: «Наш падишах не ошибся... [и] отыскал себе прекрасный букет». Тут же посылают за крестьянином, приглашают его и обращаясь к нему говорят: «В твоём цветнике есть три розы, [и] ты должен принести их в дар сыновьям падишаха». Крестьянин в ответ говорит: «Если наш падишах будет рад розам моего цветника, то розы эти принадлежат ему. Да он волен и не спрашивать меня». Едва крестьянин приносит это, падишах поднимается и, расцеловав его, посылает за муллой, и, согласно обычаям того времени, между дочерьми крестьянина и сыновьями падишаха заключается брак, и падишах велит начинать свадебное пиршество.

4. Семь дней и семь ночей бьют в барабаны, звучат флейты, разносят угощения, беднякам раздают одежду. Затем невест из крестьянского дома увозят во дворец падишаха. Проходит несколько месяцев со дня переезда невест. [И вот] однажды к падишаху неожиданно является много гостей, и он велит старшей невестке приготовить хорошее угощение, а средней — расстелить ковры. Старшая невестка, дабы не прослыть лгуньей, берет один *ры'ба* риса, кладет туда столько же соли и, сварив еду, ставит ее перед гостями. Едва отведав пересоленное угощение, гости поднимаются со своих мест и говорят: «Да не убавит Бог, угощение очень вкусное». А средняя невестка [тем временем] берет несколько уже готовых ковров и тысячью игл скрепляет их в один. Как ни садятся гости, в бедра им и в другие места вонзаются какие-то иглы. [Тогда] они встают и говорят: «Друзья, человек от долгого сидения делается ленивым и теряет силы!» — [и уходят].

5. Так старшая и средняя невестки выпроваживают гостей падишаха, после чего по городу распространяются слухи, [мол] говорят: «Падишах потчует своих гостей пересоленной едой и стелит им ковер, утыканный иглами». Когда эти слухи доходят до падишаха, он сильно расстраивается [и] решает без [всяких] объяснений запретить невесткам вести в доме хозяйство, так как они не сдержали данного ему слова. Однако младшей невестке спустя девять месяцев и девять дней Бог дарует златокудрого мальчика и девочку с жемчужными зубами. У обеих сестер это вызывает огромную зависть, и в душе их затаивается злоба. Они решают немедленно осуществить коварный план, [с тем] чтобы и она, подобно им, упала в глазах падишаха. Для этого они берут и тайне от их сестры общаются падишаху: «Поздравляем тебя, падишах, твоя младшая невестка разом принесла двух щенят!»

6. Узнав об этом, падишах впадает в ярость¹ и велит немедленно изгнать ее из города, выдав ей все необходимое [в дорогу]. Сестры тут же собирают ее в дорогу, и отдав ей в руки младенцев, выпроваживают ее из города. И девушка, с глазами полными слез, убитая [горем], прощается с [обитателями] дворца и с обоими детьми покидает город. Едут они, едут, пока не достигают заброшенной в степи старой мельницы. Здесь они останавливаются и снимают груз.

7. Младшая невестка падишаха растит своих детей словно цветы, пока они не подрастают и не становятся самостоятельными. Сына она обучает верховой езде, охоте, стрельбе в цель, смелости, обходительности, умению прощать, поддерживать бедняков, сдержанности и самообладанию. Дочь же она приучает к ведению с ней домашних дел. Наряду с этим она выстраивает в этой степи большой дворец, пристроив к нему с задней стороны *дивахана* для путников и [всех] нуждающихся.

¹ Букв.: 'глаза его лезут на затылок и волосы становятся дыбом как иглы'.

8. Спустя несколько лет сам падишах и его сын, [направляясь] на охоту, оказываются в этих краях. Но, проезжая мимо дворца невестки и ее детей, он не признает их. Невестка же узнает падишаха и своего мужа, [но] не подав виду, говорит сыну: «Сын мой, те всадники, что проехали тут, были твой отец и дед». — «Как, то были мой отец и дед?! Но почему они не остановились?!»

9. Поведав ему всю историю с самого начала, мать говорит ему: «Пока они не узнают нас, а потому ступай к своему деду и скажи: "Мой господин, [этим] вечером ты и твоя свита пожалуйста к нам в дом"». Юноша идет, тепло приветствует их и говорит: «Мой господин, этим вечером ты должен почтить нас [своим присутствием]». Хотя поначалу падишах колеблется — идти ему [или нет], но потом у него возникает желание узнать, кто они такие, обитатели этого прекрасного дворца, [стоящего] у самой дороги в этой степи. [И] он говорит: «Сын мой, мы придем, только приготовьте нам хорошей еды». Юноша возвращается к матери и сообщает ей о решении своего деда. И мать вместе со служанками и прислугой дворца [начинают] готовить для них лучшие кушанья.

10. Вечером падишах, его сын и вся его свита направляются ко дворцу. Златочубый встречает их. Слуги уводят коней. Гости входят в *дивахана*, рассаживаются, и Златочубый начинает ухаживать за ними, оказывает им всякие почести, пока не наступает время ужина. [И вот] накрывают столы, несут угощение — золотые чаши на серебряных подносах, полные плова. При виде такой роскоши падишах приходит в изумление, в особенности когда юноша говорит его свите: «Прошу [вас], тот, кто откусает, пусть золотые чаши возьмет с собой». Падишах хотел было пойти и сесть за стол вместе со своей свитой, но юноша быстро произносит: «Мой падишах, не позорь нас! Ваше [с сыном] угощение должно быть отдельным от остальных».

11. [Когда] свита заканчивает с едой, мать Златочубого, собрав все кости, какие только были, складывает их в золотую

чашу на серебряном подносе, накрывает ее крышкой и через слугу отправляет это падишаху и его сыну, а Златочубому она говорит: «Ступай, сын мой... Нет, погоди. Если падишах рассердится и скажет: "Что мы собаки, что вы ставите перед нами эту еду", — ты ответь ему: "Если вы не собаки, то как же от вас рождаются щенки!"». — и тут покажи ему свой золотой чуб и позови меня и свою сестру — Жемчужнозубую...»

12. [Когда] перед падишахом и его сыном ставят эту еду, падишах поднимает с чаши крышку и видит — она наполнена костями и объедками. Придя в ярость, он с криком обрушивается на юношу: «Как только не стыдно тебе! Мы что собаки, [что] ставишь перед нами кости?!» В ответ юноша говорит падишаху с улыбкой: «Если вы не собаки, то каким же образом от вас рождаются щенки?!» Едва юноша произнес это, падишах прикусил палец [изумления] и вспомнил свои слова. Но прежде чем он успел сказать что-либо, юноша повернулся к деду и сказал: «Вот мой [Золотой] чуб», — и, окликнув свою сестру добавил: «А это ваша Жемчужнозубая». Тут пришла и его мать и подробно поведала им о [постигшем] их несчастье. Отец и дед поднялись, расцеловали сына и дочку, и, радуясь друг другу, вернулись в свой город. Падишах взял и выгнал из дворца обеих сестер младшей невестки. А хозяйкой дворца сделал младшую сестру...

2. АХА-ТКАЧ

1. В сказке [повествуемой] у курдского очага рассказывают: в одном городе, таком городе как Сулеймания, жил некий ткач. Звали его Аха-ткач¹. Аха-ткач был необычайно труслив. Однажды, когда он был занят дома тканьем, [неожиданно] из норы высунулась мышь в поисках пищи. К несчастью, она растерялась и угодила в ткацкий станок² Аха-ткача. Мой

¹ Аха — сокр. от Ахмад.

² Имеется в виду ручной станок, обычно устанавливаемый в углублении земляного пола.

Аха-ткач, испугавшись мыши, выскочил из ямы, где стоял его станок и, силой отшвырнув [зажатый] в руке челнок, угодил им прямо в мышь и убил ее¹. Увидев беспомощную мышь и убедившись, что она мертва², Аха-ткач от радости стал звать жену, но вместо того чтобы сказать ей: «Я убил мышь», он запинаясь кричит: «Я убил льва. Иди, возьми его за хвост и выкинь наружу!»

2. Жена Аха-ткача, услышав голос мужа, кричащего: «Я убил льва», с непокрытой головой, босая выбегает на улицу и что есть силы голосит: «Соседи, в наш дом проник лев. Но мой муж Ахмад не дал ему напасть на себя... Он набросился на него и покончил с ним³! Будьте [же и] вы смелыми, давайте все вместе возьмем его за хвост и вышвырнем на улицу!»

Когда, сбежавшись на их зов, люди [со всего] квартала входят в дом Аха-ткача и вместо убитого льва видят в яме [для] станка Аха-ткача подбитую мышь, заливаясь смехом, они говорят, обращаясь к Аха-ткачу: «В самом деле, храбрость так и брызжет из твоих глаз, верно больше ни одна мать не родит на свет второго такого сына, который смог бы один справиться с таким свирепым львом и так легко убить его! Поэтому будет справедливо впредь называть тебя Аха-шеркуж⁴, а не Аха-ткач!» И с того дня кто бы и где бы не повстречал Аха-ткача, с усмешкой произносил: «Это Ахмад-шеркуж!».

3. Так Аха-ткач превратился в Ахмада-убийцу льва, и его имя стало известным всему городу. Куда бы он ни ступил ногой, отовсюду ему слышалось: «Это Ахмад-шеркуж». Он очень сердился на это, и стоило кому-нибудь назвать его — «Ахмад-шеркуж», он останавливался как вкопанный и весь покрывался испариной⁵. [И так] было до тех пор, пока, не вы-

¹ Букв.: 'отрезал ей нутро'.

² Букв.: 'в ней не осталось души'.

³ Букв.: 'лишил его дыхания'.

⁴ Букв.: 'Аха — убийца льва'.

⁵ Букв.: 'покрывался синим и лиловым потом'.

держав, он собрался и вместе с женой уехал в другой город. Жить они устроились на старой мельнице, [что находилась] за городом. А чтобы прокормить себя и своих детей, [Ахаткач] каждый день ходил в город и нанимался в работники [или] в грузчики.

4. Однажды, уйдя в город, он задерживается на одной работе [и] потому в этот день домой он возвращается поздно. Обеспокоенная [этим] его жена поднимается на мельничную крышу и [в ожидании его] глядит на дорогу, идущую из города. Долго она стоит и смотрит [в надежде], что вот-вот вдали покажется какая-нибудь фигура. Вдруг перед ее глазами мелькнула¹ фигура Ахмада-шеркужа. Она окликает его: «Эй, Ахмад-шеркуж, Ахмад-шеркуж!» Случилось так, что в это время мимо проходят слуги падишаха этого города. Услышав голос женщины, зовущей «Ахмад-шеркуж», они подумали: «Наверное, этот мужчина смелый человек и похоже, что он прибыл в этот город недавно, и падишах ничего о нем не знает, иначе он тут же послал бы за ним и с его помощью убил бы того льва, что засел в его саду, и [таким образом] избавился бы от него. Будет лучше, если мы доложим об этом падишаху».

5. Едва добравшись до дворца падишаха, слуги [тут же] сообщают² ему эту новость. Падишах велит немедленно привести к нему этого человека, [надеясь], что тому удастся избавить их от льва. Слуги приходят за Ахмадом-шеркужем. Немного успокоив его, чтобы не спугнуть, они уговаривают его и, забрав с собой, доставляют его во дворец падишаха. Там он тепло здоровается [со всеми] и в сильном страхе предстает перед падишахом. Падишах говорит ему: «Изволь сесть». Ахмад-шеркуж молча и с почтением садится перед падишахом. Тут падишах обращается к нему: «Ахмад-шеркуж, есть у меня сад, в котором я высадил [разные] плодовые деревья,

¹ Букв.: 'проходит'.

² Букв.: 'говорят'.

какие только душе угодны. Растил я их с любовью и заботой, пока они не стали приносить плоды. А теперь появился там какой-то лев, и вот уже целых семь лет, как он засел в нем и не уходит оттуда, не позволяя никому войти в сад, чтобы собрать урожай. Ты должен найти какой-нибудь выход и спасти нас от этого хищника!»

6. Ахмад-шеркуж после некоторого замешательства говорит¹: «Пусть здравствует наш падишах! Выход прост!» Падишах очень радуется этому. Но Ахмад-шеркуж, откланявшись, [тут же] покидает шахский дворец [и] пулей летит домой. Тяжело дыша, с побледневшим лицом и дрожащими губами он обращается к жене со словами: «Куда мне теперь деваться?! Никакой я не убийца льва, а они силой хотят сделать из меня убийцу льва!» После того как он, чуть не плача, рассказал эту историю жене, она успокаивает его и говорит: «Нет такого дела, которое не устроил бы Бог! Ты так не расстраивайся. Утром встань пораньше и ступай в сад. Если встретишь там какого-нибудь зверя, похожего на льва, хватай его за уши и тащи ко дворцу падишаха. Затем возвращайся, мы соберемся с тобой и уедем отсюда». Наутро Ахмад-шеркуж, поднявшись чуть свет и трясаясь от страха, направляется к саду. У входа в сад он видит лежащего [там] льва, но не узнает его. Решив, что это осел, он подходит к нему и дав ему пинка, поднимает его. Лев встает и, опустив голову, покорно идет впереди Ахмада-шеркужа в сторону царского дворца.

7. В это время падишах смотрит из окна своего дворца, выходящего в сад, и видит: Ахмад-шеркуж направляется ко дворцу, ведя перед собой льва. Пока он велит слугам сказать Ахмаду-шеркужу, чтобы он не подводил льва ко дворцу, тот вводит его во двор дворца и кричит: «Мой падишах, вот лев... Я заставил его своими ногами придти в твой дворец... Теперь бейте его, пока не вытряхнете из него душу!» Сказав это, он стремглав несется домой и говорит жене: «Жена, у входа в сад

¹ Букв.: 'открывает рот и говорит'.

лежало нечто, похожее на огромного осла. Одним пинком я поднял его на ноги и, пригнав его к падишахскому дворцу, ввел его во двор. Ну, пока не поздно, вставай, надо уезжать отсюда!» Когда Ахмад-шеркуж произносит это, жена догадывается, что это был лев. Поэтому, обращаясь к Ахмаду-шеркужу, она говорит: «Радуйся Ахмад! Ведь это был лев! Разве я не говорила, [что] Бог великодушен и [что] если он откажет тебе в одном, то поможет в чем-то другом»¹. Не успела жена договорить, как Ахмад от страха побледнел и тут же потерял сознание. Но жена силой дает ему понюхать *бонсо* и, побрызгав его холодной водой, приводит его в чувство.

8. После того как слуги падишаха убивают льва и избавляются от него, они устраивают праздник и, раскрыв настежь ворота сада, они объявляют по городу: «В саду падишаха раздают фрукты». [И] народ стал стекаться к саду, чтобы получить фрукты. Затем падишах посылает за Ахмедом-шеркужем и, щедро наградив его, говорит ему: «Я очень горд тем, что в моем городе нашелся такой человек, как ты».

9. Какое-то время Ахмад-шеркуж спокойно живет со своей семьей на старой мельнице. Ему казалось, [что] все устроилось так, как он хотел, и [что] впредь никогда больше [он] не окажется в таком ложном положении. Но [вот] на его беду сын падишаха другой страны влюбляется в дочь падишаха этого города и несколько раз просит ее руки. [Но] все напрасно — [этот] падишах никак не соглашается² отдать свою дочь замуж. Из-за этого между обоими падишахами начинается вражда. Вражда эта постепенно усиливается и разрастается, пока не доходит до того, что они начинают готовиться к войне. [И] когда становится известно, что сватающийся за девушку падишах с огромным войском подошел к городу падишаха, не желающего отдавать свою дочь замуж, и ставит условие: «Или война, или твоя дочь — моему сыну», — падишаха этого города, при виде противостоящего ему многочисленного

¹ Букв.: 'если закроет одну дверь, другую дверь откроет'.

² Букв.: 'забрался на высокое дерево и не спускается вниз'.

войска, окружившего город, охватывает страх. Он [тут же] посылает за своими приближенными и, собрав их, советуется с ними. Затем они принимают решение послать за Ахмадом-шеркужем, чтобы он своим бесстрашием нашел для них выход и спас их от того тяжелого положения, в котором они оказались. Падишах [тут же] посылает за Ахмадом-шеркужем. Когда приходят за ним, его охватывает страх, он понимает, зачем он им, и думает про себя: «Ей Богу, опять я попался в свои [же] сети. Разве мне это под силу? Где уж мне справиться с таким войском?!»¹

10. Когда он приходит во дворец падишаха, он здоровается и по велению падишаха садится перед собранием. Падишах и его приближенные оказывают ему очень теплый прием. Посидев немного, падишах говорит ему: «Ахмад-шеркуж, враг навязывает мне войну² и хочет разорить нашу землю³, если только это удастся ему. В силах ли ты помочь нам?» Помолчав немного, Ахмад-шеркуж затем говорит: «Пусть здравствует мой падишах! Найдем выход, не думай об этом и будь спокоен⁴. А утром ты увидишь, что сделаю с ними я, твой слуга⁵, на поле битвы! Да я превращу их дворец в мышиную нору!» Произнося это, он встает и, прощаясь, добавляет: «Я прошу своего падишаха позволить мне уйти, чтобы начать готовиться к завтрашнему бою».

11. Выйдя из шахского дворца, Ахмад-шеркуж направляется к своей старой мельнице. От страха у него дрожат колени, а когда он рассказывает жене [о происшедшем], у него трясутся губы и руки: «Ну, женщина, как нам теперь спастись?! Разве мне справиться с войском врагов, которые кишат как муравьи?! Пока не поздно, вставай, соберемся и уедем в другие края». Немного успокоив его, жена сказала: «Мужчина, не

¹ Букв.: 'где я, и где поражение этого войска'.

² Букв.: 'враг взял меня за ворот'.

³ Букв.: 'хочет засеять нашу землю репой'.

⁴ Букв.: 'расслабь свой пояс'.

⁵ Букв.: 'твой младший'.

переживай! Бог все устроит¹! Если ты возьмешь себя в руки², вражеское войско, будь оно и вдвое больше, не устоит перед тобой!» Едва жена произносит это, Ахмад-шеркуж принимается бить себя по голове, восклицая [при этом]: «Что ты говоришь, женщина?! Не хочешь ли ты погубить меня? Нет, я этого не сделаю! Не в моих это силах!» — «Муженек, если не в твоих, то в чьих же это силах!? Ложись-ка ты спать! Бог великодушен. А завтра я сама пойду с тобой. Вот увидишь, ты победишь и обратишь врага в бегство!»

12. Наутро чуть свет Ахмад-шеркуж вместе с женой идут к полю боя своего падишаха, а там ему готовят нетерпеливого коня³, при виде которого душа его уходит в пятки. Тяжело вздохнув, он шепчет жене на ухо: «Будь у меня и тысяча сердец, я бы все равно не смог справиться с таким конем! Как ты погубила меня... Разве я вынесу такое?!» Жена говорит ему: «Возьми себя в руки. Сейчас я сделаю так, что тебя привяжут к коню, чтобы ты не упал с него. [А] когда ты доберешься до вражеского стана, будь смелым и бесстрашным, и [тогда] никто не устоит перед тобой». [Тут] подводят коня и говорят: «Пожалуйста Ахмад-шеркуж, садись верхом... Вот тебе и меч»⁴. Ахмад-шеркуж садится на коня, берет оружие, но прежде чем он успевает вдеть ноги в стремяна, жена его восклицает: «Будьте же людьми! Почему вы не привяжете его к седлу?! Ведь он сейчас так понесется, что может слететь с коня и упасть!» Слуги падишаха тут же приносят веревку и, крепко-накрепко привязав его, гонят коня. Конь словно ветер несется к вражескому стану. Боясь, как бы не вылететь [из седла] и не сломать себе шею, Ахмад-шеркуж ухватился за какое-то дерево, оказавшееся на его пути, чтобы повиснуть на нем. Но, слава Богу, дерево то оказывается прогнившим и, легко вырвавшись с корнем, оно остается в его руках.

¹ Букв.: 'нет дела, которое не устроил бы Бог'.

² Букв.: 'если стиснешь зубы'.

³ Букв.: 'коня, который будет танцевать на четырех ногах'.

⁴ Букв.: 'режущее оружие'.

13. Войска неприятеля, видя, как Ахмад-шеркуж, ловко изогнувшись, вырвал [дерево] с корнями и несется в их сторону, тут же дрогнули, и, боясь, что он настигнет их, бросились бежать в разные стороны. А [Ахмад-шеркуж] на коне и с деревом в руке несется за ними и гонит их¹ до тех пор, пока они не пересекают свою границу и не исчезают из виду. Тогда [переполненный] гордостью он возвращается к падишаху. Падишах обнимает его, целует и назначает его вместо себя правителем того города.

3. КРАСАВИЦА-НЕВЕСТА²

1. Аскол была совсем маленькой, когда умерла ее мать. Дядя Омар, ее отец, привел другую жену, и от этой жены родилась у него дочь — Хурша. Аскол и Хурша росли вместе, только Хурша [окруженная] материнской любовью, нежностью и лаской, а Аскол — под побоями и бранью мачехи, в тяжком труде и нищете. Вся домашняя работа также лежала на плечах Аскол.

Аскол было девятнадцать лет, [а] Хурше семнадцать. Аскол была очень³ красивой, нежной, сообразительной, работающей, аккуратной и спокойной. Хурша, которая была страшно некрасивой, [к тому же была] очень грубой, ленивой и неопрятной. Всякий раз, когда мачеха видела Аскол, она чувствовала отвращение⁴. Она постоянно думала о том, как бы найти для нее новое испытание.

2. Как-то ночью мачеха придумала для нее новую работу. [Она] сказала ей: «Завтра утром отведи корову в поле и возьми с собой прялку да узелок с шерстью. Паси корову до вечера, спряди всю шерсть и тогда принеси все обратно».

¹ Букв.: 'гонит их с руками на плечах'.

² Букв.: 'невеста-красная'.

³ Букв.: 'насколько скажешь'.

⁴ Букв.: 'на нее находила слепота'.

Несчастливая Аскол рано утром завернула в стары́й платок кусок черствого хлеба, узелок с шерстью привязала к спине, взвалила на плечи прялку и, погнав перед собой рыжую корову, отправилась в поле. Шла она, шла пока не добралась до хорошего пастбища. [Там] она поставила в сторонке свою старую прялку и начала прясть, а корова стала пастись.

3. После полудня поднялся сильный ветер и, подхватив клубок пряжи, погнал ее перед собой и унес. Аскол бросилась за унесенной ветром пряжей. [И вот] пряжа летит по ветру, а Аскол, тяжело дыша, — следом за ней, пока пряжу не занесло в какую-то пещеру, Аскол — за ней. Огляделась Аскол [и видит], лежит там самка дива — одну грудь опустила, а другой укрыла себя. Увидев Аскол, самка дива сказала: «Кто ты?» Аскол, прежде чем ответить, быстро подошла, пососала ее правую грудь, а потом сказала: «Дорогая тетушка, я пряла тут в поле, [вдруг] поднялся ветер и унес мою пряжу в пещеру. Вот я и пришла за ней». Самка дива сказала: «Да благословит Бог твой разум¹, расчеши-ка мне голову!» Аскол подобрала валявшийся на земле обломок гребенки и принялась расчесывать голову самке дива. Самка дива спросила ее: «Моя голова чище или голова твоей матушки?» Аскол, несмотря на то что голова [самки] дива была грязна и полна насекомых, поцеловала ее и сказала: «Ах, какая чистая у тебя голова! Где голове моей матушки до твоей!»²

4. Когда Аскол кончила причесывать, [самка] дива сказала ей: «Теперь я посплю. [Если] пойдет синяя вода — не буди меня, пойдет зеленая вода — не буди меня, пойдет красная вода — не буди меня, пойдет желтая вода — не буди меня, пойдет фиолетовая вода — не буди меня, пойдет черная вода — не буди меня, пойдет коричневая вода — не буди меня, пойдет мутная вода — не буди меня, и как только пойдет белая вода, тогда и разбудишь меня». Сказав это, [самка] дива

¹ Букв.: 'да сделает Бог меня жертвой твоего ума'.

² Букв.: 'голова моей матушки в стороне'.

заснула. А Аскол уселась напротив в ожидании воды. Прошло немного [времени и] по ручейку в пещере потекла синяя вода, потом — зеленая, красная, желтая, фиолетовая, черная, коричневая, мутная и затем — белая вода. При виде белой воды Аскол разбудила [самку] дива. [Самка] дива, взяв Аскол за руку, окунула ее в воду. Внезапно вся пещера озарилась светом. [Самка] дива сказала: «Это сияние твоего лица, которое теперь светится, как луна. Вот и пряжа твоя, [она] превратилась в нитки, забери их».

5. Когда Аскол, взвалив на плечи прялку с нитками, погнала в сторону дома корову, уже наступал вечер. Едва она, переступив порог двора, вошла в комнату, весь дом наполнился сиянием. Увидев это, мачеха подошла к ней и обрушилась на нее: «Гадкая ослица! Где ты была до сих пор! Как это случилось с тобой?» Девушка рассказала ей все, что произошло с ней в этот день. Но не осмелилась [сказать] о том разговоре, который вели они с [самкой] дива, когда она расчесывала ее. Тогда мачеха сказала: «Отныне не смей выходить из дому, чтобы никто не увидел тебя даже через ворота!» Ночью мачеха сказала своей дочери, [чтобы она] назавтра погнала пастись корову на то самое поле, куда вчера ходила Аскол, и [чтобы] взяла с собой прялку и шерсть для прядения.

6. Наутро Хурша взяла прялку и шерсть и, погнав перед собой корову, направилась к тому полю, куда вчера ходила ее сестра. Придя туда, она установила свою прялку и начала прясть. А корова паслась себе. Внезапно поднялся сильный ветер и, подхватив пряжу, унес ее в пещеру. Хурша — за ней. А там лежала самка дива, положив одну грудь под себя и укрывшись второй. Хурша, как только увидела старуху-дива, спросила громко: «Где моя пряжа? Что стало с ней?» [Самка] дива сказала: «Сначала иди расчеши мне голову, а потом найдем твою пряжу».

7. Хурша подняла с земли обломок гребенки и принялась расчесывать самку дива. Самка дива спросила ее: «Моя голова чище или голова твоей матери?» Хурша ответила: «Голова мо-

ей матери пахнут розами, [а] твоя голова полна насекомых и настолько грязная и вонючая, что вызывает отвращение». Самка дива сказала: «Раз так, сейчас я усну. [Если] пойдет синяя вода — не буди меня, пойдет зеленая вода — не буди меня, пойдет красная вода — не буди меня, пойдет желтая вода — не буди меня, пойдет черная вода — не буди меня, пойдет фиолетовая вода — не буди меня, пойдет черная вода — не буди меня, пойдет коричневая вода — не буди меня, пойдет белая вода — не буди меня, пойдет мутная вода — тут разбуди меня, и тогда я верну тебе твою пряжу», — и [она] закрыла глаза.

8. Одна за другой потекли синяя вода, зеленая, красная, желтая, фиолетовая, черная, коричневая, белая. Когда [же] потекла мутная вода, Хурша разбудила самку дива. Самка дива взяла Хуршу за руку и окунула ее в мутную воду. [Тут же] на лбу и подбородке Хурши выступили бородавки. Самка дива вернула Хурше ее пряжу и сказала: «Вот тебе твоя пряжа и убирайся отсюда!» Когда Хурша пришла домой, мать ждала ее. Когда мать увидела ее лицо, поначалу она опешила, а потом начала бить себя по голове и подойдя к девушке [запричитала]: «О горе! Пусть умрет твоя мать! Кто это так погубил тебя?» Хурша ответила: «Матушка, это [все] самка дива!» И рыдая она рассказала ей всё, что с ней случилось. [Так] Хурша была наказана за свою глупость, а мачеха — за свою жестокость и насилие.

9. Затем мачеха накинулась на Аскол, которая стояла тут же, схватила ее за волосы, и бросив наземь, стала бить ее изо всех сил. В ту ночь до самого утра не прекращался крик мачехи. После этого она запретила выходить за ворота и своей дочери, чтобы никто не увидел ее. Теперь обеих девушек никто не должен был видеть, Аскол — из-за ее красоты, Хуршу — из-за ее бородавок.

10. Однажды сын падишаха, играя на кровле своего дворца в мяч, увидел Аскол и тут же был пронзен стрелой любви. Семья падишаха послала [людей] сватать дочь дядюшки Омара за падишахского сына. Дядя Омар сказал: «Я готов

отдать ее ему и в служанки». Из дома падишаха в дом дядюшки Омара отправили драгоценности и множество денег. А у мачехи было дьявольское намерение. Она хотела отправить в качестве невесты Хуршу. В день свадьбы, когда приехали всадники, чтобы увезти невесту, мачеха упрятала Аскол в *тандур*. Но в тот момент, когда невесту сажали верхом, петух из дома невесты взлетел на крышу и принялся кричать: «У-у-у-у! Невеста-красавица в *тандуре*! А увозят в невесты [ту что] с бородавками на лице!» Мать Хурши тут же послала [людей], они схватили петуха и отсекли ему голову.

11. Однако у людей из падишахского дома возникло сомнение. Пошли они, подняли крышку *тандура*, глянули — а там красавица, схожая с четырнадцатидневной луной. Вытащили они ее. Затем подошли к невесте, и когда они сняли с нее покрывало, то увидели¹, что лицо ее в бородавках. Тут же сняли с нее наряд невесты, украшения и надели их на красавицу-невесту Аскол. Затем покрыли ей голову платком, посадили верхом и увезли. Это было большим несчастьем для мачехи — ее любимая дочь опозорена, а Аскол взяли в невесты сыну падишаха. Женщина была убита горем. Долго она переживала это несчастье и чуть было не потеряла рассудок и не подалась в горы.

12. В один из дней мачеха, взяв с собой Хуршу, отправилась в дом падишаха. Там они зашли в комнату Аскол. Аскол встретила их приветливо и оказала им всяческие почести. Но когда мачеха увидела наряды, украшения и [богатые] покон Аскол, зависть одолела ее. Во время беседы она сказала Аскол: «Что же ты уже восемь-девять месяцев не выходишь из дому? Сейчас так хорошо в поле! Вставай, пойдем гулять!» Хотя у Аскол и не было желания гулять, тем более, что она была беременна, но благодаря ее простодушию мачехе удалось обманом [уговорить] ее пойти с ними гулять. Шли они до тех пор, пока не дошли до берега реки. Мачеха вела² Аскол между собой и рекой. Так и шли они вдоль берега реки,

¹ Букв.: 'видят'.

² Букв.: 'поместила'.

как вдруг мачеха толкнула Аскол и сбросила ее в реку. Бурное течение реки унесло Аскол. Мачеха стояла на своем месте, пока Аскол не скрылась из глаз. Она думала, что [Аскол] утонула. Тогда она радостная и довольная пошла со своей дочкой домой. Тяжкий груз свалился с ее плеч.

13. В доме падишаха был пастух¹. Каждый день он гнал гусей к той реке. В тот день, когда он пригнал гусей к реке и гуси поплыли, [чтобы] напиться воды, ему послышался женский стон: «Пастух, я невеста падишахского дома, я упала тут... скорее на помощь, вот и сын у меня родился...» То был голос Аскол. [Оказывается], едва Аскол скрылась из глаз мачехи, как вода, слава Богу, унесла ее к другому берегу. Там она ухватилась за ветку дерева, которая тянулась по воде, и кое-как выбралась из реки. Когда она добралась до суши, она выкинула ребенка, которого носила в себе. Но поскольку она была на девятом месяце беременности, то ребенок родился живым, к тому же он оказался мальчиком. Когда пастух пошел на [звуки] стоны, он обнаружил [там] Аскол. Узнав ее, он сказал ей: «Продержись немного, я сейчас же сообщу падишахскому дому, чтобы скорее пришли на помощь».

14. Пастух быстро побежал к дому падишаха. А сын падишаха [как раз] только что вернулся домой. Едва он услышал это, тут же помчался² к реке и вплавь перебрался на тот берег. Вслед за ним пошло множество женщин и мужчин. Они взяли красавицу-невесту вместе с младенцем и принесли их [домой]. [Тут] Аскол и рассказала мужу о том, как подло поступила с ней ее мачеха. Тогда сын падишаха послал [за ними людей]. Они привели мать и дочь. И еще пригнали четырех мулов. [Затем] каждую из них привязали за ноги к мулам и погнали мулов. Таким образом мать и ее дочь разорвали на части, и они понесли наказание за свою подлость и жестокость.

Тут няня моя сказала: «И я пришла [туда], да ничего мне не дали».

¹ Букв.: 'пасущий гусей'.

² Букв.: 'взялся за крылья'.

4. [ПАДИШАХ И ВЕЗИР]

1. Жил один человек, был он очень¹ умным, мудрым и рассудительным. Начало своей жизни он провел в нужде и бедности. [Он] сумел развить свои способности до такой высокой степени, [что] стал верным везиром падишаха того города и первым человеком страны. [Но], как известно, человеку не может везти во всем. С этим человеком происходило следующее — стоило ему жениться, как жена его вскоре становилась возлюбленной падишаха, или, говоря иначе, падишах вступал с ней в связь². Будучи не в силах вынести это, [везир] волей-неволей разводился с женой и приводил другую. Но то ли он был невезучим, то ли жена оказывалась безнравственной, и с этой происходило тоже самое!

2. В конце концов человек [этот] решил: «Либо я больше не женюсь, либо пойду бродить по белу свету, [чтобы] найти женщину, которая не была бы лишена ума и мудрости, и еще узнать, все ли женщины так лживы и легкомысленны? Или все же есть и иные женщины!»³ [И] он уехал. Долго он скитался, [но так и] не достиг желаемого. Однажды шел он по дороге, погруженный в свои мысли, шаг за шагом отмеряя свой путь, как вдруг натолкнулся на какого-то дряхлого старика, который так же медленно брел по этой дороге. Он сказал [про себя]: «Ей Богу, хорошо бы этот [человек] оказался моим единомышленником, я бы стал его спутником, и мы вместе одолели бы этот путь».

3. [Он] подошел к нему, поздоровался, [спросил], не утомился ли тот, и предложил ему дальше идти вместе. [Когда] они прошли немного, он сказал [тому] человеку: «Дядюшка, вот мы идем по этой дороге вместе, так давай сколотим лест-

¹ Букв.: 'насколько скажешь'.

² Букв.: 'иначе говоря по-курдски — привыкал к ней'.

³ Букв.: 'есть женщина и еще есть женщина'.

ницу!» Старик рассердился на эти слова. [А тот] сказал: «Дядюшка, почему ты сердишься, ведь я ничего плохого не сказал». [Старик] сказал: «Несчастный, как это ничего плохого не сказал! Ты что, сошел с ума или издеваешься надо мной?! Какая лестница? Что я, плотник [или] мастер, кто я? Да и будь я плотником, где мне в этой степи взять тесак, кирпичи да доски, чтобы строить с тобой лестницу!» Тот ничего больше не сказал, и они пошли [дальше].

4. Спустя немного [времени] они набрали на какую-то реку. Мужчина снова обратился к старику, сказал: «Дядюшка, давай построим через эту реку мост!» Дядюшка еще пуще рассердился, сказал: «Человек, клянусь святым Саи¹, ты, похоже, сошел с ума или опять хочешь поиздеваться надо мной! Как ты смеешь? Что я, шут тебе, что ли?!» Мужчина сказал: «Дядюшка, что ты сердишься, ведь я ничего дурного не сказал». [Старик] ответил: «Ах ты наглец², как это ничего дурного не сказал! Что я тебе, строитель, [чтобы] сделать тебе мост!? Да и будь я строителем, где мне в этой степи взять камни, известь, инструменты, [чтобы] построить тебе мост!» Мужчина ничего больше не сказал.

5. Пройдя еще немного, они дошли до какого-то селения [и] вышли к прекрасному участку, [засеянному] пшеницей. Старик обратился к нему, сказал: «Этот участок принадлежит мне, видишь, какой замечательный урожай и какие колосья, полные зерна?» А тот отвечает: «Да, участок твой уже колосится, если только его не съели зеленым!» На этот раз старик рассердился пуще прежнего и воскликнул: «Человек, [лучше бы] я сотню раз переломал себе шею, только не стал бы твоим попутчиком! Ведь в этой дороге своими глупыми и недостойными разговорами ты довел меня до белого каления!»³ [А тот] сказал: «Дядюшка, почему ты сердишься, ведь я ниче-

¹ Сокр. от Санд.

² Букв.: 'Да умрут твои покойники' (т. е. память о них) — известно, что хорошие люди живут в памяти людей и после смерти.

³ Букв.: 'до чахотки'.

го плохого не сказал!» [Старик] воскликнул: «Чудовище, как это ничего плохого не сказал? Что может быть хуже? Вот перед твоими глазами пшеница — [она] уже заколосилась и дала зерна, [вся] высохла, пожелтела и готова к жатве, а ты говоришь: "Если ее не съели зеленой?!" Но разве ты не понимаешь, что если бы ее съели, то она бы не сохранилась?!» Мужчина ничего больше не сказал. Вошли они в селение. Старый дядюшка пошел к себе домой, а тот отправился в мечеть.

6. Старый дядюшка был сильно утомлен. Когда он вошел в дом, [а] у него была одна единственная дочь, девушка вышла ему навстречу, усадила его. Видит дочь, отец ее утомлен как никогда прежде. Она спросила: «Отец, вижу я, что сегодня ты устал больше, чем когда-либо, почему это?» Он сказал: «Не знаю, дочь моя. Сегодня мне повстречался один глупый человек и стали мы попутчиками. Я очень устал от его глупых разговоров, а он, несмотря на это, все больше мучил меня своими беседами. Поверишь ли, у меня голова пошла кругом»¹. [Дочь] сказала: «Отец, о чем же он с тобой говорил?» Он ответил: «Не знаю даже, затрудняюсь сказать. После того как мы прошли какую-то часть дороги, он говорит мне: "Давай выстроим лестницу". Еще немного прошли и дошли до реки, а он и говорит: "Давай построим мост". Дойдя до окраины селения, вышли мы к нашему участку, [засеянному] пшеницей, уже готовой к жатве, и я говорю: "Прекрасная пшеница", — а он отвечает: "Если [только] ее не съели еще зеленой". Перед его глазами созревшая пшеница, а он такое говорит! Или еще — может он думает, что я плотник или строитель, если говорит мне такие вещи? Ну как после такого не потерять голову?!»

7. Дочь сказала: «Но отец, ведь это умные и мудрые речи, и они должны были бы понравиться тебе, а ты говоришь: "Потерял голову"». Старик сказал: «Что ты, дочь моя? Никак твой ум уподобился его уму!» Девушка ответила: «Отец, когда он

¹ Букв.: 'у меня не осталось разума'.

сказал тебе: "Давай выстроим лестницу", это означало: "Давай побеседует и в разговорах одолеем дорогу". Когда же он сказал тебе у реки: "Давай соорудим мост", — это означало: "Давай возьмемся за руки и переплывем реку, так как вдвоем мы будем сильнее и вода не унесет нас". А то, что он сказал тебе у нашего хлебного [поля]: "Если не съели ее еще зеленой", — означало: "Хорошо, если ты не продал ее на корню и не лишился ее". [Так что] отец, тебе следовало бы порадоваться¹ такому попутчику, а не обижаться на него! А что стало с тем человеком, и куда он подевался?»

8. Выслушав слова дочери, старик понял, что тот мужчина был умным человеком и [что] зря он его обидел. [Он] сказал: «Дочь моя, он отправился в мечеть». [Она] сказала: «Коли так, пойди приведи его домой и окажи ему внимание!» Седовласый старик встал и пошел в мечеть. Найдя там того человека, он долго извинялся перед ним и, выразив ему свое уважение, повел его домой. По дороге мужчина сказал ему: «Дядюшка, кто же это растолковал тебе мои слова?» [Старик] ответил: «Дорогой мой², по правде говоря, у меня есть дочь. Она, как и ты, интересуется завуалированными речами. Совсем замучила она меня!» Мужчина немного подумал про себя и сказал: «Похоже, это то, что я ищу...»

9. Отправились они домой. В доме была какая-то женщина с накинутым [на лицо] покрывалом. Во дворе кое-где виднелись цветы и трава. Обратившись к старику, мужчина сказал ему: «Похоже, [что] цветок этого дома без запаха и вкуса!» Старик снова рассердился на эти его слова, как и на прежние! Девушка, тут же скинув с себя покрывало, крикнула ему с той стороны:

Цветок этого дома — роза алая,
Цветом и ароматам — [как] вода ясная.

¹ Букв.: 'дружба с таким человеком должна была показаться тебе городским грузом' (возможно, имеется ввиду радость, которую вызывает человек, приехавший в селение с городским товаром).

² Букв.: 'человек дяди'.

Мужчина глянул на нее и видит — красота этой девушки и ее ум¹ словно две чаши золотых весов, [предназначенных] для взвешивания золота — ни одна из них не перевешивает даже на волосинку! Не знал он, то ли стать ему рабом ее красоты², то ли — пленником ее ума?

10. Ту ночь он оставался [у них], а наутро попросил у отца руки его дочери. [И] небесное провидение в зеркале жизни этой пары невидимым пером, чернилами счастья и камнем [от перстня] Сулеймана соединило их вместе. Солнце красавиц стало супругой молодого побега [нашего] повествования. Кладезь мудрости стал наперсником моря знаний!

11. [Затем] мужчина взял³ и привез девушку в свои края и поместил ее в своем дворце. Тут он и раскрыл девушке свою тайну⁴ [о том], что стоило ему до этого жениться, как падишах этого города предавал его, и [о том], как такая жизнь вынудила его отказаться от семейной жизни и начать скитания в поисках женщины, которая не отказывалась бы от мирских радостей, но [которую] не смогла бы сломить рука злодея, пока он не повстречался с ней.

12. Спустя некоторое время падишах узнал, что этот человек привел другую жену, [да] такую жену, что ни пэри, ни человеческое создание не могут сравниться с ней [по красоте]! Падишаха снова охватили прежние страсти. Он послал за тем человеком и пригласил его [к себе]. После долгих разговоров он отправил его гонцом в далекую страну. А мужчина-то понял в чем дело. Вернувшись домой, он объяснил жене свое положение. Жена сказала: «Отправляйся по своим делам и будь спокоен». Мужчина уехал. А падишах с наступлением ночи после вечернего намаза велел доложить его дому, что собирается туда в гости. Женщина, узнав, что их гостем будет

¹ Букв.: 'сад красоты этой девушки и ее ума'.

² Букв.: 'рынка ее красоты'.

³ Букв.: 'взял ее за руку'.

⁴ Букв.: 'приоткрыл врата своей тайны'.

падишах, встала, навела в доме порядок, а сама, хотя и без того была очень хороша собой, еще больше приукрасилась и превратилась в [настоящую] красавицу, превосходящую в красоте [даже] китайских красавиц.

13. Не прошло много времени, как явился падишах и уселся, но не так, как подобало падишаху, а как ночной гость. При виде этой женщины, источающей очарование, он совсем потерял голову¹. А женщина то с нежностью, то с кокетством стала обхаживать его, разжигая его еще сильнее. Не выдержав, наконец, падишах повел себя недостойно. Ничуть не смутившись, женщина сказала ему игриво: «Для простого смертного — большое счастье принадлежать падишаху, [но] к чему тебе спешить. Не только этой ночью, но и каждую ночь ты сможешь по своему желанию снимать плоды из сада моей красоты. [А] сейчас, [поскольку] я приготовила для тебя угощение, мы поедим вместе, а потом предадимся любви»².

14. [Надо сказать], что женщина еще заранее отварила несколько яиц и каждое из них выкрасила в один цвет — одно [в] зеленый, одно [в] красный, одно [в] синий, одно [в] желтый и так каждое... Положив яйца в чашу и накрыв ее крышкой, она поставила их вместе с едой перед падишахом, а сама уселась напротив. Падишах снял крышку — [в чаше] оказались разноцветные яйца. Яйца не были очищены [от] скорлупы. Протянув руку, женщина взяла одно яйцо, очистила его и положив перед ним сказала: «Пожалуйста». Падишах съел его. Тогда она очистила ему другое и положила перед ним. Таким образом она очистила для него все яйца, что были, и положила их перед ним, и падишах досыта наелся разноцветными³ яйцами! Наевшись, он принялся шутить. Тут женщина [и] сказала ему: «Мой падишах, что ты съел сейчас?» [Он] ответил: «Кажется, яйцо». [Она] сказала: «Каждое из этих яиц снаружи

¹ Букв.: 'он попал в другой мир'.

² Букв.: 'положим голову на подушку супружеской любви'.

³ Букв.: 'зелеными и красными'.

имело свой цвет, а внутри они чем-нибудь отличались между собой?» [Он] ответил: «Нет, все яйца были на один вкус». [Она] сказала: «Мой падишах, вот и женщины таковы — если внешне они и различаются блеском, то по своей женской сути все они одинаковы. Кроме того, ведь ты падишах, а падишах — все равно что отец для своих подданных. А разве отец может посягать на честь своих детей? Ведь мой муж так предан тебе. Ты же видишь, с каким усердием он служит тебе¹. И как тебе совесть позволяет позорить его семью?»

15. Услышав эти слова, падишах почувствовал себя так, словно его окатили чашей ледяной воды. Поднявшись со своего места, он сказал: «Дочь моя, ради твоего ума даю слово, что пока я жив — буду для всех любящим отцом», — и ушел.

Спустя какое-то время вернулся муж этой женщины. Но в душе он и на этот раз думал о прежних поступках падишаха. Придя домой, он понял, что падишах побывал тут. Зашел он к жене, и она рассказала ему все, что произошло.

После этого, благодаря уму этой женщины, муж ее стал счастлив, и падишах зажил другой жизнью².

5. ТКАЧ И ДРАКОН

1. В [одной] курдской сказке сказывается: у некоего ткача была красивая жена. Жена хотела избавиться от него, но муж не давал ей развода. Случилось так, что правителю того города приснился какой-то сон, и глашатай объявил, что падишах видел сон, но какой — не говорит. Тот, кто придет и скажет: «Тебе приснился такой-то сон», — и растолкует его, будет щедро награжден.

2. Жена ткача решила воспользоваться этим. Она сказала [про себя]: «Доложу-ка я [падишаху], что [муж] знает про этот сон, а потом, когда окажется, что он ничего не знает, па-

¹ Букв.: 'на все твои дела он идет не ногами, а головой'.

² Букв.: 'и муж ее попал в другой мир, и падишах попал в другой мир'.

дишах убьет его, и я отделаюсь от него». Встала она, пошла к падишаху и сказала: «*Курбан*, мой муж разгадывает даже сны людей из других стран и хорошо толкует их. Только ты пощади меня и не говори ему¹, что я сообщила тебе об этом, иначе он убьет меня!»

3. Падишах тут же послал [за ним]. Приволокли ткача, и [падишах] сказал: «Ткач, мне приснился сон. Скажи мне, что я видел и как объяснить его?» Ткач сказал: «*Курбан*, это дело мудрецов и шейхов. Я же ткач, а откуда ткачу знать подобные вещи?» Падишах сказал: «Я точно знаю, что премудрости эти хорошо тебе известны, [так что] говори!» Как ни клялся ткач, все напрасно. Кончилось тем, что по велению падишаха его уложили и стали бить до тех пор, пока он, лишившись сил, не взмолился: «Мой падишах, дай мне сроку одну ночь, [и] если я не доложу тебе, убей меня!» Падишах отпустил его, с тем чтобы он пришел назавтра и рассказал ему [все].

4. Пошел ткач к горе Карафту, сел у входа в пещеру и стал оплакивать свою судьбу. К вечеру из пещеры высунулся дракон [и] сказал: «Что это ты плачешь?» Ткач поведал ему о своей беде. Дракон сказал: «Ткач, если я скажу тебе [про его сон], ты отдашь мне половину той награды, которую получишь?» Ткач ответил: «Да стану я твоей жертвой, тысячу раз [да]!» Дракон сказал: «Ну, вставай, ступай к падишаху и скажи ему: "В твоём сне вместо дождя с неба сыпались обезьяны, и твой двор был переполнен обезьянами". Он скажет: "Да, так и было". А это значит, что этот год будет для тебя урожайным, и твоя казна наполнится деньгами».

5. Ткач тут же отправился к падишаху и все так и рассказал ему. Падишах велел выдать ему множество драгоценностей. Принес ткач эти сокровища домой, а сам думает про себя: «С какой стати стану я отдавать часть этих даров дракону, ведь змей [человеку] враг, пойду-ка я лучше и убью его». Взял он лук со стрелой и направился к той пещере. Змей высунул

¹ Букв.: 'не сделай так, чтобы он узнал'.

голову. Натянув тетиву, ткач хотел было пустить в него стрелу, [но] змей отполз назад и [таким образом] не был убит. [А] ткач вернулся [к себе] и зажил богато. Есть курдская поговорка: «Полная чаша — мир в доме». И жена его осталась при нем.

6. Спустя несколько месяцев, когда падишаху снова приснился сон, он послал за ткачом. Привели ткача, и [падишах] приказал ему: «Этой ночью я видел странный сон, расскажи мне [его]». Ткач сказал: «*Курбан*, клянусь Богом, не знаю». Падишах сказал: «Не желаю ничего знать, [иначе] я убью тебя!» Короче, помучили его немного, опять он попросил отсрочку и снова отправился к той пещере, долго плакал и молил [о помощи]. Змей высунул голову и спросил: «В чем дело, ткач?» [Он] сказал: «Прости меня, дракон! Я поступил плохо, но ты не отвечай мне тем же¹. Такие [у меня] дела, помоги мне и на этот раз».

7. Дракон сказал: «Нехороший ты человек, так как не отдал мне мою долю награды, да еще хотел убить меня!» Ткач сказал: «Я поступил недостойно, прости меня». Дракон сказал: «Пойди и скажи [падишаху]: "Мой падишах, во сне ты держал в руке подзорную трубу и смотрел через нее на мир, а это значит, что ты захватишь новые земли и присоедилишь их к своим владениям"». Ткач пошел, так [все] и рассказал падишаху. На этот раз он получил даров вдвое больше, чем в первый раз. Опять он подумал про себя: «Зачем мне отдавать часть дракону, ей-богу не отдам».

8. Спустя месяц-другой падишах снова послал за ткачом [и] сказал [ему]: «Ткач, опять мне приснился сон». Снова ткач попросил отсрочки. Пошел [он] к пещере и стал громко звать. Дракон высунул голову и спросил: «Ну ткач, что теперь тебе надо?» Ткач поведал ему о своем положении. Дракон сказал: «Пойди и скажи: "Мой падишах, во сне ты сидел верхом на осле, а в руке у тебя была веревка". Он скажет: "Да, так и

¹ Букв.: 'я сделал, но ты не делай'.

было". Тогда ты скажи: "[Это значит], что ты станешь еще могущественней и богаче"».

9. Пошел ткач к падишаху и передал ему эту историю. На этот раз он получил даров больше, чем в те два раза вместе взятых. [Тут] ткач задумался и сказал: «Какой же я неблагодарный, пойду-ка я лучше и на этот раз отдам все дары дракону». Взвалив себе на плечи все золото и драгоценности, [он] направился к пещере. Змей спросил его: «Что случилось, ткач?» Ткач ответил: «Да буду я твоей жертвой! Все, что я получил на этот раз, принес тебе!»

10. Дракон сказал: «Ткач, я ведь змей, а змею ни к чему драгоценности. Да я и не в обиде на тебя за то, что ты сделал. Но и за этот добрый поступок не стану я благодарить тебя, ибо так уж устроен мир. Поначалу было так — если ты делал кому-либо добро, вознаграждением тебе было зло. Потом, если бы на добро не отвечали добром, то не было бы и зла. Теперь же времена стали лучше — если ты сделаешь кому-либо добро, он старается сделать для тебя вдвое больше!»

6. [ХИТРАЯ ВДОВА]

1. Жила одна вдова-курдянка. Очень хитрой была она. За муж выходила четыре-пять раз, но вот уже давно вдовствовала. Однажды явился к ней какой-то мужчина громадного роста и сказал: «Слыхал я, нет у тебя мужа. Я вот тоже без жены. Если пойдешь за меня, буду свататься к тебе». Женщина спросила его: «Чем ты занимаешься?» Мужчина ответил: «По правде говоря, я вор». [Она] сказала: «Какой вор?» [Он] ответил: «У меня так заведено — каждый вечер после того как совершу намаз, я отправляюсь воровать. Наутро возвращаюсь к утреннему намазу, чтобы не пропустить молитву! И так, что Бог даст [за ночь], на то и живу. Только днем я совсем не выхожу из дома». Женщина пошла с ним к мулле и сочеталась с ним браком.

2. Спустя три-четыре дня перед ночным *намазом* пришел какой-то мужчина и сказал ей: «Слышал я, ты вдова. Если пойдешь за меня, буду свататься к тебе». [Она] спросила: «Чем ты занимаешься?» [Он] ответил: «Мое ремесло — воровство». [Она] спросила: «Ты какой вор?» Ответил: «Я дневной вор. Поутру, совершив *намаз*, выхожу я на улицу, в каком-нибудь доме, где дверь окажется незапертой, украду что-нибудь или отрежу кошелек [у кого-нибудь], или же обманом и хитростью добуду себе что-нибудь, [а] к вечеру, после вечернего *намаза*, возвращаюсь [домой] и ночью уже не выхожу на улицу». Женщина сказала [про себя]: «Сам Бог велит мне гулять и день и ночь!» Пошла она и с ним сочеталась браком.

3. Около четырех-пяти месяцев днем с ней бывал ночной вор, а ночью — дневной вор. Как-то она подумала¹: «Ей-богу, надо познакомить друг с другом обоих моих мужей и посмотреть, что они станут делать?» [И вот] ночью она сказала дневному вору: «Слушай², не ходи завтра воровать. Староста Бавамерда должен³ мне двадцать *кранов*, пойди и получи их для меня». [Он] сказал: «Хорошо». На утро принесла она лепешку, разломила ее на глазах у мужа на две половинки, [затем] принесла красный платок и тоже разорвала на две части; завернув одну половинку лепешки в часть платка и отдав дневному вору, [она] сказала: «Ступай, а на мосту Кильясан ты присядь и начни есть свой хлеб, пока не появится какой-нибудь попутчик тебе, и тогда отправляйся, не то как бы не ограбили тебя». Муж сказал: «Хорошо». Сунул он за пазуху платок с лепешкой и отправился в путь.

4. После его ухода вернулся ночной вор, который был ее дневным мужем, [и] жена сказала ему: «Слушай, ты не расслаживайся. Староста Бавамерда должен мне двадцать *кранов*, пойди и заberi [их] у него, а это — тебе еды на дорогу. Толь-

¹ Букв.: 'сказала'.

² Букв.: 'такой-то'.

³ Букв.: 'у старосты находятся мои двадцать *кранов*'.

ко есть ты садись на мосту Кильясан, может, найдешь себе попутчика, один не ходи, чтобы не нарваться на разбойников». Муж взял еду и тронулся в путь. Когда он дошел до моста Кильясан, он увидел: сидит какой-то мужчина и ест лепешку. Поприветствовав его, он уселся рядом. Вытащил еду — пол-лепешки в половинке красного платка — и принялся есть. Первый мужчина спросил: «И у тебя кусок лепешки в красном платке?»¹ [Тот] ответил: «Да». [Первый] сказал: «Ей-богу, у меня с собой то же самое!» Приложив одну половинку лепешки к другой, они увидели, [что] это одна лепешка, разделенная на две половинки. [Тогда] они соединили и обе половинки платка, и оказалось — это один и тот же платок, разорванный на две части.

5. Один из них спросил: «Куда путь держишь и кто ты такой?» [Тот] сказал: «У старосты Бавамерда двадцать *кранов* моей жены, иду, чтобы забрать их у него». [Этот] сказал: «Как зовут твою жену?» [Тот] сказал: «Хандан». [Этот] сказал: «Слушай², так ведь это моя жена! И я иду, чтобы получить ее деньги!» Из-за этого они чуть было не подрались. Волею-неволей оба они вернулись к жене и сказали: «Чья ты жена?» [Она] сказала: «Кто из вас окажется смелее, женой того я и буду. Мужем моим станет тот, кто проявит [больше] мастерства в своем деле!» Оба они согласились с таким решением. Дневной вор сказал: «Сейчас день. Давай пойдем, и я покажу тебе свое мастерство». Ночной вор пошел за ним. Пришли они на базар.

6. [В это время] один богатый еврей, который продавал купцам мануфактуру, вышел из своей лавки и пошел собирать [с них] недельную выручку. Дневной вор взял в руки листок бумаги и карандаш [и последовал за ним]. Еврей в одной лавке [получил] четыре *лиры*, в другой — пять *лир*, в третьей — пятнадцать *маджиди*, в четвертой — четыре бумажки по

¹ Букв.: 'в куске красного платка'.

² Букв.: 'парень'.

пять *маджиди*. Таким образом он собрал шестьсот-семьсот *маджиди*. Дневной вор внезапно сунул ему за пазуху руку и вытащил деньги. *Ходжа* схватил его за ворот и сказал: «Мой кошелек!» Вор сказал: «Какой кошелек, неверный! Ты что наговариваешь на меня?» *Ходжа* стал звать на помощь. Пришли два жандарма, сказали: «В чем дело?» Еврей сказал: «Этот мужчина выкрал у меня кошелек с деньгами». Мужчина сказал: «Да врет он, клеветает на меня!»

7. Жандармы привели их в управление. Еврей сказал начальнику: «Дорогой¹, этот мужчина сунул мне за пазуху руку и выкрал мой кошелек с деньгами». Мужчина сказал: «Дорогой, он говорит неправду, этот кошелек с деньгами принадлежит мне! Хорошо, если у него есть свидетель!» Еврей сказал: «Откуда у меня может быть свидетель? Ведь ты выкрал его тайком!» [Мужчина] сказал: «В таком случае спроси[те] у *ходжи*, я пересчитывал его деньги?» *Ходжа* сказал: «Нет, вон они у него за пазухой». Вор сказал: «*Курбан*, если это его деньги, [пусть скажет], сколько их в кошельке?» Главный спросил у *ходжи*. *Ходжа* ответил: «Я не помню». Вор сказал: «Дорогой, как это человек не знает [сколько] у него денег? Я вот, поскольку это мои деньги, знаю, что в нем столько-то бумажных денег, столько-то *маджиди*». Когда пересчитали [содержимое] кошелька, все оказалось так, как говорил вор. [Тогда] главный приказал: «Дайте-ка этому еврею пару пинков, он клеветает на бедного мусульманина!» И, ей-богу, *ходжу* закидали грушами и выставили прочь. [Тут] мужчина сказал ночному вору: «Ну, каков я?» [Тот] ответил: «Здорово, но этой ночью мой черед».

8. Случилось так, что в ту ночь в дом некоего вельможи прибыл в гости такой известный человек, как Махмуд-паша. Ночной вор, взяв [с собой] дневного вора, отправился [туда] и с помощью веревки забрался на кровлю [того] дома, поднял на крышу и своего товарища. [Оттуда] они спустились во

¹ Букв.: 'да стану я жертвой ради тебя'.

двор¹. По двору разгуливал гусь². Ночной вор отсек ему голову и, протянув его дневному вору, сказал: «Садись тут на кухне, вот и огонь, и приготовь из него кебаб, мы [же] голодны!» [А] сам поднялся наверх и увидел: паша лежит на тахте, а напротив сидит слуга на скамье и рассказывает ему: «Султан Махмуд гулял вместе с дорогой Хайас...» Но слуге очень хотелось спать, и едва паша уснул, он тоже провалился в сон. Через несколько минут паша просыпается и говорит: «Хама Хасрав, рассказывай». Хама приподнимается и еще что-то проносит из сказки.

9. [Тем временем] вор принес большую корзину, привязал к ней веревку. Протянул веревку через одно из потолочных бревен, [затем] приволок корзину и, осторожно столкнув в нее Хама Хасрава, стал медленно тянуть конец веревки, пока корзина не уперлась в самый потолок. Хама Хасрав вместе с корзиной повис в воздухе! [А] вор принялся собирать вещи. [Тут] паша опять проснулся и сказал: «Хама Хасрав, рассказывай!» Вор присел. Помня [однако], на чем прервал свой рассказ Хама Хасрав, он сказал: «Потом султан Махмуд сказал так, а драгоценная Хаяс поступила так...» Дневной вор, который пришел посмотреть, что тот делает, при виде такого пришел в изумление. В это время донесся запах гусяного мяса. Вор сказал своему товарищу: «Ступай, гусь подгорает». Паша, не откидывая одеяла, спросил: «Хама, какой еще гусь?» [Вор] ответил: «*Курбан*, а в это время для султана Махмуда жарили гуся». Пашу снова одолел сон. Вор взвалил себе на плечи все, что представляло ценность, и вышел. Прихватив [жареной] гусятины, они вместе вернулись домой!

10. Проснувшись наутро, паша крикнул: «Хама Хасрав! Хама Хасрав!» Очнувшись, [но] не открывая глаз и [не видя], где он находится, Хама спросонья стал рассказывать [дальше].

¹ Букв.: 'вниз'.

² Букв.: 'во дворе был гусь'.

Слышит¹ паша, рассказ его доносится откуда-то издалека. Поднял голову, видит — голос Хама доносится, а его самого не видно! Паша оглядел всю комнату. Затем глянул, а тот висит в корзине под самым потолком, да еще и рассказывает! [Он] сказал: «Хама, что это ты делаешь в корзине, сукин сын!» Подняв голову, Хама воскликнул: «Паша, ради Бога, кто посадил меня сюда?!» Тогда паша позвал [слуг]. Пришли несколько человек, отвязали корзину и спустили Хаму вниз. Оглядевшись вокруг, [увидели:] все что было у паши, все украдено, и гусь зарезан и из него сделан кебаб! Тут паша понял: тот, что сказал тогда «гусь подгорает», и был вором!

11. Паша был поражен поступком этого вора! Послал он глашатая, который объявил: «Пусть явится тот человек, который обокрал пашу, [ибо] он прощен!» Вор явился [и] паша сказал: «Каким образом ты совершил эту кражу?» Мужчина от начала до конца поведал ему историю с женой и дневным вором. Затем паша сжалился над ними и сказал: «Раз так, вы оба дайте развод той женщине, [а] я найду для вас жен, и станете вы моими слугами».

7. [ХАБЕ]

1. У одного курда было стадо овец, сам он [и] пас² его. Была у него и жена, звали ее Хабе. Жизнь его с ней была просто невыносимой³. [Если] он пригонял стадо поздно вечером, жена, схватив палку, набрасывалась на него и принималась колотить его: «Ты что так поздно пригнал стадо?» [Если же] он пригонял его пораньше, она опять набрасывалась на него с криком: «Почему так рано пригнал?!» [Бедняга] муж совсем потерял голову и не знал, что ему делать.

2. Год или два так и жил он под побоями. [А] был у него один друг. Как-то он сказал ему: «Братец, я вижу, все двена-

¹ Букв.: 'увидел'.

² Букв.: 'пастушничал'.

³ Букв.: 'его день кипел в ее руках'.

дцать месяцев в году ты мучаешься. Что с тобой происходит?» А тот отвечает: «Брат [мой], что мне сказать тебе. Нет мне жизни в руках моей жены! Этот ясный мир она превратила для меня в ночной мрак. И нет мне от нее никакого спасения». — И он поведал ему о всех своих бедах с женой. А тот сказал ему: «Выход прост. Дам я тебе один совет, если выполнишь¹ его, [то] избавишься от нее». [Муж] сказал: «Да стану я твоей жертвой, только помоги мне! Скажи, что мне [делать]?»

3. [Тот] сказал ему: «Завтра пригони стадо вовремя. Жена рассердится на тебя и скажет: "Почему так рано пригнал стадо"? А ты и скажи: "Молчи, жена, сегодня, с наступлением вечера, в одной пещере я обнаружил золотой клад. [Вот] я и пригнал стадо пораньше, чтобы вовремя лечь спать, а утром, до призыва муллы, подняться чуть свет и тайком от всех отправиться за кладом". Тут, услышав о золоте, она скажет тебе: "Нам следует пойти вместе". Ты и возьми ее с собой туда, брось ее в пещере, а сам возвращайся. Так ты и избавишься от нее».

4. Муж, как и велел ему друг, вечером пригнал стадо пораньше. Жена накричала на него: «Что это ты так рано явился?!» Муж рассказал ей свою историю. Жена сказала: «Ах ты бесстыжий! Как это ты сам пойдешь? Я тоже должна пойти. Ты хочешь вытащить клад и спрятать его от меня! Клянусь Богом, хоть умри ты, но мы пойдем вместе!» Муж сказал: «Ладно, жена, разве я сказал что-либо [против]?»

5. В ту [же] ночь собрали они все веревки, какие только были в доме, а наутро, до призыва муллы, отправились в путь. Когда они дошли до пещеры, жена сказала: «Я спущусь вниз и сама² вытащу золото, ты ничего не понимаешь!» Муж взял, связал несколько веревок [в одну], конец ее обвязал вокруг талии жены и опустил ее вниз. Когда она спустилась [на глубину] двух-трех веревок, он вытащил нож, обрезал веревку,

¹ Букв.: 'сделаешь так'.

² Букв.: 'по своему желанию'.

и жена свалилась вниз. Она крикнула ему снизу: «Муж, я была не права, пощади меня!»¹ Муж ответил: «Сгинь, собачья дочь! Ведь за эти несколько лет ты совсем замучила меня». И он ушел.

6. [А] пещера та принадлежала одному диву. Вечером, когда див вернулся, Хабе пошла к нему и стала убеждать дива не есть ее. И хотя див стал рычать на нее, Хабе, не обращая на это внимания, [все же] уговорила его. Диву пришлось смириться, и началась у него собачья жизнь с Хабе. Хабе и его замучила вконец. Прошло немного времени, [и вот] распространилась весть о том, что дочь падишаха потеряла рассудок, а она единственная дочь падишаха. [Но] сколько ни лечили ее, она не поправлялась. [Тогда] объявили по стране: «Тот, кто исцелит девушку, тому падишах отдаст ее в жены. Но если кто-нибудь скажет: "Я исцелю ее", а потом не сделает этого, тому отсекут голову».

7. Однажды пришел див к тому пастуху, мужу Хабе, и сказал: «Человек², сколько лет ты страдал в руках дорогой Хабе! Потом ты свел ее со мной и освободился [от нее]. Теперь и я намучился и должен бежать отсюда, [чтобы] избавиться от Хабе. [А] дочь падишаха лишилась рассудка потому, что я привиделся ей [и] теперь я вынужден из-за дорогой Хабе покинуть эти края. Как только я оставлю [эти места], я перестану видеться девушке, и она исцелится. [А] теперь вставай, иди к падишаху и скажи: "Я исцелю ее", [и] пусть он отдаст ее тебе в жены, и ты немного утетишься, так как один я знаю, что ты претерпел в руках Хабе. Но [знай], сделаю я это для тебя только один раз. Предупреждаю тебя, если еще кто-нибудь лишится рассудка и придут к тебе [за помощью], и ты [вздумаешь] пойти, я убью тебя».

8. Мужчина сказал: «Смилуйся, див³, какой из меня врачеватель? Оставь меня, дай [мне] и дальше пастушничать се-

¹ Букв.: 'если я и сделала, тебе не следует делать'.

² Букв.: 'такой-то'.

³ Букв.: 'будь добрым человеком'.

бе. Мне достаточно того, что я вырвался из рук Хабе, [и] ничего больше мне не надо. Зачем ты подвергаешь меня опасности? Если же ты задумал покончить со мной, то убей меня сам, только не отдавай в руки падишаху». Див сказал: «Не бойся, я желаю тебе добра. Встань и отправляйся, но если ты еще раз пойдешь и кому-нибудь, то не сомневайся, я убью тебя».

9. Волей-неволей мужчина сложил в *хурджин* несколько склянок с порошками и, дрожа от страха, отправился во дворец падишаха [и] сказал: «Я врач, и пришел, чтобы исцелить дочь падишаха». Падишах позвал его к себе и сказал ему: «Слушай¹, если ты не исцелишь ее, я отсеку тебе голову». [Тот] сказал: «Хорошо». И они подписали соглашение — если он вылечит его дочь, падишах отдаст ее ему в жены, если же он не исцелит ее, ему отрубят голову. Затем девушку поместили в одной из комнат. Мужчина вошел к ней, видит — а там див. Тут он для видимости высыпал немного порошка из склянки, развел его водой и стал намазывать тело девушки. При этом он что-то бормотал про себя, будто читал заклинание. В это время див шепнул ему: «Прощай», — и ушел, скрывшись таким образом с глаз девушки. Девушка [тут же] исцелилась, и началось пиршество и веселье. Немного спустя падишах отдал ему в жены свою дочь. И зажил человек в богатстве и роскоши.

10. Прошел год или два. [А] у того падишаха был сосед-падишах, правивший другой страной. И у него была одна-единственная дочь, [которая] тоже потеряла рассудок. Оказывается див, спасаясь от Хабе, отправился в те края. Там он показался той девушке, и она лишилась рассудка. Приехали они к этому падишаху и стали просить, мол, твой зять должен исцелить и нашу девушку. Падишах, обратившись к своему зятю-пастуху, сказал: «Это наши соседи, тебе следует пойти и излечить их девушку». [Тот] сказал: «Ради Бога, оставьте меня

¹ Букв.: 'парень'.

в покое. Ничего я не умею, и не мое это дело». Как он ни упирался, они и слышать не хотели¹. В конце концов встал он, пошел домой, написал завещание и, прихватив свой *хурджин*, отправился в дом другого падишаха.

11. Когда он вошел в покои девушки, глянул — вот и див тут [как тут]! Див сказал: «Ах ты..! Разве не говорил я тебе, что сделаю это для тебя только один раз, [и что] если еще раз осмелишься пойти к кому-нибудь, я убью тебя? Как же ты посмел явиться сюда?» А тот сказал: «*Курбан*, я ведь пришел не за тем, чтобы лечить девушку». [Див] спросил: «Зачем же ты явился?» [Тот] сказал: «Пришел я для того, чтобы предупредить тебя, что за дверью стоит Хабе!» Услышав имя Хабе, див воскликнул: «Боже мой, где она?» Он произнес это и в страхе побежал прочь. Когда его не стало, девушка исцелилась сама.

Таковы проделки дорогой Хабе, которая обратила в бегство даже дива!

8. [БОГАЧ И БЕДНЯК]

1. Жил некий человек. Он обладал столь несметным богатством, что имя его было известно на всю страну. Разве что один Бог знал, [сколько] у него было² пахотных волов и пашен, деревень и селений, садов, виноградников и денег. Был у него выстроен дворец, подобный которому во всей округе мог быть разве что у падишаха. Беготня слуг и служанок, ржание лошадей, скачки гончих собак, пение соловьев и горлиц на ветвях деревьев в цветнике его сада, журчание воды в лазурных бассейнах — [все это] делало жизнь этого человека жизнью для влюбленных. Он был одним из тех, кто достиг рая на этой земле.

2. Прямо у подножия дворца этого человека стояла маленькая лачуга. Принадлежала она одному бедняку, жившему вдали от мирской суеты. Сложив четыре камня и покрыв их

¹ Букв.: 'он много говорил, они мало слушали'.

² Букв.: 'накопил он'.

соломой, [он соорудил себе жилье] и назвал его домом. Сам он и жена его проводили в нем ночь, а днем они с трудом находили работу, чтобы обеспечить себе пропитание, и ничего больше.

3. Удивительно устроен мир¹! Огонь и вода, белое и черное, радость и горе очень часто живут рядом. Во дворце *аги* со всей его роскошью и красотой, с яствами и разнообразными нарядами, с нежностью [в обращении], казалось, человек должен был испытывать одно только счастье. А лачуга бедняка с ее неустроенностью и убожеством, отсутствием еды и одежды не могла дать человеку ничего кроме нищеты и горя. Хотя этот роскошный дворец и эта жалкая лачуга стояли рядом под одним клочком неба, и в том и в другом сосуществовали и радость и горе. Ни в том не было полного счастья, как это казалось со стороны, ни в этой — полной нищеты и безрадостности, как казалось внешне.

4. Вот почему жена владельца дворца каждое утро, едва проснувшись, не могла не видеть сверху стройную фигуру бедняка из той лачуги, который направлялся к загрязненному озеру возле их дома и, пока мулла призывал [к молитве], купался, совершая омовение, чтобы не пропустить утренний *намаз*. А ее муж и в две недели раз не посещал баню их прекрасного дворца, вода в которой была чистой, как молоко, а внутри которой все было отделано мрамором, как у самого *эмира*! Он ни разу не сказал: «Я хочу совершить омовение этой водой!»

5. Эти два примера [разного отношения к жизни] волновали нежное сердце жены *аги*, то есть жены *аги* — владельца громадного, наводящего тоску дворца. Сердце ее невольно охватывало пламя обиды, и [как-то] обратившись к мужу, она сказала: «Слушай², те муж с женой, что живут рядом с нами [и которым] небо служит покрывалом, а земля — ложем, ни

¹ Букв.: 'лицемерие этого мира удивительно'.

² Букв.: 'мужчина' — как обращение.

одной ночи не проводят без *шавчара* и каждое утро омывают свои тела водой желания, пищей им служит просо, а питьем — кислая пахта! У нас же, несмотря на наше благополучие, роскошный дом и богатство, никогда не появляется желание хотя бы обнять друг друга. Что это за жизнь? И как мы живем?» Муж ответил: «Жена, у них так сложилась [жизнь], у нас соответствующим образом. Если бы они жили в такой роскоши, в какой живем мы, они, возможно, не только раз в месяц, но и раз в год не зажигали бы огня *шавчара*!»

6. Прошло немало времени, [и] муж все пытался объяснить жене [их образ жизни], но жена не желала его слушать¹. В конце концов муж сказал: «Это может плохо кончиться...² если так будет продолжаться, жена моя уйдет в другой мир, ей-богу, лучше что-то предпринять». Однажды он послал за тем бедняком-соседом. [Тот] пришел, и он сказал ему: «Чем ты занимаешься?» [Тот] ответил: «*Курбан*, хожу на базар грузчиком. Если случится, снесу груза четыре [их хозяевам], заплатят они мне чем-нибудь, и я, благодаря Бога, возвращаюсь домой». Ага-владелец дворца сказал: «Дорогой мой³, я как сосед перед тобой в долгу, [и] я не позволю, чтобы ты так бедствовал, вот тебе сто *лир*, ступай открой себе лавку и займись торговлей». Он взял [и] положил перед ним эти сто *лир* и сказал: «Когда будут [деньги], тогда и вернешь, а не будет — и не надо». Мужчина [в благодарность] пожелал ему много добра и, взяв сто *лир*, с радостным сердцем вернулся [к себе].

7. Всю ночь он думал, что ему предпринять, что купить, чем заняться? Кончилось тем, что он потерял сон, и в ту ночь никаких развлечений не было. Следующую ночь он [провел] так же, и кроме того его охватила тревога: а чем все это в конце концов кончится⁴? И в ту ночь ничего не было. Как

¹ Букв.: 'муж много говорил, жена мало слушала'.

² Букв.: 'это тесто много воды впитывает' (пословица).

³ Букв.: 'отец мой' (уважительное обращение).

⁴ Букв.: 'как будет и как не будет'.

он ни старался, но и третья ночь прошла впустую! А жена владельца дворца, как и прежде, каждое утро выглядывала [из окна], чтобы узнать, ведет ли их сосед себя по-прежнему. Она заметила, [что] вот уже два дня они не купаются и не совершают омовения. Пошла она и сказала об этом мужу. А он сказал: «Погоди, то ли еще будет!»¹

8. Мужчина же, болес того, на третий день пошел купил кое-какой товар и открыл лавку. [И] когда он открыл лавку и занялся деньгами, подсчетами, он совсем забыл о ночных развлечениях, он не мог ни спать, ни есть, и был настолько занят, что не знал ни дня, ни ночи²! Жена только иногда толкала его в бок [и недоумевала]: «Муж, что с тобой стало?» А муж в это время думал совсем о другом³.

9. Тут жена владельца дворца пошла к своему мужу и сказала: «Слушай, объясни же мне, в чем тут дело? Прежде они жили [дружно], словно воробы. А теперь куда им до нас!» А муж ответил: «Жена, что мне сказать тебе? Раньше они ничего не имели, а главнос, мужу не о чем было думать и занять себя. И все их дела сводились к развлечениям. Теперь же он озабочен и занят тем, как пустить в оборот те деньги, которые оказались в его руках. Так уж устроен мир: — у кого больше кровля, у того и снега больше⁴. Это объясняет и мое положение»⁵.

10. Бедняк [тем временем] наторговал немного, а ночью в постели стал думать: что же купить на этот раз. А если купить другой товар — получит он прибыль или потеряет деньги? Так незаметно прошла и эта ночь. А когда он опомнился, в их лачугу сквозь потолочное отверстие уже проникли первые лучи солнца. Тут он окончательно пришел в себя. Он молча

¹ Букв.: 'пока еще где ты, и где они'.

² Букв.: 'ночь его не была ночью, день его не был днем'.

³ Букв.: 'а муж попал в другой мир'.

⁴ Курдская пословица.

⁵ Букв.: 'срывает завесу с моего положения'.

[лежал], пока не взошло солнце. Затем встал, взял сто *лир* и, придя к владельцу дворца, сказал: «*Курбан*, да сохранил тебя Бог! Вот тебе твои сто *лир* и верни мне мои прежние радости?»

9. [ПУСКАНИЕ СОКОЛА]

1. Прежние времена были временами «пускания сокола»: на чью голову садился сокол, тот становился падишахом.

Два курда все свои годы с детства и юности провели на [родной] Курдской земле. [Как то] с наступлением осени, [когда] были завершены полевые работы¹, отправились они в город, [чтобы] купить себе и своей семье кое-какие вещи на зиму. Дошли они до источника Канимаран². Там они немного передохнули и завели разговор. Слышали они, что в городе [сейчас] пускают сокола. И вот во время беседы один из них сказал другому: «А что если придем мы в город и сокол сядет тебе на голову и станешь ты падишахом. Что будешь делать?» [Тот] сказал: «Клянусь Богом, буду творить добро и справедливость, [и] я устраню все, что не угодно Богу, [а] с жителями страны буду обходиться так, как того желает Всевышний».

2. Тогда [другой] спросил у него: «А если сокол сядет на твою голову и ты станешь падишахом, что станешь делать ты?» [Он] сказал: «По правде говоря, клянусь тебе, брат, что кроме зла, ничего другого я делать не стану. Я буду творить зло и насилие. [А] с народом буду обращаться не так, как это угодно Богу». [Тот] сказал: «Ты что³, разве возможно такое?» [Этот] сказал: «Сердце мое желает этого. И если я стану падишахом, я не откажусь от своих слов! Если же я не стану [им], то ничего». Договорившись на том, они встали и пошли дальше.

¹ Букв.: 'пахота, косьба и жатва'.

² Букв.: 'Змеинный источник'.

³ Букв.: 'парень'.

3. Когда они добрались до окраины города, [видят]: собралось множество людей и сокол кружит в небе. Они тоже пошли и встали себе в сторонке. Сокол долго летал и, наконец, кружа сел на голову тому из них, который говорил: «Буду творить только зло и ничего другого!» Тут же взяли его и посадили на трон, и стал он падишахам.

И вот постепенно, шаг за шагом, стал он проводить в жизнь все, что было им задумано. [Вскоре] все жители страны и подвластных ему земель пришли в отчаяние от его жестокости и насилия. Он же с каждым днем делался все беспощаднее и дошел до того, что, не зная жалости, вступил в смертоносную схватку со всем миром¹.

4. Однажды он придумал еще одно жестокое испытание и, взвалив его на плечи всех жителей страны, сказал: «Вы должны выполнить это поручение». Однако вынести это испытание жителям страны было не под силу. Они собрались и стали обсуждать, что бы им такое предпринять, чтобы падишах отказался от подобного насилия. Как они ни уговаривали его², ничего не помогло. Наконец, они порешили и сказали: «Ведь в свое время у падишаха был друг, надо найти его и направить к [падишаху], пусть он уговорит его снять с них этот гнет».

5. Пошли они, и как бы там ни было, отыскиали того человека и рассказали ему [обо всем]. А тот человек сказал: «Родные мои³, сейчас я всего-навсего батрак, а он — могущественный падишах, да он и не узнает меня и не позволит даже явиться к нему». Разными мольбами и просьбами они уговорили его, и он пошел. Придя во дворец, он велел [слугам] доложить падишаху, [что] к нему пожаловал такой-то, и может ли он повидаться с ним. Едва падишах услышал его имя, [тут же] встал и пошел ему навстречу до самых ворот двора. И хотя тот был одет в лохмотья, он обнял его, расцеловал и, отведя

¹ Букв.: 'подобно убийце быков ринулся в этот мир'.

² Букв.: 'шли к нему разными путями'.

³ Букв.: 'отец мой'.

его в свои покои, усадил возле своего трона. Падишах долго упрекал его, почему он так долго не появлялся, или, может, он забыл об их старой дружбе?

6. Друг ответил ему: «Брат мой, ты теперь падишах большой страны, я же — по-прежнему батрак. Кто знает меня и кто позволил бы явиться к тебе? Ты падишах, а я батрак, и никакой дружбы между нами быть не может¹. Да и не хочу я тебя позорить». Падишах сильно обиделся на это [и] сказал: «Брат мой, ведь мы с тобой старые друзья, и я [ничуть] не изменился. Судьба сделала меня падишахом, но нас с тобой связывает прежняя батрацкая дружба». Много было высказано еще обид, упреков, и тогда, обратившись к падишаху, мужчина сказал: «Раз так, то пришел я к тебе по одному делу». Падишах сказал: «Изволь, [говори]». [Он] сказал: «С тех пор как ты стал падишахом, ты по сей день причинил народу много зла и горя, и все они отвернулись от тебя. Теперь ты свалил на них еще одно тяжкое испытание, вынести которое никому не под силу, и это незаслуженная жестокость. Вот я и пришел к тебе просить, [чтобы] ты, во имя нашей дружбы, снял с них этот гнет».

7. Падишах опустил ненадолго голову, затем поднял ее и сказал: «Брат [мой], когда я и ты направлялись в этот город, мы остановились у одного источника и завели разговор. Ты помнишь этот разговор?» [Тот] сказал: «Да». [Падишах] сказал: «Какие это были [слова]?» [Тот] сказал: «Я сказал [тогда]: "Если я стану падишахом, то буду творить только добро", а ты сказал: "Если я стану падишахом, кроме зла ничего другого делать не стану"». [Падишах] сказал: «Был тогда с нами² еще кто-нибудь?» [Тот] ответил: «Никого, кроме Бога». [Падишах] сказал: «Стало быть, Бог хорошо слышал наши слова?» [Тот] сказал: «Да». [Падишах] сказал: «И так мы тронулись в путь и пришли [в этот город]. Затем я стал падишахом,

¹ Букв.: 'это несовместимо'.

² Букв.: 'между нами'.

и я знаю, что сделал им меня Бог. И сделал он меня [падишахом] для того, чтобы я чинил этим людям зло и насилие, ибо, если бы он желал людям добра, он бы сделал падишахом тебя. Ясно, что сделав меня [падишахом], он хотел сказать, что люди злы, и [потому] они заслуживают дурного обращения. А будь они добрыми, они были бы достойны лучшей участи, и тогда падишахом стал бы ты. Коли так, то не проси меня об этом. Я не могу снять с них гнет, который возложил на их плечи. Когда же они станут добрее и лучше и перестанут быть достойными насилия, не сомневайся, Бог избавит их от меня и их падишахом сделает такого, как ты!» Услышав эти слова, друг поднялся, попрощался с ним и вернулся в свои края.

10. [СИЛА ПРОВИДЕНИЯ]

1. Рассказывают, в давние времена жил в стране Мидия могущественный и очень богатый падишах, [но] не было у него детей. По этой причине день и ночь он горевал. Он не оставил ни одного шейха, ни одного лекаря, [к которым не обратился бы за помощью, но] все напрасно. И хотя мощь его росла с каждым днем, на сердце у него день ото дня становилось все тяжелее.

2. Однажды собрал он всех звездочетов страны в надежде, что они найдут в его гороскопе что-либо [утешительное]. Внимательно изучив, согласно их науке, расположение звезд, звездочеты увидели странную картину. [И] решили они падишаху ничего не говорить. Но падишах стал допытывать их и сказал: «Вы должны рассказать мне все, что вы увидели». И они волей-неволей сказали: «Наш падишах, по правде [сказать], в твоём гороскопе вырисовывается мальчик, [так что] родится у тебя сын, но едва мальчику исполнится семь лет, его ужалит змея и он умрет!»

3. Падишах, с одной стороны, был рад тому, что у него будет сын, а с другой стороны, он расстроился, что его мальчика

ждет смерть. Он сказал: «Посмотрите для меня еще раз». Сколько звездочеты ни разглядывали¹, ничего больше не увидели. Они сказали: «Наш² падишах, ничего больше кроме этого нет. У тебя будет сын, и так угодно провидению, чтобы в таком-то возрасте и в такой-то час его укусила змея и [чтобы] он умер». Падишах сказал: «Значит, из расположения звезд следует, что у меня родится сын?» Они ответили: «Да, но по воле провидения он должен погибнуть». [Падишах] сказал: «Тогда я испытаю провидение и не позволю этому случиться».

4. И вот³ спустя некоторое время, как и предсказывали звездочеты, Бог даровал падишаху сына, и по всей стране началось ликование и веселье. Не только падишах и жена падишаха, но и все жители страны окружили нынешнего младенца, будущего наследника, нежностью и лаской. А падишах стал думать о том, как повернуть колесо судьбы, чтобы сохранить жизнь своему чаду.

5. Каждый день он собирал ученых мужей и мудрецов страны, советовался с ними. [Но] они твердили: «Судьбу нельзя изменить». А [падишах] повторял: «Я должен изменить ее». Так прошло полных шесть лет и начался седьмой год. Тогда падишах приказал в обширной долине Сарнув вырыть всю землю на глубину четырех *гязов* и вывезти землю. Затем это место засыпали хрусталем и [покрыли] эмалью. Таким образом отделали всю долину, насколько мог видеть глаз. Потом взяли и посреди долины вытянули, опять же из хрусталя и эмали, четыре высоченных столба, доведя их до самого неба. Принесли четыре толстые хрустальные цепи и большое ложе, [также] покрытое хрусталем.

6. [Когда] все было приготовлено таким образом, собрались все стрелки из лука и стрелonosцы, какие только были в стране, и стали ждать [рокового] часа. Звездочеты, держа

¹ Букв.: 'как ни рассматривали уголки звезд'.

² Букв.: 'мой падишах'.

³ Букв.: 'да'.

в руках часы, разглядывали панораму звезд. Расположение звезд говорило падишаху о том, что если в указанные минуты и час ему удастся спасти мальчика от укуса змеи, тогда [злой] рок обойдет его, и [мальчик] будет жить в этом мире тысячу лет.

7. Час [испытания] близился, пока [не] наступил роковой день. Тогда привезли мальчика, раздели его донага и поместили в [приготовленное] для него ложе. [Затем] принесли цепи. Одни концы цепей прикрепили к хрустальным столбам, другие — к ножкам ложа и стали тянуть их. Ложе поднялось высоко и остановилось посреди неба. Стрелки из лука и стрелоносцы все разделились и, натянув стрелы, [внимательно смотрели по сторонам]¹. Все это было сделано на тот [случай], если вдруг откуда-нибудь появится змея, затаившаяся в чьей-либо одежде.

8. Медленно наступал и близился роковой час, а змеи нигде не было видно. Но если [даже] тут и скопились бы змеи со всего света, они были бы не в силах добраться до мальчика. Падишах и жители страны стали уже ликовать, их охватило радостное волнение, так как до роковой минуты оставалось совсем немного, а змеи не было видно. Дошло до того, что до истечения рокового часа оставалось пол минуты. И вдруг они увидели: издали прямо к [ложу] летит аист, и в клюве у него змея! Стрелки из лука, [мужчины] с дубинками в руках и весь народ заволновались, [даже] небесный свод весь застонал [от ужаса]. Стрелки из лука стали пускать стрелы. Аист приближался, и до ложа оставалось совсем немного. [Тут] один из стрелков пустил стрелу в змею, которая была в клюве [аиста], [но] стрела, пролетев мимо, со свистом вонзилась аисту в самое горло. Аист выпустил из клюва змею, змея упала в ложе и ужалила мальчика, и мальчик умер!

9. Небесный свод захохотал. Он смеялся над разумом ничтожных людей и над рукой [промахнувшегося] стрелка.

¹ Букв.: 'каждый с двумя глазами стал четырехглазым'.

Смеялся над тем, что они вздумали испытать судьбу. [Он] восхищался стрельцом, который сумел пустить стрелу [так высоко] в небеса и попасть прямо аисту в горло!

11. [СКАЗКА ПРО ЯГНЕНКА]

1. Снова в сказке [повествуемой] у курдского очага, сказывается: некий человек держал в поле небольшое стадо овец. В новогоднюю ночь одна из его овец обьягчилась и принесла ягненка. Человек тут же взял нож и пошел к ягненку, чтобы заколоть его. Ягненок, заговорив [человеческим голосом], сказал: «Что ты собираешься делать?» Человек ответил: «Что собираюсь делать? Я заколю тебя и съем!» [Тогда] ягненок сказал: «Братец, ты ведь знаешь, [что] я только появился на свет¹ [и] не знаю, каков этот мир², вижу только, что он погружен во тьму. А что, этот мир всегда таков?» [Человек] ответил: «Это не так. Теперь ночь, и потому темно. Когда наступит день, мир станет светлее». [Ягненок] сказал: «Если так, то не режь меня, дай мне увидеть этот мир и светлым». [Человек] сказал: «Хорошо».

2. Прошла ночь, и снова настал день. Мир предстал пред [ягненком] светлым и ясным. И этот день прошел, и снова наступила ночь³. Человек явился к нему с ножом [и] сказал: «Вот и день прошел, и снова наступила ночь. Теперь я заколю тебя». Ягненок сказал: «Братец, почему, теперь что за время?» Человек сказал: «Сейчас ранняя весна, пора влюбленных». [Ягненок] сказал: «Братец, ты же знаешь, я не видел еще весны. Позволь мне увидеть весну и узнать, какая она, и тогда режь меня!» [Человек] сказал: «Хорошо».

3. Весна прошла, и наступило лето. Человек снова явился к нему с ножом [и] сказал: «Вот и весна прошла и теперь я за-

¹ Букв.: 'ступил ногой в этот мир'.

² Букв.: 'мир каков есть и каков не есть'.

³ Букв.: 'они упали в ночь'.

колю тебя». [Ягненок] сказал: «Почему, какая теперь пора?»¹ [Человек] сказал: «Настало лето». [Ягненок] сказал: «Братец, ты ведь знаешь, я и лета не видал. Дай мне послушать и шум летнего востерка». [Человек] сказал: «Хорошо».

4. Лето прошло, и наступила осень. Опять он взял нож, пришел к ягненку и сказал: «Вот и лету пришел конец, и я должен заколоть тебя!» [Ягненок] сказал: «Почему, теперь какое время?» [Человек] ответил: «Теперь мы пребываем в осени, [это] пора осеннего листопада», [ягненок] сказал: «Братец, родной! Ты лучше меня знаешь, что я не видел еще осени. Позволь мне посмотреть и осень!» [Человек] сказал: «Хорошо».

5. Осень прошла и началась зима. Человек взял нож, пришел к ягненку и говорит: «Братец, вот ты и осень увидел, и она прошла. Теперь я тебя заколю». [Ягненок] спросил: «А теперь какая пора?» [Человек] ответил: «Теперь зимняя пора, [время] снежных сугробов». [Ягненок] сказал: «Милостивый брат, ты ведь знаешь, что я не видел ни зимы, ни снежных сугробов! Так позволь мне поглядеть и на твою зиму». [Человек] сказал: «Хорошо».

6. Прошла зима. Наступила новогодняя ночь, и началась весна. Прихватив нож, [снова] он пришел к ягненку и сказал: «Ягненок, вот и зима прошла. Что ты теперь скажешь?» [Ягненок] сказал: «А теперь какая пора?» [Он] ответил: «Снова настала весна». [Ягненок] сказал: «Как и прошлогодняя весна?» [Он] сказал: «Да». [Ягненок] сказал: «А что, ничего больше не осталось?» «Нет» — ответил [он]. [Ягненок] сказал: «Коли так, то режь меня. Мир, [оказывается], состоит из дня, ночи и четырех времен года — весны, лета, осени и зимы. И все, что последует за этим, будет повторением того же, и ничего нового не будет».

¹ Букв.: 'в какую мы вступили пору'.

12. [БОЙ БЫКОВ]

1. В прежние времена в Курдистане были распространены [такие развлечения, как] бой быков, петушиный бой, бой собак и тому подобное. В связи с этим в одной курдской сказке рассказывается. Однажды некий падишах и его везир, каждый из которых имел по быку¹, побившись о большой заклад, устроили бой. Падишахский бык обращает в бегство быка везира, и падишах получает от везира заклад.

2. Был [там] один бедный курд-крестьянин. Возвращается он вечером [домой], а в хлеву у него жил тощий, облезлый бык с искривленными рогами. Он идет к нему и говорит: «Паршивый² бык, да накажи тебя Бог! Ты мне ни пашешь, ни молотишь, ни тяжестей мне не возишь, валяешься как дохлый и только делаешь, что поедает сено», — и наносит ему несколько ударов палкой.

3. Тощий бык говорит: «Хозяин, за что ты меня бьешь?» Хозяин говорит: «Если ты не будешь ничего делать для меня, то какой с тебя толк? Вот сегодня падишахский бык и бык везира билась под заклад. Бык падишаха выиграл для своего хозяина много денег. А от тебя ведь никакой пользы!» Паршивый бык говорит: «Хозяин, хоть сейчас [иди] и побейся об заклад с падишахом, [и] если завтра я одолсю быка падишаха [и] выиграю пари, ты [и впредь] будешь держать меня, если же я буду побежден, и ты проиграешь, заколи меня и брось мое мясо собакам!»

4. Крестьянин тут же идет в *диван* падишаха и говорит: «*Курбан*, есть у меня бык, и я хочу состязаться³ с тобой». Падишах говорит: «Без заклада я не стану состязаться [вместе] со своим быком». Крестьянин говорит: «Я и сам хочу побить-

¹ Букв.: 'боевой бык'.

² Букв.: 'голый'.

³ Букв.: 'состязаться с его помощью'.

ся об заклад, и не меньше чем на двести *лир*». Тогда оба они договариваются, что каждый из них даст по двести *лир* какому-нибудь посреднику. А наутро, чей бык выиграет, тому и дадут эти четыреста *лир*.

5. Вернувшись, крестьянин идет к паршивому быку и говорит: «Молю тебя, паршивый бык, я занял двести *лир* и побился об заклад за твою голову. [Смотри же], не опозорь меня [завтра] утром и не погуби». Паршивый бык говорит: «Хозяин, прикажи, чтобы два человека взяли в руки по большой корзине и следовали за мной». Крестьянин делает, как он велит. Едва паршивого быка снимают с привязи, он тут же бросается в атаку. Падишахский бык при виде паршивого быка начинает пятиться назад и убегает. Паршивый бык несколько раз¹ боднул его в зад, а падишахский бык даже не оглянулся. Тогда крестьянин получает четыреста *лир* и, погнав впереди себя паршивого быка, возвращается домой.

6. Тут он спрашивает: «Паршивый бык, скажи мне, каким образом такой здоровенный бык не устоял перед тобой?» Паршивый бык сказал: «Хозяин, если по правде, то я и тот бык были телятами одного дома. Однажды вечером, когда мне и ему давали сено, ему ничего не положили. Он был очень голоден и в полночь попросил меня, сказал: "Накорми меня этой ночью. Обещаю, что вечером я дам тебе корзину сена". А я сказал: "Если ты не отдашь мне завтра, что тогда?" [Он] сказал: "Даю слово, что на сколько вечеров задержу, за каждый из них я буду должен тебе по корзине [сена]". И вот уже шесть-семь лет он мой должник. Когда же сегодня мы пришли туда, он еще издали узнал меня и, увидев корзины, решил, что я явился за долгом, [а так как] он не в силах вернуть мне весь долг, [он и] убежал от меня. Иначе, если бы состоялся бой, разве я смог бы одолеть его? Это он убежал от страха перед долгом, а не от моей силы».

¹ Букв.: 'пять-шесть раз'.

13. МУДРЫЙ СТАРИК

1. Рассказывают, был в давние времена некий падишах, [и] ничего он так не боялся, как старости. Стоило ему увидеть какого-нибудь старика, он хмурился и сердце его сжималось. Поэтому он издал указ, чтобы убивали каждого, чей возраст перевалит за шестьдесят. И когда эта весть разошлась по стране, к падишахскому дворцу со всех сторон стали стекаться группы юношей с подношениями в руках. Они молили его не убивать их старых родственников.

2. Однако ни мольба, ни дары не подействовали на сердце падишаха. [Он] сказал им: «Кто из вас сумеет вытащить золотой кувшин, упавший в озеро, отца того я помилую, каким бы он старым не был и как бы много лет ему не было. А того, кто не сможет этого сделать, прикажу убить и его самого, и его отца». Затем тот, кто решался, выходил вперед и говорил: «Я готов». И так девяносто девять человек пытались вытащить кувшин, но никому из них не удалось вытащить его. И падишах, согласно своему слову, приказал всем им отсечь головы¹.

3. Но один юноша, который очень любил своего отца, а ему шел шестой десяток, забрал отца и укрылся в пещере. Однажды, когда юноша сидел рядом с отцом, старик заметил, что сын его чем-то озабочен и думает о чем-то². Отец спросил его о причине этого, и тот в ответ сказал: «Дорогой отец, история с тем кувшином поразила меня, и самое удивительное это то, что когда стоишь на краю озера, кувшин хорошо виден в воде, но стоит только броситься в воду, чтобы вытащить его, [как] вода начинает идти кругами, кувшин исчезает, и больше его не видно!»

4. Старик подумал немного и тогда сказал: «Сын мой, кувшин помещен среди ветвей деревьев на берегу озера, и то,

¹ Букв.: 'приказал и всем им отрубили головы'.

² Букв.: 'упал в море раздумий'.

что виднеется в озере, — не кувшин, а его отображение». Услышав это от отца, юноша вскочил, бегом помчался к падишаху и сказал ему: «Я вытащу кувшин. Если не вытащу, вели отсечь мне голову». Падишах назначил юноше время, когда придти и вытащить кувшин. Когда этот час настал, юноша подошел к берегу озера и, что удивило людей, вместо того чтобы броситься в воду и вытащить кувшин, он стал взбираться на дерево, что стояло на берегу озера. Не прошло много времени, он спустился, и кувшин был при нем. Он отдал его падишаху.

5. Тут падишах повернулся к юноше и сказал: «Я никогда не думал, что встречу в своей стране такого мудрого и умного юношу». Юноша сказал ему: «Мудр не я, а мой старый отец, которого я упрятал в отдаленном месте, чтобы ты не отрубил ему голову. Это он мне сказал, что кувшин спрятан в ветвях дерева».

6. Падишах подумал немного и сказал: «[Да], старики мудры, ибо то, что не пришло в голову девяноста девяти юношам, узнал только один старик. И теперь я понял, что мудрость наших стариков столь же нужна и полезна нашей стране, как и сила и мощь наших юношей».

Таким образом все старики страны были спасены от смерти.

14. [ДЕЛАЙ ДОБРО]

1. Был кто-то или не был, выше Бога никого не было. Жил в давние времена падишах. Был он очень мудрым, честным и справедливым. Под его сенью народ его страны жил в мире и благоденствии. У этого падишаха не было наследника, была только одна дочь, по красоте и уму которой не было равных, [и] которую звали Рехана-ханум. Очень любил ее падишах [и] расточал перед ней все свое богатство, [но] все ему казалось мало.

2. Когда его дочь достигла восемнадцати лет, падишах решил устроить ей большой праздник и пригласить на него всех

богатых и знатных людей города, а беднякам — раздать деньги и угощения. Узнав об этом, шахская дочь сказала отцу: «Этот праздник ты устраиваешь только для избранных, а следовало бы пригласить всех жителей города». Как ни убеждал ее отец, что нет такого места, где можно было бы разместить всех жителей города, она настаивала на своем: «Если не пригласишь все население города, я не приду на этот праздник».

3. Падишах не стал огорчать дочь и велел разбить за городом шатры, расставить столы, сиденья, украсить [все] яркими цветами и приготовить лучшие кушанья и напитки. Воля падишаха была выполнена. Шахская дочь нарядилась в красочные платья, но больше всего ей шло ее алмазное ожерелье. В тот день с самого утра и до захода солнца¹ народ группами стекался на это празднество. Дочь падишаха встречала их и сажала за стол. По окончании пиршества люди с музыкой и пением разошлись по своим домам.

4. Когда дочь падишаха пришла в свою опочивальню, она увидела — нет ее ожерелья. Очень она была огорчена этим и сказала об этом отцу, а он отправил в город глашатая, чтобы тот объявил: «Кто сумеет поймать вора, укравшего ожерелье шахской дочери, и приведет его к падишаху, [тот] получит тысячу золотых *ашрафи*!»

5. [А] в том городе жил один бедняк, у которого было три сына, их звали Гул, Парваз и Джахангир. Этот человек уже долгие годы страдал недугом, но сыновья его были не в состоянии купить ему лекарства или нанять ему врача. Гул, который был старшим сыном, сказал двум своим братьям: «Свяжите мне руки, отведите к падишаху и скажите: "Это он украл ожерелье шахской дочери", [и] когда получите вознаграждение, потратьте его на отца». Братья послушались его. Со связанными руками они погнали его к падишаху и сказали: «Это тот вор, который унес ожерелье шахской дочери». Падишах выдал им тысячу золотых. Они вернулись и отдали

¹ Букв.: 'до трех часов после захода солнца'.

деньги отцу. Отец спросил их: «Откуда это? И куда подевался Гул?» Они рассказали ему обо всем и принялись за лечение отца.

6. [А] мы вернемся к Гулу. Падшах спросил его: «Каким образом ты украл это ожерелье?» Гул сказал: «Я не украл, а нашел его на дороге и, решив, что это не ценная вещь, выбросил его в море». Разгневавшись на это, падшах велел повесить его. Поставили для него виселицу. [Но тут] с плачем и мольбами бросился к падшаху его отец и сказал: «Мой сын не вор! Я был болен и беден. Те двое юношей, что привели его к тебе со связанными руками, были его братья, и сделали они это, для того чтобы получить вознаграждение и спасти меня от болезни!» Услышав эти слова, падшах обнял Гула, расцеловал и сказал: «Раз ты так предан отцу, то будешь сыном и мне¹, ведь у меня нет ни одного сына». И он обручил его с принцессой Реханой. Тут же объявили по городу: «Рехана отдана в жены Гулу, а ожерелье нашел некий вельможа и принес его падшаху».

Так, благодаря Гулу, отец, мать и братья его устроили свою жизнь. Отсюда мораль: кто жертвует собой во имя добра, тот получает вознаграждение. Как говорится [в курдской пословице], «Сделай добро и пусти его в море, а в трудный час оно придет к тебе на помощь».

15. [СКАЗКА О СЕСТРЕ И БРАТЕ]

1. Был кто или не был, выше Бога никого не было. В давние времена жили брат да сестра, звали их Навроз и Гулола. Были они совсем маленькими², когда умерла их мать. Едва они подросли³, а над ними уже злая мачеха стоит с тяжелой палкой в руке. Мачеха постоянно искала случая, чтобы коварством погубить брата и сестру.

¹ Букв.: 'вот я сделал тебя своим сыном'.

² Букв.: 'они еще нуждались в опеке'.

³ Букв.: 'когда они стали различать правую и левую сторону'.

2. Однажды ей удалось под предлогом прогулки увести Гулолу в безлюдное поле и бросить ее там в колодец. Немного отойдя от колодца, она нашла большую яму. Внутри ямы она разложила из веревки сети, устроив таким образом хорошую ловушку, и, покрыв ее сверху ветками и колючками, вернулась домой. К вечеру неожиданно появился Навроз, сколько ни звал он сестру, никакого ответа не услышал, и он спросил у мачехи: «Что случилось с Гулолой?» Она сказала в ответ: «Не знаю».

8. Наутро Навроз отправился в поле, чтобы узнать, что же стряслось с его сестрой. Коварная мачеха, увязавшись за ним, сказала: «Пойдем искать ее вместе». Шли они вместе, пока не дошли до той ямы, где была устроена ловушка. Мачеха неожиданно толкнула Навроза и сбросила его в яму, [а] сама вернулась домой.

4. [А] мы вернемся к Гулоле. В тот момент, когда сын одного падишаха, имя которого было Шабал, вместе с группой всадников, [направляясь] на охоту, проезжал близ того колодца, где находилась Гулола, они услышали человеческий стон. Шабал опустил в колодец веревку. Гулола обвязалась ею, и он вытащил ее наверх. Видят они — [перед ними] милая и [настолько] нежная девушка, что съешь она черный виноград, он будет виден сквозь тонкую кожу ее шеи. Шабал тут же посадил ее на коня и отвез во дворец своего отца. [Поскольку] девушка в колодце поранилась, ей привели лекаря, и он врачевал ее в течение нескольких дней, пока она не поправилась. Затем она по своему желанию вышла замуж за Шабала, и устроили им большое пиршество.

5. А Навроз [вот уже] несколько дней находился в яме. От голода он совсем уже было лишился сил, [как] вдруг к нему подползла черная змея. Он подумал про себя: «О боже, ты сделал меня пленником этой ловушки, да еще послал мне эту черную змею, чтобы она ужалила меня». Но змея молвила: «Я добрый ангел. Бог ниспослал меня к тебе, чтобы я освободил тебя из ловушки, в которую ты попал». [Змея] быстро

сползла вниз и своими острыми зубами перегрызла все ветки, которыми он был опутан. Затем она поползла наверх и, свесив свой хвост, крикнула ему: «Возьмись обоими руками за мой хвост». И он крепко ухватился за ее хвост. Змея напряглась и вытянула Навроза наверх и спасла его. Еще она протянула ему кольцо и сказала: «Надень его себе на палец, и когда ты пожелаешь что-либо, зажмурь глаза и потри кольцо, и ты получишь [то], что хочешь»¹.

6. Навроз обратился к змее [и] сказал: «Скажи мне, в чем причина того, что ты так добра ко мне?» Змея сказала: «Однажды, обернувшись голубкой, сидела я на ветке дерева. Твой отец, натянув стрелу своего лука, стал целиться в меня, чтобы убить меня. Ты схватил его за руку и не дал ему убить меня. Ты сказал [тогда]: "Это несчастная птица не сделала нам ничего дурного, и зачем ты убиваешь ее?" — и отец твой остановился. Так что, это плата за твой добрый поступок». Навроз поблагодарил змею и расстался с ней.

7. Да будет вам известно, что в тот же день змея добралась до жестокой мачехи, и, ужалив ее, лишила ее жизни. Так она отомстила за невинных брата и сестру.

А Навроз, покинув змею, тут же зажмурил глаза, затем потер кольцо и сказал: «Господи, доставь меня к моей сестре Гулоле». Когда он открыл глаза, то увидел себя в саду какого-то дворца. А на балконе дворца стояла его сестра Гулола. Обрадовались они друг другу и стали рассказывать один другому [все], что с ними произошло.

16. СОВЕТЫ СОЛОВЬЯ

1. Рассказывают, в одном саду сидел на ветке дерева соловей и приятным голосом пел. А под деревом [тем временем] какой-то мальчишка ставил ловушку. Соловей заговорил: «Эй, мальчик, что это ты делаешь?» [Он] ответил: «Хочу

¹ Букв.: 'извлечешь из него пользу'.

в эту ловушку поймать какую-нибудь птицу!» Соловей сказал: «Какая же птица так глупа, чтобы ради нескольких зерен лезть в детскую ловушку». Мальчик сказал: «Если [это] предначертано Богом, то она ради зерен попадет в эту ловушку». Посмеялся соловей над мальчиком и улетел.

2. Затем мальчик спрятал ловушку под землю, сверху насыпал много зерна, а сам притаился в укрытии. Спустя немного [времени] на то дерево снова прилетел тот соловей, глянул — ловушки нет и никого не видно, а на земле рассыпано много зерна. Загоревшись желанием, он спорхнул вниз и стал клевать зерно. Вдруг ловушка крепко сжала ему шею. Как ни рвался соловей из ловушки — [все напрасно], силек все сильнее сжимал ему шею. Тут появился и мальчик. Он взял соловья и сказал ему: «Ну соловей, узнаешь меня? Видишь, как хвастовство и нетерпенье завлекли тебя в ловушку?» Затем он посадил соловья в клетку и отнес на базар. Какой-то человек купил его и принес к себе домой.

3. Бедный соловей несколько дней оставался в клетке, охая и вздыхая. Однажды, обратившись к человеку, он сказал: «У меня несколько птенцов, [и] я пришел добыть им пищи и потому попался в сети. И теперь какая тебе польза глядеть на меня? Если ты выпустишь меня, дам я тебе три совета, от которых будет тебе большая выгода». [Человек] сказал: «Что это за советы, чтобы выпустить тебя?» [Соловей] сказал: «Отнеси меня в сад. Там я и скажу тебе». Человек отнес соловья в клеткой в сад и там сказал: «Ну говори!»

4. Соловей сказал: «Первый совет я скажу тебе в клетке, второй — снаружи, [а] третий — когда сяду на дерево». Человек сказал: «Ты хочешь обмануть меня и улететь». Соловей сказал: «Честное слово¹, не обману». Как бы то ни было, он убедил человека. Тогда [тот] сказал: «Говори». Соловей сказал: «Если рука божеского провидения отнимет у тебя что-либо, и ты понесешь утрату, не переживай и не ищи этого».

¹ Букв.: 'слово мужчины — одно'.

Человек сказал: «Слова твои прекрасны». Тут он выпустил [соловья] и сказал: «Говори второй совет». Соловей сказал: «Не верь словам лгунов и хитрецов». Человек сказал: «И этот [совет] хорош». Соловей вспорхнул на дерево и стал благодарить Бога за то, что вырвался из неволи. Мужчина сказал: «Говори третий совет». Соловей сказал: «Не будь жадным и алчным. Ведь я попался в сети из-за своей жадности. Но, добрый человек, скажу я тебе одну вещь — ты поступил очень глупо, что отпустил меня». Мужчина сказал: «Почему?». Соловей сказал: «[Да потому что] у меня в желудке лежит драгоценный камень весом в двадцать *мискалей*. [И] ты потерял этот камень».

5. Услышав эти слова, [человек] стал бить себя по голове. Он обратился к соловью и сказал: «Будь добрым, вернись ко мне, я буду давать тебе лучшие кушанья, я смастерю для тебя золотую клетку!» Соловей сказал: «Только что я дал тебе три совета, [а] ты через минуту все позабыл. Я [же] сказал тебе, не гонись за потерянным и не переживай из-за этого. Я только что вырвался из твоих рук, [и], как говорят, "Птица, вырвавшаяся из силка, никому больше не верит". Что же ты теперь переживаешь? Говорил же я тебе: "Не верь лживым и хитрым словам". Так почему же ты отпустил меня? Говорил я тебе: "Не будь жадным", а ты убиваешься из-за драгоценного камня и зовешь меня обратно. Да я хотел проверить тебя. Ведь я и сам не вешу двадцати *мискалей*! Каким же образом во мне может уместиться драгоценный камень в двадцать *мискалей*? [Но] я очень благодарен тебе за то, что ты освободил меня. В награду за это добро я скажу тебе — под этим деревом зарыт кувшин с золотом, вытащи его и ты разбогатеешь с его помощью!»

6. Когда мужчина разрыл [землю] под деревом, [все] оказалось правдой, и тогда он сказал: «О райская птица! Глаза твои видят [то, что сокрыто] под землей, а ловушки на земле — не заметили. Почему ты попала в силки?» Соловей сказал: «Когда начинает действовать рука провидения, то слепнут глаза, немеет язык и глохнут уши!»

17. [ЗОЛОТЫХ ДЕЛ МАСТЕР И ПЛОТНИК]

Был кто или не был, [как] рассказывают, в прежние времена жили два друга — Джавхар и Джвамер. Очень любили они друг друга. Джавхар был золотых дел мастером, а Джвамер — плотником. Оба друга¹ были очень богаты и [жили] беззаботно. Они всегда протягивали руку помощи несчастным и беднякам, впавшим по воле Бога в нищету и беспросветность.

[Но вот] дела их с каждым днем стали ухудшаться², их постоянно преследовали неудачи. Истина стара: «Фортуна зла, но особенно она недобра к хорошим людям». Джавхар был человеком умным и сообразительным. Однажды, обратившись к Джвамеру, он сказал: «Дорогой брат, в этом городе нам не выжить, а ведь каждый из нас искусный мастер. Давай уедем в другой город, как говорят, "благоденствие — от действия"». Джвамер одобрил его слова, и они вместе тронулись в путь.

2. Спустя какое-то время достигли они города, [что] в стране Ром. На окраине города они увидели красивый разукрашенный дворец, который был храмом идолопоклонников. Внутри его стояли два идола, сделанные из золота и украшенные драгоценными камнями. Утром и вечером жители города приходили поклониться этим идолам. Оба друга стали рассуждать: «До чего глупые люди, сами сотворили себе кого-то и теперь кланяются им, так что мы сможем подчинить их себе, а потом мы выкрадем у них этих идолов и овладеем несметным богатством, и таким образом мы сможем выстроить в своей стране мечети и школы и сами заживем в довольстве».

3. Договорившись и поклявшись один другому честно помогать друг другу, они облачились в одеяния идолопоклонников и отправились к *пиру* того храма и сказали [ему]: «Мы

¹ Букв.: 'оба брата'.

² Букв.: 'звезда их счастья стала закатываться'.

ваши единоверцы. Племя богопоклонников разграбило все наше имущество и изгнало нас с нашей земли, и теперь мы вынуждены просить у вас покровительства». *Пир* отнесся к ним с большим вниманием и почтением. [Затем] им предоставили при храме жилье и назначили пропитание. Несколько месяцев оба друга ревностно молились идолам и прислуживали в храме. Не прошло много времени, и *пир* храма идолопоклонников умер. Собрались правитель и знатные люди города и порешили назначить хранителями храма обоих друзей, [так как] их заслуги [весьма] велики. После этого они стали служить с еще большим усердием, пока в один из праздничных дней, [когда] в храме собралось множество народу, Джавхар и Джвамер принялись громко плакать и причитать: «Этой ночью большой и малый идола поведали нам: "В этом старом мире нет нам места для покоя, нам тут тяжело, по этой причине мы вознесемся на небеса". — И мы, служа им, должны последовать за ними». Народ поверил им.

4. [Когда] наступила ночь, оба друга разбили идолов на куски и, сложив их в мешок, увезли и спрятали в одном из мест вдали от города. [Затем] они наняли себе мулов и увезли их в свои края. Там Джвамер, обратившись к Джавхару, сказал: «Это золото и драгоценности заberi себе, так как ты золотых дел мастер, и это не вызовет у людей подозрений. Они подумают, что это чужое добро и что ты должен сделать из него украшения. А если все это держать у меня, то об этом узнает *эмир* и отберет у меня все. Когда же тебе удастся продать что-нибудь, то половину выручки ты отдашь мне». Джавхар сложил все в сундук и спрятал в подвале.

5. На следующий день Джвамер пришел к нему узнать, продал он что-нибудь или нет. [А] Джавхар покачал головой и сказал: «Ты что, спятил, осел! Какое золото, какие драгоценности!? Если ты еще заговоришь об этом, тебя увезут в сумасшедший дом!» Джвамер ответил ему: «Дорогой брат, не обижайся, ведь я пошутил с тобой!»

Вернувшись домой, он слепил по образу и подобию Джавхара статую, облачил ее в его наряд и поставил ее в подвал, [который] был у него. Затем он поспешно отправился в деревню Мусаки, [что] близ [деревни] Шевакал, поймал там двух медвежат, привез их и отвел к той статуе. Когда медвежатам там хотелось есть, [а] он клал еду в карманы и за пазуху статуи, они выгребали ее оттуда и съедали. И так до тех пор, пока спустя несколько дней медвежата не привыкли к статуе.

6. У Джавхара было два сына в возрасте шести и семи лет. Однажды, выбрав удачный момент, Джвамер привел обоих [мальчиков] к себе домой и спрятал их в одной из комнат. Вечером, [когда] Джавхар стал разыскивать сыновей, Джвамер сказал ему: «Зло и жестокость отцов оборачивается против их же детей. Твои сыновья превратились в медвежат». Мужчина принялся плакать и причитать: «Как это человек может превратиться в медвежонка?» [Тут] их окружили односельчане. Джвамер вывел из подвала медвежат. Поскольку они были очень голодны, они набросились на Джавхара и стали лизать ему руки, ноги, совать лапы в его карманы и за пазуху. Люди стали говорить: «Похоже на правду, иначе почему медвежата не подходят к кому-нибудь из нас». Обратившись к Джавхару, они сказали: «Должно быть, ты совершил какой-то грех. Покайся в своем грехе». Джавхар в ту же ночь разделил золото и драгоценности на две половины. Одну половину он взвалил себе на плечи, принес ее Джвамеру и сказал: «Молодец, хитрец и ловкач!» И взяв за руки своих мальчиков, вернул их [домой].

18. СКАЗКА О ПАДИШАХЕ И ПАСТУХЕ

1. Был кто или не был, выше Бога никого не было. Рассказывают, в давние времена *эмир* соранский — Мухаммад-паша [владелец] Ревандуза, да благословит его Бог, — в пору своего правления был к своим поданным добр и справедлив.

В его владениях царили мир и спокойствие¹. Падишах постоянно окружал себя умными всезнающими людьми, советовался с ними, прислушивался к их мнению.

2. Однажды один из верноподданных дал знать падишаху о том, что в окрестностях города появилась группа разбойников и принялась за грабежи. Они разоряли бедных крестьян, лишая их всего. Падишах был разгневан и раздосадован этим. Он приказал предводителю войск отправить на поиски разбойников хорошо вооруженный отряд, схватить их и наказать.

3. Предводитель войск вместе с отрядом долго искал разбойников, но поймать их ему так и не удалось. [Как] оказалось, некоторые из караульных падишаха действовали заодно с грабителями. Падишах понял, что если он не поведет войско сам, то не так просто будет поймать разбойников.

В один из дней с восходом солнца собрал он войско в пятьсот вооруженных всадников и сам повел их. К полудню, в летний зной, спустились они с гор к долине. Падишах увидел в подозрную трубу несколько всадников, [похоже], из тех разбойников. Не сказав ничего своим всадникам, он сам пустился за ними вскачь. Долго он гнался за ними, однако разбойники, спешившись со своих коней, скрылись в чаще леса.

4. В это время падишах почувствовал сильную жажду. Оглядевшись вокруг, он заметил в одной из ложбин шатер и направился к нему. Видит — возле шатра, прислонившись к *астуну*, сидит старик. Падишах сказал: «Отец², примешь гостя?» Старик поднялся ему навстречу, взял коня за узду и сказал: «Гость — дар божий, ты принес мне радость». [Он], растелив для него бурку, усадил его. Подняв голову, падишах увидел свисавших с кольев здорового пса и большого серого волка, но он промолчал.

5. Затем старик поднялся, поставил на поднос³ немного кислого молока, масла, сыру, несколько просяных лепешек и

¹ Букв.: 'волк и овца вместе пили воду' (послов.)

² Букв.: 'старый дядя'.

³ Обычно плетенное из прутьев.

21. ВОЛК И АИСТ

[Как-то] у кровожадного волка в горле застряла кость растерзанного им человека. Как он ни старался, никак ему было не продохнуть. Пришел он к зверям и крикнул: «Кто вытащит кость из моего горла, я отплачу ему большим добром». Звери, видя, что братец-лис не верит этому, промолчали. Только глупый аист выступил вперед¹. С большим трудом аист вытащил из глотки волка кость и потребовал у него вознаграждения, так как он спас его от смерти. Волк в ответ сказал: «Ах ты неблагодарный аист, ты вытащил свою голову целой из пасти такого кровожадного волка, как я, и еще требуешь награды! Как только не совестно тебе говорить о вознаграждении! Ведь твоя голова находилась в моей пасти, а грудь — лежала на моем языке, и разве [это] не добро, что я не сжал зубы?! Зря я упустил такой лакомый кусок. Теперь, когда душа твоя на свободе — это лучший мой подарок тебе. Не поверю, чтобы какой-нибудь добродетель смог бы сделать кому-нибудь такой подарок!»

22. ЗНАТНОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ

Однажды лиса и козел стали рассуждать о знатности своего происхождения. Каждый из них превозносил своих дедов и прадедов, но в подтверждение своих слов каждый из них должен был иметь доказательства. Серый козел, не имея веских доводов, только [и делал, что] расхваливал своих предков — отец мой, мол, был таким то, дед был таким то... Не выдержав, лиса в ответ сказала: «Ах ты паршивец неотесанный, твое происхождение ясно и так... Твой теперешний облик [сам] говорит о твоём жалком положении!»

¹ Букв.: 'вышел на площадь'.

23. ОРЕЛ И ПАВЛИН

Рассказывают, собралось общество птиц, чтобы выбрать себе царя. Каждая птица желала заполучить царствование. Одна из птиц, которая больше других была уверена в себе, гордясь своей красотой, вышла на площадь и, расправив свои нарядные крылья, произнесла: «Я прекрасный павлин, [и] поскольку я красивее всех птиц, то я достоин стать царем над всеми птицами». Когда птицы увидели павлина, одиноко стоявшего на площади с раскрытыми разноцветными крыльями, краски которых спорили с лучами солнца, все разом воскликнули: «В самом деле, павлин из-за его красоты достоин царствования, и мы выбираем его своим царем». [И] птицы стали поздравлять павлина с [предстоящим] царствованием.

В это время на площадь вышел индюк и, поклонившись павлину, сказал: «Мой царь, могу ли я задать один вопрос вашему величеству?» Павлин расправил свои крылья и сказал: «Изволь, спрашивай». Индюк сказал: «В нашем обществе принято все наше богатство и состояние приносить в жертву царю, ибо царь оберегает наше общество и имущество». Павлин сказал: «Слова индюка очень верны и уместны». Индюк сказал: «А если на нас нападут орел и сокол, как прикажете защищаться нам?» На этот вопрос индюка павлин ответил молчанием. Тут птицы поняли, что хвастовство павлина бесполезно, [а] красота его бессильна, [и что] неимущим власть птицам¹ нужен сильный покровитель, чтобы он смог защитить их и в бою, и в беде. Поэтому птицы решили сделать своим царем бесстрашного и мощного орла.

¹ Букв.: 'обществу птиц'.

II. ЗАБАВНЫЕ ИСТОРИИ, АНЕКДОТЫ

1

1. Аха¹-Кырну был шутником и балагуром. Жил он в Сулеймании и слыл продавцом шербета, но если ему подворачивалась другая работа, он выполнял ее, чтобы жить в достатке.

В те времена город Сулеймания, где жил дядюшка Аха, был местом времяпрепровождения и сборищ балагуров. Едва наступал вечер, все *дивахана* наполнялись шутками и веселыми беседами. Чайханы после вечернего *намаза* переполнялись старыми и молодыми, [приходившими] послушать сказителей, которые приятными голосами исполняли *дастаны* о событиях давно минувших дней. Другая группа каждый вечер собиралась в одном из домов для игры в *горавибазу* или *финджан*.

2. В один из вечеров несколько человек из соседей Аха-Кырну по лавке договариваются после вечернего *намаза* нагрянуть к дядюшке Аха и, свалив на него [расходы на] ужин, таким образом подшутить над ним и немного поразвлечься. Наступает вечер, и все они направляются к дому дядюшки Аха, входят в него. В те времена ни стульев, ни кресел еще не было, [поэтому], сняв обувь, рассаживались на полу. [Вот] и они, скинув башмаки, пошли и уселись на старых циновках. Дядюшка Аха принял их радушно². Затем они говорят¹: «Дя-

¹ Аха — сокр. от Ахмад.

² Букв.: 'приветствовал их'.

дюшка Ахмад, ты как хочешь, а мы намерены этим вечером поужинать в вашем доме!» А дядюшка Ахмад отвечает: «С Богом, добро пожаловать! Только немного подождите, займитесь беседой. [Ведь] в доме у меня одна жена, и ей не поспеть. Пойду немного помогу ей, а [потом] я к вашим услугам!» [Они] говорят: «Ступай, мы вот сидим себе».

3. [Он] выходит, собирает все стоящие у порога башмаки, складывает их в мешок и, взвалив его на плечи, поспешно относит их на базар и продает все башмачнику, который еще не успел закрыть свою лавку. На [вырученные] деньги он покупает кебабы и, вернувшись домой, ставит их перед ними и говорит: «Простите, но вы пришли не вовремя, в доме ничего, кроме кебабов, не осталось!» А те говорят: «Да не убавит Бог и этого! Очень хорошо!» — и принимаются есть кебабы, а сами время от времени поглядывают на него, [мол], здорово они подшутили над дядюшкой Ахмадом.

4. Наевшись досыта, а дядюшка Ахмад и его жена тоже едят вдоволь, гости потом долго еще веселятся, пока, [наконец], не намереваются уйти. Когда они выходят, видят — нет их башмаков! Спрашивают: «Дядюшка Ахмад, где наши башмаки?» Он говорит: «Съели вы [их]!» Они говорят: «Как это мы съели?» [А] он говорит: «Кто я по вашему — Хама Кадо из Мосула, или Хама-ага из Коя², чтобы устраивать вам в полночь угощение!? Вы не подумали, на какие средства мне, [бедному] человеку, наготовить было еды на такую ораву? Теперь проваливайте и пеняйте на себя. Кебабы, которые вы пожирали кусищами, были куплены на деньги, вырученные за ваши башмаки. И назло вам мы с женой тоже хорошенько поели!» Сказав это, он плотно закрывает за ними дверь и усаживается. Как они ни бранятся и ни сердятся снаружи, все напрасно. Невольно каждый из них возвращается к себе босым. А наутро они идут и выкупают у того башмачника свои башмаки.

¹ Букв.: 'сказали'.

² Имена известных в ту пору богачей.

1. Был один мулла. Ходил он по городам и собирал [разные истории] о женской хитрости, чтобы сделать из них книгу. Однажды попал он в один город. Жена какого-то купца, узнав о приезде муллы и его намерениях, разыскала его, и, послав за ним, пригласила его после полудня к себе домой. Она спросила его: «Мулла, за это время что тебе удалось записать о женских хитростях?» А мулла ответил: «Я записывал все», — и он рассказал ей несколько историй. Потом женщина сказала: «Может, придешь сюда завтра к полудню. У меня брат в дальних краях, напишешь мне для него письмо, заодно и пополдничаешь тут». Мулла сказал: «Хорошо», — и ушел.

2. Вечером женщина начала с мужем игру в «помню», [поспорив] на комплект *гуруни*. Наутро, когда муж ушел к себе в лавку, женщина быстренько зарезала курицу и приготовила котел плова. [Когда] пришел мулла, она сказала: «Мулла, я приготовила тебе чудесный полдник. Пиши письмо — так, мол, и так, — пока еда совсем дойдет». А сама послала за мужем соседнего мальчика и наказала ему: «Отправляйся бегом к моему мужу и скажи — случилась беда. Пусть он сейчас же идет домой!»

3. Затем она заперла дверь и уселась рядом с муллой. Когда они слышали, что кто-то сильно стучится в дверь, женщина крикнула: «Кто это?» [Муж] сказал: «Да иди же, открой дверь!» Женщина ударила себя кулаком в грудь и воскликнула: «О, это мой муж вернулся! Знает Бог — он так ревнив, что просто невозможно! Даже при виде юнца¹ он приходит в ярость. Если он сейчас увидит нас, то обоих разрубит кинжалом на части!»

4. Мулла сказал: «Ради Бога, придумай что-нибудь». [Она] сказала: «Выход один — полезай вон в тот большой

¹ Букв.: 'щенка'.

сундук и замри». Мулла сказал: «Хорошо», — и живо полез в сундук. Женщина заперла сундук и, положив ключ в карман, побежала к воротам. [Она] отперла ворота, и вошел муж и спросил: «Что случилось?» Жена ответила: «Хуже и быть не может! Ой, что же теперь будет со мной?» Муж сказал: «Да что случилось, говори же скорее, не то сердце мое разорвется!» [Она] сказала: «Муж мой, вчера приехал сюда один мулла, он записывал [истории] о женских хитростях, зашел вчера вечером к нам, и я, ради Всевышнего, дала ему немного денег. А он и сегодня явился, наглый мужик, набросился на меня, повалил и стал рвать на мне одежду. На мой крик соседский мальчик и побежал за тобой!»

5. Муж сказал: «Где сейчас этот мулла?» [Она] сказала: «Едва ты постучался в дверь, он тут же бросил меня и полез в сундук, и я закрыла его на замок. Сейчас он в сундуке!» Муж выхватил кинжал и сказал: «Давай ключ!» Жена протянула ему ключ. [Едва] он приложил ключ к замку, [как] жена воскликнула: «А я выиграла», — и залилась смехом. «Ей Богу, хочу комплект *гуруни*». Муж сказал: «Неужели, все это ты подстроила, чтобы выиграть у меня в "помню"?» Рассмеявшись, жена сказала «Ей-богу, да!» Муж рассердился и, бросив ключи, сказал: «Дело ли это?! Я так напугался!» Жена сказала: «[Может] поешь?» Муж ответил: «Чтобы тебя чума взяла!» — и, насупившись, отправился в свою лавку.

6. После ухода мужа женщина открыла сундук. Видит — несчастный мулла весь побледнел, только глаза сверкают. Тогда она сказала ему: «Мулла, вставай, попопдничай!» Мулла сказал: «Бога ради, отвори мне скорее дверь, чтобы я мог уйти, и ей-богу, не хочу я твоего полдника!» Женщина сказала: «Тогда я прошу тебя, мулла, занеси эту историю в свою книгу!» Мулла ответил: «Клянусь словом мужчины, [что] никогда больше не произнесу ни слова о женщинах! Провались они со всеми их хитростями!»¹

¹ Букв.: 'провалились они в жерло мельницы'.

1. У одного курда был осел — источник его существования. В летнюю пору он занимался с его помощью торговлей¹ и жил этим. [Но вот] пришла зима, и наступило бездорожье — из-за снега стало невозможным разезжать по домам. Оставшись без дела, человек тот [только и делал, что] ходил из дома в мечеть да из мечети домой. Не имея ничего, они вконец разорились.

2. Был у него сын. Нашел он какую-то гончую собаку себе и решил: «Буду эту зиму охотиться с ней, — может, протянем до весны». Привел он гончую домой. При виде гончей отец его пришел в ярость² и сказал: «Сын, дому, в котором находится собака, ангел добра перестает покровительствовать. Будь добр, отпусти эту гончую, дабы Бог не разгневался на нас!» А сын сказал: «Отец, ты же знаешь, у нас ничего нет. Теперь я привел эту гончую [в надежде, что] она будет иногда охотиться для нас, и мы будем иметь хотя бы кусок мяса, чтобы питаться им». Отец сказал: «Дитя [мое], нельзя, Бог рассердится на нас, и ангел добра никогда больше не посетит этот дом!» Долго они препирались³. Поневоле отец покинул дом и отправился ночевать в мечеть, [так как] боялся, что ангел добра перестанет покровительствовать его семье.

3. Несколько ночей он оставался в мечети. От голода и холода он совсем лишился сил. Да и из дому никто не шел за ним. Волей-неволей он встал, сложил на плечо свой молитвенный коврик и направился к дому. Когда он подходит [к дому], до него доносится запах жареного мяса, и ему страшно захотелось его. Войдя в дом, он спрашивает: «Что это за мясо?» Сын говорит: «Ей-богу, отец, сегодня я взял с собой на охоту гончую, и вот она поймала горного барана, я и приво-

¹ Т. е. развозил по домам мелкий товар.

² Букв.: 'его охватил огонь'.

³ Букв.: 'сын сказал и отец сказал'.

лок его, это его мясо!» [Отец] говорит: «А где же гончая?» [Сын] говорит: «Да там, за дверью».

4. Тогда отец говорит: «Ей-богу, сын, в твоём сердце нет сострадания! Ведь у этой бессловесной собаки, как и у нас, есть душа! Разве Бог может позволить, чтобы мы тут грелись у огня, а она оставалась бы на холоде! Ну вставай, вставай, ступай и приведи ее в дом. Пусть ляжет себе наверху¹. Вот уже сорок лет я совершаю намаз и соблюдаю пост, [но] до сих пор ангел добра моего дома ничего не сделал для нас. А эта гончая, да станет моя мать ее жертвой, за одну ночь досыта накормила меня мясом. Ах, чтобы было пусто ангелу добра!» Он поднимается, идет, берет собаку за ошейник, приводит ее и, расстелив у очага свой молитвенный коврик, укладывает ее.

4

Один человек во время путешествия попал в дом некоего *горанца*. Вечером [хозяева] накрывают стол. Гость ест, сколько может². На столе ничего не остается. Хозяин дома зовет: «Ну, жена³, неси еду!» Еще приносят еды. Гость и это съедает. Хозяин поневоле [снова] кричит: «Несите еще еды!» [А тут] кончается хлеб. Жена хозяина бежит в соседский дом, берет в долг пятнадцать-двадцать лепешек, приносит и кладет перед ним. Гость съедает и это. Лишь потом, когда уже ничего не остается, он волей-неволей перестает [есть]. Перед тем как лечь спать, хозяин спрашивает его: «Братец, куда путь держишь, да будет он счастливым?!» А тот отвечает: «Будь и ты счастлив! У меня, ей-богу, пропал аппетит, ничего есть не могу, к врачу я направляюсь!» Хозяин говорит: «Раз так, у меня к тебе просьба: когда пойдешь обратно, ступай к себе домой другой дорогой!»

¹ Т. е. на почетное место.

² Букв.: 'пока не пошло из носу'.

³ Букв.: 'девушка'.

5

Был один человек. Взял он себе в привычку, приходя в баню и выходя [оттуда], повторять: «У меня украли вещь». [И] под этим предлогом он не давал плату за баню. Однажды приходит он в баню. Пока он выходит, банщик выкрадывает у него всю одежду, оставив ему один только пояс. Когда тот вышел, видит — ничего нет, кроме пояса. Он взял, обвязал поясом бедра и, созвав всех посетителей бани, вышел к ним и крикнул: «Люди, ради Бога, [скажите], мог я в таком виде прийти в баню?!»

6

Некий мужчина вошел в баню обнаженным¹. Другой мужчина, [который] находился там, при виде его закрыл глаза. А тот сказал ему: «С каких это пор ты ослеп?» А тот сказал: «С тех пор как Бог отнял у тебя стыд!»

7

Жил один курдский юноша, был он шутником. Каждый раз, когда он возвращался домой, [а] дома у него была старая мать, она спрашивала его: «Сынок², какие новости?» Однажды, [когда] она снова спросила его, юноша ответил: «Клянусь Богом, матушка, сегодня по велению падишаха глашатаи объявили: "Каждая вдова, у которой сохранился хотя бы один зуб, должна выйти замуж. Кто не отдаст ее замуж, должен будет уплатить налог!"» Старуха и говорит: «Сынок, прошу тебя, не нарывайся на налог, вот у меня еще два обломанных зуба осталось!»

¹ Обычно в бане надевают набедренную повязку.

² Букв.: 'дитя'.

8

Аха-Кырну болел и был при смерти, Хыла [сын] тетушки Назе, который жил в Сулеймании, пришел к нему и говорит: «Ну, дядюшка Ахмад, что с тобой?» [Тот] сказал: «Клянусь Богом, болен я, и, по-моему, я умираю». [Юноша] сказал: «Коли так, у меня к тебе будет просьба — передай моему отцу...» А Аха прервал его и говорит: «Ей-богу, Хыла, если по правде, то вряд ли я попаду в ад!»

9

Некий курд вместе с ребенком идут в дом к одному горанцу. У горанца стояла корзина с изюмом. Увидев изюм, ребенок стал кланчить: «Папа, хочу¹ изюма, папа, хочу изюма!» — и долго не унимался. Тогда отец шлепнул его по голове и сказал: «Молчи, безродный! Если у хозяина есть мозги, он сам тебе предложит!»

10

Некий курд пошел к цирюльнику брить голову. Едва старый цирюльник провел по его голове бритвой, тут же поранил ее². Он подумал про себя: «Если я не отвлеку его разговорами, то в конце концов он поднимет крик». Тогда он стал во время бритья задавать тому вопросы, пока не спросил: «Братец, сколько вас в семье братьев?» А мужчина ответил: «Клянусь Богом, если я выберусь из твоих рук [живым], то нас четверо, а нет — так трое!»

11

Сидел у родника мулла. В разгар полудня на дороге появился какой-то курд. Подойдя к источнику, он опустился на руки и, припав лицом к источнику, стал жадно пить воду.

¹ Букв.: 'съем изюм'.

² Букв.: 'одну стерону головы спустил вниз'.

Мулла сказал: «Сын мой, впредь так не опускай [разгоряченного] лица в воду, это вредно». [Юноша] сказал: «*Курбан*, почему вредно?» Мулла ответил: «Это вредно для ума». «Учитель, а что такое ум?» — сказал [тот]. Учитель сказал: «Дитя [мое], да я не с тобой [говорю]. Я имею привычку иногда бормотать про себя, так что, это я не тебе!»

12

У одного курда была необычайно злая жена, и он очень боялся ее. Каждый день он покупал мясо и просил ее: «Приготовь из него *кашкак*». Однажды жена сказала ему: «Человек, вот уже наступило лето и теперь *кашкак* не едят, и больше *кашкак* не проси. Если ты еще раз произнесешь [слово] *кашкак*, тебе не сдобровать»¹. Случилось так, что на следующий день муж принес кусок жирного мяса. Жена спросила: «Что приготовить?» Ни слова не говоря, муж пошел, приставив к водосточному желобу лестницу, забрался на кровлю и тогда крикнул оттуда: «Ей Богу, *кашкак* и еще раз *кашкак*!»

13

В давние времена один из персидских правителей издал указ: схватить всех авраманских *бекзаде* и выколоть им глаза. Схватили [всех] *бекзаде* и собрали их в одном месте, а сам [паша], стоя на кровле, наблюдал за ними. Вдруг он заметил среди них одетого в лохмотья человека. Он крикнул: «Приведите его ко мне!» Когда его привели, [паша] спросил: «Эй, человек, ты что, тоже *бекзаде*?» А тот сказал: «*Курбан*, как выкалывать глаза — так я *бекзаде*, хотя до сегодняшнего дня я таскал им дрова!» Паша подивился его ответу и отпустил его.

¹ Букв.: 'плохо с тобой сделаю'.

14

Некая женщина имела сына, брата и мужа. Все трое были схвачены иранскими властями и приговорены к повешению. Стоя у виселицы, которая была установлена для них, женщина теряет сознание. Правитель велит привести ее. Ее приводят. [Он] говорит: «Женщина, одного из троих твоих близких я помиую, сама выбирай, которого из них». Женщина немедленно ответила: «Моего брата». Правитель говорит: «Почему ты выбрала брата? Или ты не испытываешь любви к сыну и нежности к мужу?» А она говорит: «Господин правитель, завтра я пойду [и] снова выйду замуж, вот и будет у меня муж, и родится сын у меня, так что и сын будет. А вот мой отец и мать уже не воскреснут и не дадут мне второго брата!» Услышав такой ответ, правитель помиловал всех троих.

15

Некая женщина имела двух любовников. Одного из них звали Джабар, другого Абас. Случилось [так, что] в один из вечеров оба они отправились к той женщине. В это время неожиданно явился муж. Женщина второпях упрятила их. Затем она принялась жаловаться мужу [и просить]: «Купи мне то, принеси мне это». Что бы она не попросила, муж отвечал: «Джабар даст»¹. Тут Джабар высунул из кормушки голову и сказал: «Все на меня сваливаешь! Что же ты у толстомордого² Абаса ничего не потребуешь!?»

16

Некий человек выкрал где-то овцу. Пригнал ее домой и говорит жене: «Пойду-ка в город, продам ее, а на эти деньги куплю кое-какие вещи». Погоняя впереди себя овцу, отправился

¹ Игра слов: «джабар» означает «могущественный», «всемогущий» (здесь — эпитет Бога).

² Букв.: 'толстошеего'.

он в город. На полпути у него крадут овцу. Возвращается он домой с пустыми руками, [и] жена спрашивает его: «За сколько продал овцу?» «Ей-богу, жена, продал по своей цене!»

17

У одного слепца была жена. Жена очень любила его и всякий раз говорила ему: «Муженек, были бы у тебя глаза, посмотрел бы ты, как я нежна и красива». А слепец ответил как-то: «В самом деле, будь ты так хороша, как говоришь, не досталась бы ты мне!»

18

Были два курда. Одного из них звали Азад, другого — Шерзад. Оба они были сильными и смелыми. Пошли они к одному человеку в батраки. Как-то ночью спали они по одну сторону обмолоченной кучи зерна, а хозяин — по другую сторону. В полночь является к ним вор. Хозяин зерна замечает [его], но не осмеливается окликнуть [его] и начинает бормотать про себя: «Были бы у меня деньги, привел бы я жену, родила бы она мне двух сыновей, одного из них я бы назвал Азад, другого — Шерзад». Дойдя до слов «Азад и Шерзад» он произносит их как можно громче. Тут Азад и Шерзад просыпаются и хватают вора.

19

У одного *аги* был нерадивый слуга. Однажды отправил *ага* его на базар купить масла и рису. Прошло много времени, а слуга все не возвращался. Когда же он наконец вернулся, оказалось, что купил он только рис, а масла не принес. Хозяин сильно рассердился и стал бранить его: «Собака, сын собаки! Раз уж ты так поступил, то в следующий раз, когда я pošлю тебя за чем-нибудь, ты должен будешь вместо одной [веле-ной] вещи принести две вещи!» Однажды, заболев, *ага* велит слуге: «Ступай [и] приведи мне лекаря». Тот уходит, а спустя

некоторое время возвращается, ведя за собой лекаря и еще какого-то человека. *Ага* спрашивает его: «Это еще кто?» А тот отвечает: «Не ты ли в тот день бранил меня и говорил, чтобы впредь вместо одной веленной вещи я приносил две?! Теперь ты велел мне пойти привести лекаря. Так вот, этот из них лекарь, и если он излечит тебя — хорошо! Если же он не вылечит тебя, то другой из них могильщик — он выроет тебе могилу!»

20

Жил в Сулсймании *васта* Гуруни — плотник. Как-то идет к нему Хама, [сын] тетушки Хадже и говорит: «*Васта*, этой ночью у нас родился мальчик, сделай нам колыбельку для него». А тот говорит: «Пожалуйста, послезавтра пришлите за ней». Хама уходит, а напослезавтра посылает за колыбелькой. *Васта* Гуруни говорит: «В пятницу [приходите]». Пришли за ней в пятницу, [а] он говорит: «Завтра [приходите]». И назавтра колыбелька не была готова. Тем временем мальчик подрос, и отец привел ему жену. У него тоже родился сын. Отец сказал ему: «Сынок, ступай к *васта* Гуруни и скажи: "Отец прислал меня за колыбелькой"». И тот пошел и сказал ему. *Васта* Гуруни опять сказал: «Завтра». [Тогда] юноша сказал ему: «*Васта*, что это за разговор? В свое время отец заказал [колыбельку] для меня. Теперь я сам уже женился, и у меня родился сын. А ты никак не доделаешь эту колыбельку!» *Васта* рассердился и сказал: «Ступай-ка братец, Бог с тобой, я такие дела столь поспешно не делаю!»

21

Некий вор пошел грабить дом. [Сначала] он заглянул в потолочное отверстие, чтобы узнать, спят [хозяева] или бодрствуют. Хозяин дома, лежавший рядом с женой, заметил его и сказал жене: «Ей-богу, жена, хорошо, что Всевышний ниспослал нам все это богатство!» А [надо сказать, что]

женился он недавно. Жена сказала: «В самом деле, муж, как досталось тебе это состояние?» Он сказал: «Клянусь Богом, жена, ведь поначалу я занимался грабёжом. Ночью я подкрадывался к какому-нибудь дому и затаившись ждал, пока взойдет луна. [Тогда] я забирался на кровлю. Луч луны тем временем проникал через потолочное отверстие вниз. Ухватившись за него и повторяя: "тырп, тырп"¹, я спускался по нему вниз, забирал все, что оказывалось в доме, взваливал себе на плечи и, снова ухватившись за луч и произнося "фыджук, фыджук"², поднимался и уходил. Вот так и накопил я это состояние». Услышав эти слова, вор подумал: «Если так, то это очень просто. Сделаю-ка и я так». Он притаился, пока взошла луна, и луч ее через потолочное отверстие проник вниз. [Тогда] он ухватился за него, чтобы опуститься по нему вниз, повторяя при этом «тырп, тырп», [и тут же] с грохотом шлепнулся наземь, переломав себе все кости! Хозяин дома встал, крепко связал ему руки и, швырнув его в сторону, сказал: «Теперь лети³ себе».

22

Жил один человек, звали его дядюшка Вайса. И была у него жена, ее звали тетюшка Хаза. Молодость свою они провели вместе. Дядюшка Вайса имел круглую, тронутую седной⁴ красивую бороду. [И] в этом возрасте он взял да привел другую — молоденькую — жену. Имя ее было Наза, но звали ее Назе⁵. Конечно, как того требовал *шариат*, одну ночь дядюшка Вайса проводил с Хаза, другую — с Наза. В ту ночь, когда он бывал у Наза, своими прелестными пальчиками она выдергивала из его бороды белые волосинки, которые так не нравились ей. А в ту ночь, когда он бывал у Хаза, та выдер-

¹ Звук падающего предмета.

² Звук, издаваемый куропаткой при взлете.

³ Букв.: 'делай «фыджук — фыджук»'.

⁴ Букв.: 'борода его смешала маш с рисом'.

⁵ Наза — «нежная».

гивала из его бороды черные волосинки, чтобы седых стало больше и [чтобы] они бросались в глаза Наза. Вскоре борода дядюшки Вайса стала походить на общипанную курицу. На лице его не осталось ни единой волосинки. Все стали спрашивать его: «Дядюшка Вайса, что стало с твоей бородой?» А он отвечал:

«Одна ее половина попала в руки Хаза,
[Другая] ее половинка ушла к Наза,
Сам же я прыгаю [от одной к другой]».

23

Некий человек, стоя у реки, переносил [на себе] через нее людей. Пришли несколько человек и сказали: «За сколько перенесешь каждого из нас?» [Тот] ответил: «По одному *крану* с каждого». [Они] сказали: «А если вода унесет нас?» [Он] ответил: «Кого из вас унесет, за того можете не платить!»

24

Был один человек. Звали его Аха-Хырнук. Аха-Хырнук был музыкантом — проводил праздники. Была у него жена, которую звали Баджи-Саман. А Баджи-Саман занималась тем, что оплакивала покойников. Кто бы ни умер, приходили за ней, и она оплакивала покойника [и] была главной плакальщицей. Несмотря на это, жили они в большой нужде. Как-то вечером Баджи-Саман стала выражать мужу свое недовольство¹ [жизнью]. Аха сказал ей: «Несчастливая, что ты дуешься? Кто еще живет так, как мы с тобой? Ведь мир держится на двух вещах² — это радость и горе, и то и другое мы держим в своих руках. Если мы захотим повеселиться — я начну воспевать твой стан. Если же вздумаем горевать, ты начнешь оплакивать меня. Что тебе еще надо?»

¹ Букв.: 'повесила нос'.

² Букв.: 'мир имеет два конца'.

25

Однажды, [когда] Мавлави сидел в одной компании в городе Сенне, его спросили: «Вот ты говоришь: "Мои соплеменники любят и чтят меня". Как ты докажешь, что это так?» А он говорит: «Может, я ничего и не скажу [вам], но для меня достаточно того, что однажды некий авраманец, чрезмерно нагрузив осла, пытался поднять его на гору Арез, а осел упирался и не шел. [Тогда] тот воскликнул: "Ну пошел, пошел! Клянусь Богом, будь ты сам Мавлави, все равно я заставлю тебя подняться!"».

26

Как-то в городе Сенне сидит Мавлави в гостинной Реза-хана Вали-заде, [и] Вали спрашивает его: «Учитель, хорошо ли поступают ученики [медресе], сходясь с женами своих наставников?» А он говорит: «Да, если согласны жены!»

27

В одном селении, [расположенном] у подножья вон той горы, [жители] не имели пастуха¹. Жил там один ленивец-бездельник. Позвали они его и сказали: «Будешь пастушничать для нас или нет?» [Он] говорит: «Если оседлаете для меня осла, чтобы я мог ездить на нем, дадите мешок изюма, чтобы я держал его перед собой и лакомился, да еще отправите со мной мальчика, чтобы он собирал стадо, если оно разбежится, почему бы и нет?»

28

Один год Махмуд-паша Джаф враждовал с отцом Джамил-бека Бабана. Махмуд-паша велел набрать с каждого племени по сорок — пятьдесят всадников. Целый день и ночь он

¹ Букв.: 'пастуха, пасущего крупный рогатый скот'.

наставлял их и затем направил в Кыфр разгромить врага. Они отправились, а спустя три дня войско вернулось обратно. [Он] спросил: «Ну, что вы сделали?» [Они] ответили: «*Курбан*, добравшись позавчера до окраин Кыфра, стали мы советовать-ся, как нам лучше расправиться с неприятелем, но тут кто-то чихнул (т. е. велел подождать)¹. Вот мы и повернули обратно!»

29

Некий *шахризурец* купил у знакомого купца в Сулеймании кос-какой товар [с условием], что деньги он отдаст ему по осени, во время урожая. Купец взял [платежную] книгу и стал записывать²: «Десять *гязов* миткаля, каждый *гяз* по два, т. е. по два с половиной *крана*, итого — двадцать пять *кранов*, двадцать *гязов* ситца, каждый *гяз* по одному *тарани*, т. е. по одному *риалу*, и все это составит двадцать пять *тарани*. Баночка мази стоит два *крана*, итого два с половиной *крана*. Женская шапочка ценой в три *крана*, итого — три с половиной *крана*. Одна *кава* со стоимостью шитья и всего прочего составит тринадцать *кранов*, итого — пятнадцать. Пара башмаков и пара *кляшей* стоимостью в десять *кранов*, итого, так уж быть, десять *кранов*». Записав все это в книгу, он затем сказал: «Дорогой мой, только ты не подумай, что я не уважил тебя, [ты же знаешь], моя лавка — твоя лавка, но дело в том, что я должен людям, а ты раньше чем через три месяца не отдашь мне деньги. [Так что] пусть восемь *кранов* составят проценты!» Он написал и это, а затем сказал: «Душа моя, ведь ты, слава Богу, владеешь зерном, пахотными волами, и когда ты соберешь урожай, то оставшиеся после жатвы колосья ты, наверняка, продашь людям за десять — пятнадцать *тарани*. Так что еще восемь *тарани* — за остаток урожая». И это было записано.

¹ У курдов существует поверье: если при обсуждении какого-либо дела, которое предстоит совершить, кто-нибудь чихнет нечетное число раз, значит дело это обречено на неудачу и его следует отложить.

² Букв.: 'сказал'.

Потом он сказал мужчине: «Как я уже сказал тебе, эта лавка — твоя лавка, тут есть все, что ты пожелаешь!» Мужчина завернул свои покупки и, горячо поблагодарив его, ушел!

30

У одного христианина был пахарь¹, был он очень злым и упрямым. Как-то зимним вечером, наевшись гороха, ага и пахарь сидели у очага. Аге сильно захотелось пить. Горох вызвал у него жажду, но попросить [слугу] принести воды он не осмеливался. И тогда он сказал [вслух]: «Наверно, вода в кувшине, что стоит на веранде, стала совсем холодной. Хорошо бы попить ее сейчас!» Нахмурившись, пахарь сердито произнес: «Ночь морозная, и конечно вода будет студеной». Ага сказал: «Ах, как горох вызывает жажду!» [Тот] мужчина сказал: «Сукин сын, выход тут один — надо меньше его есть!»

31

Некий курд [путешествуя] попал как-то в Багдад. Стояла жара. Слышит он, какой-то араб громко кричит: «Холодная вода!»² Курд окликнул его: «Эй, брат, налей-ка мне этой холодной воды на два *крана*!» Напившись вдоволь, он увидел, что это обычная вода и ничего больше! Вернулся он в свои края. Все³ стали расспрашивать его о Багдаде. А он и говорит: «Ребята, если вы попадете в Багдад, и один человек будет кричать: "Холодная вода", — не вздумайте пить ее, так как это обычная наша вода».

32

Два курда, путешествуя, оказались в стране арабов. Ни верблюдов, ни финиковых деревьев они прежде не видели. [Тут] им повстречался караван верблюдов. От громадных размеров

¹ Имеется ввиду пахарь, нанявшийся на сезонную работу.

² По-арабски.

³ Букв.: 'юноши и старики'.

и уродливости верблюдов они пришли в изумление. Затем они набрали на финиковую рощу. [А] финиковые деревья были очень высокими. Один из них говорит: «Брат, это еще что такое? Почему Бог создал финиковые деревья такими высокими, что человеку не дотянуться до них?» А другой из них отвечает: «Братец, это он от страха перед верблюдами!»

33

К одному бедному курду однажды появился гость. Он встал, [пошел] и, с трудом раздобыв в долг одну горсть риса и горсть масла, принес и отдал жене, чтобы та приготовила им еды. А жена взяла и все масло разом бухнула в горсть риса и сварила еду. Вечером, когда она поставила еду на стол, гость, из-за того что еда была очень жирной, никак не мог добраться до риса. [Он] быстро насытился и отказался [больше есть]. Когда он ушел, муж сказал жене: «Жена, я с таким трудом добыл в долг это масло, и почему ты все сразу бросила в еду?» Жена ответила: «Клянусь Богом, муж, сделала я это ради твоей чести!» Муж сказал: «Клянусь, уж лучше бы ты опозорила меня, но только бы не потратила зря столько масла!»

34

Некий человек оказался гостем в одном курдском доме. Накрыли стол. Еда была очень горячей, и гость обжег себе весь рот. [Но], чтобы хозяин не заметил этого, он невольно задрал голову и, оглядев потолочные балки дома, сказал: «Братец, за сколько ты построил этот дом?» А хозяин дома ответил: «За два дуновения и одно терпение!»

35

Пришел к мулле один человек и сказал: «*Курбан*, в один из дней *рамазана* я нарушил пост¹, как быть?» [Мулла] сказал: «Вместо того дня попостись еще день». [Тот] сказал: «Да я

¹ Букв.: 'поел'.

постился на другой день, но когда пришел домой, [вижу] — дети приготовили *кашкак*. Я не удержался и поел немного». [Мулла] сказал: «Ну что ж, попостись вместо него другой день». [Тот] сказал: «*Курбан*, я и за этот день постился, но опять случилось [так, что], вернувшись домой, [вижу] — дети приготовили *каурму* с горохом. Не удержался я и отведал немного». Мулла сказал: «Я думаю, что тебе лучше не поститься до тех пор, пока ты не свяжешь себе руки и не сложишь их, подобно ослу, себе на шею. Тогда ты сможешь соблюдать пост!»

36

Некий человек рассказывал: «Зашел я как-то в *худжру* одного муллы, который обучал детей, вижу — он один. Я сказал: "*Афанди*, где же твои ученики?" Он сказал: "Вон они играют на улице". Я сказал: "Хочу посмотреть на них". Мулла сказал: "Слушай, я боюсь идти с тобой, чтобы показать их тебе. Ступай сам, вон они на той улице, [там] увидишь их. Тольконими головной убор, не то они издали примут тебя за меня, и тогда тебе не сдобровать!"»

37

Однажды в Курдистане, в одной из деревень, собрались на пятничную молитву. Видят они — одного человека недостает, ибо у *шафиитов* на молитве должно быть сорок человек. Долго они ждут, но никто больше не появляется до самого вечера, [как вдруг] видят они — к их деревне издали направляется какой-то человек с войлочной накидкой на плечах. Они идут ему навстречу и говорят: «Есть одно святое дело, и выполнение его зависит от тебя, [и] ты должен сделать это во имя Бога». [Тот] спрашивает: «А в чем дело?» [Они] говорят: «Идет пятничная молитва, и без тебя ее не завершить». [Он] говорит: «Погодите немного». Скинув башмаки и взяв их подмышку, он сворачивает свою войлочную накидку, кладет ее на плечо и, едва переступив порог, тут же выходит. [Те] говорят: «Что

это ты сделал и куда ты идешь?» [Тот] говорит: «Слушайте, отстаньте от меня. До сих пор тысяча просьб у меня была к Богу, но ни одну из них он не выполнил. Теперь, когда его дело зависит от меня, — что я, сумасшедший, чтобы сделать это для него?»

38

У одного курда была жена. Всякий раз она набрасывалась на него с палкой и нещадно колотила его, и не было ему от нее никакого спасения. Задумал он пойти к мулле и пожаловаться на жену. Отправился он к нему. Когда он достиг ворот дома мoulлы, слышит¹ — изнутри доносится шум, какая-то возня, и [тут] выбегает мoulла, прикрывая руками голову. Когда он взгляделся внимательно, то видит — это жена мoulлы бьет его деревянным башмаком, и весь он избит! Увидев это, мужчина молча повернул назад. В это время его увидел мoulла и крикнул ему: «Иди сюда, брат, что тебе надо?» А он сказал: «*Курбан*, клянусь твоей головой, нет у меня никакого дела». [Мoulла] сказал: «Нет, раз уж ты пришел, то, наверно, не без дела». [Тот] сказал: «Если вправду, то моя жизнь в руках моей жены стала просто невыносимой, [она] постоянно избивает меня палкой. Вот я и подумал, пойду-ка я к *мамоста* и пожалуюсь ему на нее. Но увидев, в каком ты сам положении, я подумал: раз так, то мне лучше вернуться!» Мoulла сказал: «Ступай и скажи этой злосчастной женщине, что она не вправе бить тебя палкой. Согласно *шариату* жена может бить мужа только деревянным башмаком и ничем другим!» Мужчина сказал: «Раз так, да будет проклят он!»

39

Среди курдов рассказывают: в одном городке, жители которого были идолопоклонниками, однажды, когда у них был праздник, [они], украсив осла бархатным седлом, шелковой

¹ Букв.: 'видит'.

уздечкой, серебряными бубенчиками и водрузив на него своего идола, повели его по городу. Все люди, которые встречались на его пути, кланялись идолу, преподнося ослу блюда с разными сладостями. Увидев себя в таком почете, осел страшно возгордился. Он принялся кусать людей и бить их копытами! Один курд из того городка наклонился к нему и шепнул ему на ухо: «Несчастный, что это ты завоображал? Ведь все эти почести и поклоны [предназначены] идолу, а не тебе. Немного погодя, когда идола не станет, ты снова превратишься в прежнего осла, снова тебя навьючат и начнут шпынять стрелом!»

40

Хаджи Ибрагим Дака объявил по своей деревне: «Кто не будет совершать *намаз*, с того штраф [в виде] одной курицы». Жил [там] один человек по имени Кули. Было у него несколько кур, [и всех] их он отдал за штраф, ни одной не осталось. Пошел он в мечеть и стал молиться: «Хвала [Всевышнему], приношу эту молитву Хаджи Ибрагим-беку». Спрашивают его: «Слушай, почему ты так говоришь?» Он отвечает: «Братья, Хаджи Ибрагим-бек разорил меня! Я не хочу совершать *намаз*, а он меня заставляет молиться. Вот я и совершаю по нему *намаз*! Разве отец мой или дед мой совершали *намаз*? При чем я и при чем *намаз*!?»

41

Один *бангбег*, держа в руке клочок бумаги, [то и дело] заглядывал в него, призывая людей к молитве. Его спрашивают: «Разве так зовут [на молитву]?». [Он] ответил: «Пойдите и спросите у муллы». Пошли они к мулле и сказали: «Салам алейкум!». Мулла вытащил из-под матраца листок бумаги, поглядел в него и потом сказал: «Ва алейкум ассалам!»

42

Дядюшка Хама жил в Шахризуре. Был он человеком набожным. Однажды, когда он совершал в мечети *намаз*, сидевшие у очага люди стали говорить о нем, какой, мол, дядюшка Хама благочестивый. А он прервал свой *намаз* и произнес: «Я еще и пост соблюдаю!»

43

Пришел один курд к мулле и сказал: «*Курбан*, наш староста притесняет меня и обирает мой дом. Не знаю, покарает ли его Бог за меня в день Страшного суда?» А мулла сказал: «Брат мой, ислам велик, в день Страшного суда Бог скажет тебе: "Прости этого человека", [а за это] он вдвое увеличит твой дворец. И если ты простишь его, то и Бог его простит». Мужчина сказал: «Учитель, если Бог скажет: "Прости его, и я вдвое увеличу твой дворец", я отвечу ему: "О Всевышний, не надо мне дворца, ниспошли мне хоть захудалую мельницу. Только того негодяя я все равно не прощу!"»

44

Один *факе* рассказывал: в одном году в горном Бане стояли большие морозы. Вошел я в мечеть для совершения *намаза*. Было ранее утро, и в мечети было очень холодно. Поспешно совершив *намаз*, я отправился в *худжру*. В *худжре* было маленькое оконце, которое выходило¹ внутрь мечети. Был [там] один седовласый старик, звали его мам-Васман. [Гляжу], совершив омовение, отчего на усах и бороде его вода застыла в виде мелких сосулек, он второпях завершил *намаз* и снова поклонился. А я крикнул ему из окошка: «Не принял». Мужчина поглядел вокруг себя — никого нет. Он поднялся и повторил *намаз*. Я опять сказал: «Не принял». Он снова огляделся — никого не видно, — очень удивился, а от холода у него нет уже сил. Поневоле поднялся он и повторил молитву.

¹ Букв.: 'глядело'.

Я снова сказал: «Не принял и не одобряю». Тут он вскочил, сунул ноги в башмаки и, направляясь к выходу, крикнул:¹ «Принял, не принял! Чтобы тебе ослепнуть и сломать шею! Я тут окоченел от холода, а он: "не принял, не принял"! Все это болтовня! Подавись своими словами! Сам сидит на небесах, а людей заставляет трястись!»²

45

Расу-ага *мангур* творил много зла, но время от времени ходил в мечеть помолиться. Ему говорили: «Ага, а зачем ты молишься?» Он отвечал: «Слушайте, а вдруг муллы правду говорят, что есть день Страшного суда. Так пусть хотя бы это будет у меня за душой!»

46

У одного курда было стадо овец. Был он человек набожный. Напал на его стадо мор. Всякий раз, пока он ходил в мечеть и возвращался, часть стада гибла. Дошло до того, что осталась у него одна коза. Коза была очень беспокойной. Однажды хозяин обратился к ней и сказал: «Лучше уймись, негодница, не то пойду молиться по тебе и от тебя отделаюсь!»

47

Рассказывают, как-то весной один человек отправляется к другому [в гости]. Тот принимает его очень радушно. Следующей весной он снова едет туда, но на этот раз ему не оказывают прежнего гостеприимства. Он и говорит: «Место то же, да весна не та!»

48

Рассказывают, некая женщина имела сына и дочь. Сын женился, и дочь вышла замуж, и оба они остались жить в ма-

¹ Букв.: 'сказал'.

² Букв.: 'людей превратил в трепальщиков хлопка'.

теринском доме. Как то ночью сын с невесткой спят на одной стороне кровли, а дочь с зятем — на другой. В полночь мать обходит их. Подойдя к постели невестки, она шепчет ей: «Жара ведь, немного отодвиньтесь друг от друга». Когда же она идет к постели зятя, ему она говорит: «Холодно, прижмитесь друг к другу», — пока в одну из ночей юноша не говорит ей: «Мама, а что на одной крыше два климата?»

49

Рассказывают, что у одного бедняка была дочь. До того как выйти замуж, она рождает сына. Однажды сидит тот человек с какими-то людьми, и заходит речь о детях, об их появлении на свет. Тот мужчина, отец девушки, и говорит: «Ей-богу, все зависит от Всевышнего, и мужья тут ни при чем. Вот дочь моя Фатима и замужем не была, а какой у нее родился сын!»¹

50

Рассказывают, что у одной старухи была невестка, [и] звали ее Майасе. Никогда старуха не кормила ее досыта. Однажды, обмазав глиной полы в комнате, где хранился кувшин с маслом, старуха вышла во двор. Ее невестка, [страдающая] от голода и [трясаясь] от страха, села верхом на осла и пошла по комнате до того кувшина с маслом. Она выгребла из кувшина пригоршню масла и съела. Когда возвращается, свекровь видит — на полу следы от ослиных копыт. Подойдя к кувшину с маслом, она обнаруживает в нем следы невесткиной ладони. Когда она спрашивает [об этом] невестку, та говорит: «Не знаю, наверно осел входил в комнату». А эта говорит:

«Копыта осла, а ладонь Майасе,
От этой истории голова моя раздулась [совсем]!»

¹ Букв.: 'слуга'.

III. ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

1. Ловит усталую газель (т. е. бьет слабого).
2. Остывшее железо дутьем не размягчить.
3. Мельница, которая много мелет, намалывает и мелко, и крупно (т. е. когда берешься сразу за много дел, не все получается хорошо).
4. Дружба кота с мышью (т. е. неискренняя дружба).
5. Понадеялись мы на Вайса, а Вайс оказался суннитом (т. е. не оправдал надежд).
6. Если бы он жевал, то ел бы мясо (о бездейтельном человеке).
7. Не будешь сильным — будешь забитым.
8. Если бы шкура была хороша, то была бы на плечах ее хозяина (ср.: «На тебе, боже, что нам не гоже»).
9. Если ты не цветок, то не будь и колючкой.
10. Кто дает душу, [тот] и отнимает душу.
11. Тот, кто боится, [тот] не ошибается.
12. Тот, кто вдали от тебя, [тот] мил.
13. То, что есть в миске, [то] и вычерпывается ложкой.
14. Сначала получи груз, а потом плати (т. е. не верь на слово).
15. Грузит орехи, [а] шума не слышно (о ловком работнике).
16. Голубей ловят на голубятне (т. е. всему свое место).

17. Где девять, там и десять¹ (ср.: «Беда не приходит одна»).

18. Пусть котелок остается опрокинутым (т. е. пусть остается в тайне).

19. Ветер летит мимо ушей (о пустых речах).

20. Брат стал племянником, и дела расстроились².

21. Ест жареный ячмень и руки мылом моет (т. е. он очень аккуратный, чистюля).

22. Когда Бог гневается на козла, тот съедает хлеб пастуха.

23. Пошел по бороду, [да] усы на кровле оставил (т. е. вместо выгоды оказался в проигрыше).

24. Не верь улыбке тирана.

25. Голосу муллы не верит, а верит крику осла.

26. Скупость несет позор.

27. Его молитвенный коврик по воде плывет (об очень набожном человеке).

28. Мое счастье во всем черное и только в арбузе — белое (об очень невезучем человеке).

29. Благодаря хлебному колосу тысяча сорняков напиваются влагой.

30. Ерзаньем на месте Багдада не взять (т. е. большие дела легко не даются).

31. Циновка рвется там, где тонка (ср.: «Где тонко, там и рвется»).

32. Бедному курду все равно — что волк, что всадник (т. е. все равно он притесняется).

33. Прикрой лицо ситом (в шутку говорят человеку, который застенчивился чего-либо).

34. Наглеца поместили в ад, [а] он сказал: «Мне холодно».

35. Дашь мулле [в долг] денег, он выгонит тебя из мечети.

36. Дашь подлецу ножку [куриную], он и бедро захочет.

37. Плюет на раскаленную золу (т. е. разжигает ссору).

¹ Букв.: 'пусть будет десять сверх девяти'.

² Считается, что племянники отличаются неблагодарностью.

38. Человек, научившийся есть плов к старости, руку [с пловом] тянет к носу (в шутку говорят человеку, поздно взявшемуся за какое-либо дело).

39. [Даже] кошке нечего поесть в его доме (говорят об очень скупом человеке).

40. Если бы при раскаянии вырастали рога, у него они выросли бы (о человеке, сильно раскаявшемся в чем-либо).

41. Лучше раскаяться, чем промолчать о раскаянии.

42. Разорившийся человек вспоминает дальних родственников и старые долги.

43. Кожа его не поддается дублению (т. е. с ним не договорится).

44. Пока скажешь: «Пора» — виноград поспеет (т. е. будет поздно).

45. Пока хан соберется, войско разбежится (о ленивце, который никак не возьмется за дело).

46. Пока хозяин дома ловил вора, вор поймал хозяина дома (говорят, когда неправый опережает правого).

47. Пока ты не вышла замуж — ты *эмир*, когда вышла замуж — ты староста, а как родишь — ты старуха (обычно говорят девушке, стремящейся к замужеству).

48. Пока гора не разрушится, овраг не наполнится (говорят, когда умирает богач, оставив бедным родственникам большое состояние).

49. Пока прикроешь одну дыру, сотня других дыр появляется (ср.: «Где тонко, там и рвется»).

50. Пока теленка превратишь в быка, кровь свою превратишь в воду (т. е. трудно вырастить ребенка).

51. Виновный [развлекается] со своей возлюбленной, а невинный вздернут на виселице (говорят, когда невинный страдает вместо виновного).

52. Смерть осла — праздник для собаки (?).

53. Месть терпелива, но жестока.

54. Полная чаша — мир в доме.

55. Да не умрет приказчик, а умрет слуга (т. е. пусть лучше умрет младший в доме, чем глава семейства).

56. Стрелу пускает, а лук прячет (о человеке, говорящем намеками).

57. Пока из этой дыры дует этот ветер, огонь этот не разгорится (говорят о человеке, который мешает другому в каком-либо деле).

58. Пеки хлеб в горячем *тандуре*, в холодном не испечешь (ср.: «Куй железо, пока горячо»).

59. Сообразительность слаще изюма.

60. Трет лук о меч (ср.: «Нашла коса на камень»).

61. Чаша говорит — [лучше] разбиться, чем звенеть (т. е. лучше смерть, чем дурная слава).

62. Ячмень на стене молотит (делает невозможное).

63. Русло, по которому течет вода, высыхает с трудом (т. е. трудно отделаться от привычки).

64. Ручейку море не замутишь.

65. У ткача не было рубахи, так ему приснился рулон бязи.

66. Добро рождается от добра.

67. Источник ложной реки — недалеко (т. е. ложь разоблачается вскоре).

68. Глаза встречаются с глазами, лицо с лицом (т. е. человек встречается с человеком, а потому не делай никому ничего дурного, потом стыдно будет).

69. Чего мне бояться, [если] у меня есть деньги.

70. Старый плетень — что он есть, что его нет (о никчемном, ненужном человеке).

71. Шакал — реке, Рахш — Ростаму (т. е. каждому свое).

72. Если и скажут: «Медведь снес яйцо», — [значит], он сделал это (т. е. от него всего можно ожидать).

73. На пути доброго человека колючки не попадают.

74. Кинжалом режет солому (т. е. бьет слабого).

75. Привычка, полученная с детства (букв.: 'с молоком матери'), не утрачивается до старости.

76. Хыла грузит, а Была покрывает [груз] ветками (говорят о человеке, который приступает к работе, которую уже сделал другой).

77. Спотыкание — наказание торопящемуся (т. е. не проявляй ни в чем поспешности).

78. Да не покажет Бог солнца окоченевшей змее (т. е. зло следует наказывать).

79. Бог посылает [людям] холод по их одежде (ср.: «По одежке протягивай ножки»).

80. Сладок огонь, сладок дым [и] брат сладок, но не так, как муж.

81. Лучше есть золу от очага своего дома, чем чужой плов.

82. Я же не змей, чтобы жить в песках (т. е. каждый живет по-своему).

83. Я же не курица, чтобы драться с помощью клюва (т. е. каждый выбирает оружие по себе).

84. Напьется его крови и не охнет (т. е. жаждет его крови).

85. Хала-торговец [только] весами и интересуется (ср.: «У кого что болит, тот о том и говорит»).

86. Пронзишь его мечом — кровь не пойдет (говорят о разгневанном человеке).

87. [Пока] дерево состарится, только один раз сокол садится на него (т. е. человеку за всю жизнь только один раз представляется случай для исполнения желания).

88. Ложь в сердце не проникает.

89. Вор вора узнает (ср.: «Рыбак рыбака видит издалека»).

90. Мелкий (букв.: 'недостойный') вор лезет на сеновал.

91. Сердце сердцу зеркало (ср.: «Как аукнется, так и откликнется»).

92. Ничьему сердцу не причиняй боли, если же причиняешь — знай меру.

93. У [этого] мира глубокое дно (т. е. будь в этом внимательным и осторожным).

94. Подружился с умным врагом, жди от него беды¹.

95. Друг — тот, кто заставляет меня плакать, враг — тот, кто заставляет меня смеяться.

¹ Букв.: 'умный враг стал мне другом — жду от него беды'.

96. Дальновидность не влечет за собой раскаяния.

97. Протянешь руку [за подавaniem] — свалишься с ног (т. е. человек, живущий на чужие подачки, в конце концов пропадает).

98. Не своя рука, и [потому] берет ею змею.

99. Одна рука шума не создает (ср.: «Один в поле не воин»).

100. Руку, [которую] не могу отрезать, — целую (т. е. мирюсь с тем, что не в силах изменить).

101. Усталые руки — на сытом желудке (т. е. кто трудится, тот и ест).

102. Скажу — буду плохим, промолчу — самому [будет] плохо (говорят, когда человек сталкивается с несправедливостью, а сказать не может).

103. Правда подобна палке с загнутым концом (т. е. она относительна).

104. За скупостью следует позор.

105. Солнце [и так] видно, не следует указывать на него пальцем.

106. О том, каким будет день, видно по утру (т. е. о деле можно судить по его началу).

107. Труд имеет результатом богатство.

108. Прохожий идет [себе], а собака лает (говорят, когда придираются к кому-либо).

109. Лиса, не дотянувшись до винограда, сказала: «Он кислый».

110. Наша пряжа снова превратилась в шерсть (т. е. все пошло насмарку).

111. Его язык играет его головой (т. е. язык его подводит).

112. Кричит, но не летает¹ (т. е. много шумит, а делает мало).

113. Всадник и пеший при желании могут пожать друг другу руку (т. е. всегда можно найти общий язык).

114. Пес смел у порога своего хозяина.

¹ Букв.: 'крик его есть, полета его нет'.

115. Собака от лепешки не убегает (говорят, когда жена уходит от плохого мужа).

116. [Хоть] сто лет служи чужим, [все равно] кончишь неудачей.

117. Дашь собаке вести хоровод, она потянет его к корзине с хлебом (о человеке, который все делает с выгодой для себя).

118. Лучше головная боль от неспособного труда, чем головная боль от безделья.

119. Подними голову и познай Бога (ср.: «Побойся Бога!»).

120. Для тебя мне не жаль ни своей головы, ни состояния, но козла меньше чем за четырнадцать *шаи* не отдам (т. е. дружба дружбой, а торговая — торговлей).

121. Сытая собака не охотится.

122. Сядешь на чужого коня, всегда будешь пешим.

123. Голова сказала языку: «Пока ты мне сосед, не будет покоя моей душе».

124. *Сирван*, если и не поплыву через тебя, все равно ведь утопишь меня (т. е. чтобы я не делал, все равно виноват я).

125. Если прут не мокрый, он не гнется (т. е. воспитывай ребенка сизмальства).

126. Змею судят палкой.

127. [Пусть] сломит меня лев, но не съест лиса.

128. Сирийский меч в ножнах не залеживается.

129. Лучше продать что-нибудь, чем просить [помощи].

130. Что сделала ворона, чтобы сорока стала делать (т. е. если старший бездельничает, чего ждать от младшего)?

131. Разговор намеками горек и неприятен (т. е. говори прямо).

132. Цену золота знает золотых дел мастер.

133. Речи его, как зимняя слякоть (т. е. его слова бессмысленны).

134. Башмаки его поскрипывают, а живот урчит от голода (о человеке, который одевается в ущерб питанию).

135. Гулящая женщина кается, когда состарится (о дурном человеке, который перестает творить зло только тогда, когда теряет силу).

136. Дыню о колено разламывает (т. е. сильно раскаивается).

137. Не бросай камень в колодец, из которого пьешь воду.

138. [Лучше] сделать и раскаяться, [чем] не сделать и не раскаяться¹.

139. Курд заговорит — сам себя накажет (т. е. его подводит искренность).

140. Гора с горой не встречается, [а] человек с человеком встречается.

141. Осел упадет — зубы себе сломает (о голом пастбище).

142. Где осел свалился, а где курдюк прорвался (когда говорят о совершенно разных вещах).

143. Осел — мой, и [потому] подковываю ему ухо (т. е. вещь — моя, что хочу — то и делаю).

144. Осел, не умирай, весной получишь куртан в городе (говорят об обещаниях, которые долго не выполняются).

145. Обменял одного осла на другого, чтобы ему пусто было² (говорят, когда совершается обмен товаром без всякой выгоды; ср.: «Менять шило на мыло»).

146. Мертвый осел ячменя не ест.

147. Человек — тот, кто в тяжелые дни придет тебе на помощь.

148. Петух — герой на своей навозной куче.

149. Когда меня не станет, пусть после меня рухнет мир (ср.: «После меня хоть потоп»).

150. Дочь, с тобой говорю, а ты, невестка, слушай (говорят о словах с намеком).

151. [Настоящая] куропатка та, что поет в присутствии [другой] куропатки (т. е. если ты прав, то говори в лицо).

152. С быка шкуру сняли, а хвост оставили (о недоведенном до конца деле).

¹ Букв.: 'сделавши — раскайся, не сделавши — не раскаивайся'.

² Букв.: 'пусть из-под уха у него вылезут камни'.

153. Быка гонит прочь, а теленка растит (говорят, когда детей отрывают от родителей).

154. Глина, [из которой слеплены] муж и жена, выкапывается из одной ямы (ср.: «Муж и жена — одна сатана»).

155. Волк, а в овечьей шкуре (ср.: «Прикидывается овечкой»).

156. Опытный волк в ловушку не попадет.

157. Мясо его тебе, а кости мне (обычно говорят мулле, когда отдают ему на обучение ребенка, т. е. бей его, сколько нужно).

158. Ему постное мясо, [зато] не чувствую себя должником перед мясником.

159. Чужой теленок разрывает привязь (т. е. чужой ребенок рано или поздно уйдет из дому).

160. Не ходит по большой нужде, дабы не проголодаться (об очень скупом человеке).

161. [Один] вредный теленок все стадо позорит.

162. Домашний теленок быком не станет (ср.: «Маленькая собачка — до старости щенков»).

163. Когда в лесу не остается льва, волк с лисой пускаются в пляс.

164. Жара создает спрос на холодную воду (т. е. все хорошо в свое время).

165. Какой *гяз* и что за *бязь* (говорят, когда не понимают друг друга).

166. Взрослый прольет воду, а малый ступит в нее ногой (т. е. поступки детей определяются действиями взрослых).

167. [Смотри], не проиграй свой жемчуг (т. е. не отказывайся от своих слов).

168. Жемчуг [и] в грязи не затеряется.

169. По весне [и] козленок наскაკивает на свою мать (т. е. сытое существо на все способно).

170. Бедняк — божий богатырь (он ничего не боится, так как ему нечего терять).

171. Поспи под сенью льва, и пусть он съест тебя (ср.: «Лучше с умным потерять, чем с дураком найти»).

172. После трудностей [наступает] благополучие.

173. За спиной *эмиров* отсекает им головы (говорят о человеке, который поносит другого за его спиной, а в лицо сказать не решается).

174. В овечьей шкуре, а повадки волка.

175. Не спит на одном месте, чтобы вода не потекла под него (говорят об очень осторожном и предусмотрительном человеке).

176. На [всех] семи небесах не имеет своей звезды (т. е. звезда его закатилась).

177. Прошел семь вод и лодыжки не промочил (говорят об опытном, выдавшем виды человеке).

178. От подола отрезает и к спине пришивает (говорят об «экономном» человеке).

179. После дождя — накидка? (ср.: «После боя кулаками не машут»).

180. От злости на соседа дерет своего ребенка (т. е. вымещает зло на невинном).

181. Хитрее лисы (об очень хитром человеке).

182. У собаки просит подавание (об очень бедном человеке).

183. Бояться льва — не порок.

184. Ищет издохшего осла, чтобы снять с него подковы (говорят об очень бедном человеке).

185. Как поделить с братом быка? [Вот] с птицы можно каждому по ножке (говорят человеку, который жалеет поделиться с ближним).

186. С овцой плачет, а с волком ест мясо (о двуличном человеке).

187. [Попробуй] выдерни из этой земли хоть одну свеклу (говорят, когда требуют что-либо невозможное, нереальное).

188. От этой грязи только пыль поднимается (о подлом человеке, т. е. ничего хорошего не жди от него).

189. Тысячу раз мелет зерно, [а] муки нисколько не намаывает (о человеке, который никогда не доводит до конца начатого дела).

190. К несуществующему коню кормушку привязывает.

191. Каждому котелку половник (о человеке, который всюду сует свой нос; ср.: «В каждой бочке затычка»).

192. Укушенный змеей от пестрой веревки шарахается.

193. Где змея свернется в клубок, там и вырастет мята (т. е. не все делается так, как желаешь того).

194. Рыбой в море не торгуют (т. е. сделка не состоится).

195. Нельзя, чтобы дом не походил на своего хозяина.

196. Если не сорвать созревший плод, то он сгниет (обычно о засидевшейся в девках).

197. Мертвый съедает долю живого (о человеке, не приносящем никакой пользы).

198. Гость бывает не рад [другому] гостю, а хозяин — им обоим.

199. Дом Халила, а благодарение — Джалилу (обычно говорят человеку, в доме которого хозяйничает посторонний).

200. Добро,житое честным трудом, не теряется.

201. Корова умерла, и пахта кончилась (говорят, когда кто-либо теряет покровителя).

202. Умершего плачем не воскресить.

203. Покойник — и тот не уходит без савана (обычно говорит жена мужу, который выгоняет ее из дому, не дав ничего с собой).

204. Покойника чище не обмоют (т. е. более удобный случай вряд ли представится).

205. Мечеть рухнула, а *михраб* остался (т. е. то, что осталось, не столь важно).

206. По одной горсти судят о *харваре* (т. е. о большом судят по малому).

207. Крот — [и тот] не погрызет в его доме хлеба (о скаредном человеке).

208. Трется шеей о нож (ср.: «Лезет на рожон»).

209. Не смотри на его плешистую голову, [а] смотри на его счастливую долю (ср.: «Не родись красивой, а родись счастливой»).

210. Как легко быть муллой (т. е. ученым) и как трудно быть человеком.

211. Овца и волк вместе пьют воду (т. е. полный мир).

212. Не поливай меня грязью и не расхваливай потом.

213. У мужчин котелок закипает только через сорок лет (т. е. настоящего мужчину не так просто вывести из себя).

214. Обезьяна и без того была слишком хороша, да еще покрылась прыщами (т. е. только этого не доставало).

215. Он и муху не отгонит от себя (ср.: «...и мухи не обидит»).

216. Наследство осла принадлежит гиене (говорят о человеке, который оставляет свое наследство чужим).

217. Гость — праздник для хозяина.

218. Гость — осел хозяина дома (т. е. он должен считаться с ним во всем).

219. Поздний гость пусть пеняет на себя (говорят, если в доме не оказывается еды для нежданного гостя).

220. Гость пришел и выгнал хозяина (о бесцеремонном госте).

221. Будешь ласков с луком — он покусает тебя (т. е. не будь добр со злым человеком).

222. Мне хлеба, да моему ослу ячменя (говорят о ненасытном, жадном человеке).

223. Накорми собаку ради ее хозяина (т. е. прояви великодушие к дурному человеку ради достойного человека).

224. Пусть угощение твое будет ячменным, а обхождение пшеничным (т. е. радушный прием лучше хорошего угощения).

225. Соль ест, а солонку разбивает (о неблагодарном человеке).

226. Ни огонь, ни дым не заменят мужа.

227. Узор, [выведенный] на воде, тут же исчезает.

228. Больной — гость Бога (т. е. нельзя больного заставлять есть силой).

229. Не надо ни палки, ни бревна, будь прокляты они оба (т. е. один другого стоит, или: один хуже другого).

230. Половина тысячи — пятьсот (т. е. все ясно; ср.: «Как дважды два — четыре»).

231. Слова пока не отсеешь — не произноси (т. е. прежде чем говорить — подумай).

232. Пламя огня слаще плова [в холод].

233. Пока ты богат¹ — весь мир тебе брат.

234. Все что ни делается — за счет халифа (т. е. за все расплачивается глава семьи).

235. Что посеешь, только то и пожнут.

236. *Авраманец* и метанис копья — не бывает (говорят человеку, которому не по плечу то или иное мастерство).

237. Каждый день и в дождь, и в востер плешивец занят мытьем головы (ср.: «У кого что болит, тот о том и говорит»).

238. Ешь чеснок и играй на зурне (т. е. тебе это не к лицу).

239. Каждый свою мельницу крутит (т. е. каждый твердит свое).

240. С каждым говорят сообразно с его умом (иначе он не поймет).

241. Тот, кто роет чужому яму, сам в нее попадет.

242. Каждый подъем имеет свой спуск (т. е. за взлетом следует падение).

243. [Имей] тысячу друзей и одного только врага.

244. Все дороги ведут в одну деревню (говорят, когда несколько человек сходятся во мнении).

245. Любая вещь рвется от тонкости, а человек — от жестокости.

246. Кто чего боится, от того не спасется.

247. Всякий любит хлеб, но никто подобно пастуху не носит его на груди (т. е. он особенно ценит).

248. Мед горек на его губах (т. е. он сильно опечален).

249. Если веревку туго натянешь, она оборвется (т. е. знай во всем меру).

250. Сегодняшнее яйцо лучше завтрашнего цыпленка.

¹ Букв.: 'пока у тебя есть'.

IV. УСТОЙЧИВЫЕ СРАВНЕНИЯ-ПОГОВОРКИ, МЕТАФОРЫ

1. Подобно светильнику — себе не светит (о добром, бескорыстном человеке).

2. Как вошь в старой рубахе (о назойливом человеке).

3. Подобен псу, лающему на луну (говорят, когда ничтожный человек поносит достойного человека).

4. Подобен псу с подпаленными лапами (о гуляке и беспутном человеке).

5. Как упрямый осел — ищет себе смерти и ущерба хозяину.

6. Как петух, [кукарекающий] не вовремя (о человеке, все делающем не своевременно).

7. Как пестрая корова (о человеке в яркой, кричащей одежде).

8. Как осел в ручье — пьет воду с обеих сторон (о нена сытном человеке).

9. Как у чечевицы — обе половинки одинаковые (о двуличном человеке).

10. Огонь залили водой (т. е. навели порядок, утихомирили).

11. Как мельница, к которой перестала поступать вода (о разорившейся семье).

12. Как огонь под сеном (о человеке, действующем исподтишка, поджигателе).

13. Словно за огнем пришел (говорят, когда гость торопится уйти).

14. Как камень на дне озера (о молчаливом человеке).

15. Словно прахом умершего посыпали его (о грустящем, глубоко опечаленном человеке).

16. Словно ему орехи отсчитывают (т. е. а ему хоть бы что).

17. Словно на огне сидит (ср.: «Сидит как на иголках»).

18. Словно в бычьем ухе спал (о человеке, не ведающем, что делается вокруг).

19. Словно курица мельника (о человеке, который кормится за чужой счет).

20. Так похудел, [что даже] собаки [при виде его] закрывают глаза (об очень исхудавшем человеке).

21. Прыгнул в пустую яму (т. е. умер).

22. [Как] детеныш утки (о ребенке, отбившемся от дома).

23. Он обмыт в семи водах (т. е. приукрашен).

24. Наступил на собственную душу (т. е. заставил себя сделать что-то).

25. Глаз глаза не различает (т. е. очень темно).

26. Отправился есть финики (т. е. умер).

27. Наполнил его чашу кровью (т. е. оклевстал его).

28. Голова его трясется над могилой (т. е. очень стар; ср.: «Одной ногой в могиле»).

29. Он [словно] палка в твоих руках (т. е. он все делает для тебя).

30. Приложил руку к губам (т. е. раскаялся).

31. Приложил руку к своему состоянию (т. е. все растратил).

32. Рот его полон крови (о человеке, пережившем большое горе).

33. Он [и] ребенка уведет от матери (о ловкаче).

34. Смазал им подошвы ног мылом (т. е. обманул).

35. Сто моих свистков [отдам] за один его свист (об очень ловком и хитром человеке).

36. [Даже] собака своего хозяина не узнает (о разорившемся доме).

-
37. Попадись ему его тень — раздавит ее (о заклятом враге).
38. Не смазывай мне усы чесноком (т. е. не обманывай меня).
39. Сложил плечи (ср.: «Сложил голову»).
40. Льва за уши дерет (об очень смелом человеке).
41. Слова, [сказанные] у очага (т. е. пустые слова).
42. Никто не спросит, почем твой осел (т. е. всем наплевать на тебя).
43. Нос чешется (т. е. желает чего-то).
44. Мягче земли (об очень добром, мягком человеке).
45. И *лира* мала (ср.: «Мал золотник, да дорог»).
46. И муха не станет его гостем (о том, что не заслуживает внимания).
47. И муллу обратит в бегство (т. е. сумеет настоять на своем).
48. Все ослята от одной ослицы (т. е. все хороши; ср.: «Одного поля ягоды»).
49. Не стал сомневаться (т. е. поступил необдуманно).
50. Пахту охлаждает (т. е. льстит).

V. НАРОДНЫЕ ПОВЕРЬЯ

1. Говорят, если тучи поплыли на восток, отправляясь в путешествие, и дождя не будет. Если же они устремились на юг, это значит пойдет дождь, и [потому] не выходи из дому.

2. Говорят, если ветер подул со стороны *киблы*, это признак дождя.

3. Говорят, если зимой, даже в погожий солнечный день, в дом залетит воробей и, хлопая крыльями, начнет клевать зерно, значит выпадет большой снег и покроет всю землю.

4. Говорят, если вокруг дома, из которого кто-либо отправился с караваном в путешествие, с утра начинает кружить ворона с карканьем, это значит, что тот человек не сегодня-завтра вернется из путешествия.

5. Говорят, если кто-либо посмотрит в зеркало ночью, отправится в чужие края.

6. Говорят, битье ребенка веником дслагает его малорослым.

7. Говорят, подметание [дома] в ночную пору приносит бедность. Поэтому, если нужно подмести [в доме] ночью, берут и отламывают от метлы веточку или же подносят метлу к горящей лампе, [чтобы] она чуточку обгорела, и тогда уже метут ею.

8. Говорят, если человек ночью имеет при себе фонарь, то собаки не тронут его.

9. Говорят, стричь ночью ногти — не к добру.

10. Говорят, если лето было жарким, то зима, которая следует за ним, будет холодной.

11. Говорят, если солнце вечером садится в тучи, значит быть дождю.

12. Говорят, если женщина пересолила еду, [значит] она желает близости с мужчиной.

13. Говорят, у богатого¹ человека [всегда] замусоленная шапка.

14. Говорят, если у курицы краснел хохолок, [значит] она скоро начнет нестись.

15. Говорят, красное платье способствует созреванию девушки.

16. Говорят, если листья на деревьях покрылись дырочками, [значит] пойдет дождь.

17. Говорят, когда убивают змею, она не издыхает до тех пор, пока не наступит ночь, и глаза ее не увидят свою звезду.

18. Говорят, голубые бусы предохраняют² от сглаза.

19. Говорят, если кошка, умываясь, проведет лапкой по уху, значит придет гость.

20. Говорят, если ночью человек прильнет ухом к земле и прислушается, он услышит шум на расстоянии семи *фарсахов*.

21. Говорят, человек с плоским затылком не отличается умом.

22. Говорят, если в сторону сидящего у очага неженатого мужчины потянется струйка дыма, [значит] у него будет красивая жена.

23. Говорят, если идущему по полю человеку перебежит дорогу заяц, это не к добру; если же перебежит [дорогу] лиса — это хорошо.

24. Говорят, если у кого-либо зачесалась подошва ног, это [значит] он отправится в путешествие.

25. Говорят, если один [из друзей] отнимет у другого кусок хлеба и съест его, [значит] они поссорятся.

¹ Букв.: 'имеющего деньги'.

² Букв.: 'хорошо'.

26. Говорят, если кого-то укусила змея, хорошо бы ему выпить молока.

27. Говорят, носка красной обуви уносит печаль.

28. Говорят, если маленький ребенок принялся мести дом, значит придет гость.

29. Говорят, [если] ребснок с детства грызет ногти, он будет вором.

30. Говорят, если у женщины развязался платок, [значит] придет гость.

31. Говорят, если сорок дней по утрам съедать натошак семь изюминок или пять миндалин, — это хорошо для укрепления сил.

32. Говорят, мести [дом] ночью — не к добру.

33. Говорят, если зашивать или латать одежду на себе — это принесет бедность.

34. Говорят, если больной желтухой увидит в воде плывущую рыбу, желтуха у него пройдет.

35. Говорят, если кого-нибудь окружила стая собак и он оказался среди них, пусть он присядет на своем месте, и тогда они не тронут его.

36. Говорят, если у кого-либо гноится на руке рана, пусть смажет ее кровью из спины черепахи, и [она] заживет.

37. Говорят, если кто-либо заболел кахангом¹, [пусть он] купается в холодной воде, и он исцелится.

38. Говорят, если у кого-нибудь на руках появились бородавки, [пусть] наденет на палец стальное кольцо, и все пройдет.

39. Говорят, если кого-нибудь укусил скорпион, [надо] убить того скорпиона и сжечь его на огне, [а затем] посыпать им место [укуса], и боль пройдет.

40. Говорят, если скорпион укусил беременную женщину, и если впоследствии ребенка, который был у нее в утробе, [также] укусит скорпион, он не почувствует боли.

¹ Каханг — острая боль, внезапно охватывающая область поясницы, от чего человек начинает горбиться.

41. Говорят, если вдова переезжает [на новое место], то наступают холода.

42. Говорят, если в солнечный зимний день воробей начинает барахтаться в воде и хлопать крыльями, значит пойдет дождь.

43. Говорят, стоит медведю увидеть огонь, он тут же встает на дыбы и бежит от него, никак не осмеливаясь подойти к нему.

44. Когда невесту перевозят [в дом жениха], то сажают ее на кобылу, но не на коня.

45. В Курдистане в момент лунного затмения играют на литаврах и палят из ружья.

46. В Курдистане на кровлю нового жилья кладут сломанную подкову — от сглаза.

47. В Курдистане, когда кончается месяц *сафар*, разбивают черный котелок.

48. В Курдистане, когда угощаются на свадьбе [в доме невесты], то рук не моют.

49. Среди курдов принято на шею любимого коня вешать синие бусы — от дурного глаза.

50. Когда человек скидывает башмаки и один башмак падает на другой, это значит, что ему предстоит путешествие, причем поедет он в ту сторону, куда направлен носок башмака.

51. Если кто-то отправился в путешествие и если [родственники] хотят, чтобы он вернулся обратно, то вслед ему выплескивают чистую воду, если же он надоел им и они хотят, чтобы он больше не возвращался, вслед ему разбивают черный котелок.

52. Если курица закукарекала, ей тут же отсекают голову, [ибо, как] говорят, это предвещает беду, [и] если ей отсекут голову, беда минует этот дом. Точно так же, если петух закричит после вечернего *намаза*, то и это нехорошо, и ему отсекают голову.

53. Говорят, если кто-то сильно исхудал, [пусть] какое-то время ест масло (?), и тогда он поправится.

54. Говорят, есть лук в сыром и вареном виде — полезно от кашля.

55. Говорят, [если] глаза поражены снежной слепотой, их хорошо окуривать.

56. Говорят, есть мед с дыней — очень вредно.

57. Говорят, при переломе руки, ноги или другого места, его следует туго перевязать, [и] все пройдет.

58. Говорят, если собака завыла, то пока не повернешь в ее сторону башмак, она не перестанет выть.

59. Говорят, если у кого-то выступила сыпь, то надо потереть ее арбузной коркой, и все пройдет.

60. У курдов существует поверье: если ребенок до двух лет много плачет и постоянно вздрагивает во сне, значит он [чем-то] напуган. Для этого берут свинец, плавят его и расплавленный свинец выливают в миску, которую держат над головой ребенка, для того чтобы страх покинул его. Страх покидает ребенка, а свинец, застыв, принимает форму того предмета, которого испугался ребенок.

61. Если у кого-то зачесалась правая ладонь, он целует ее и проводит ею по голове, [так как] это значит, что он приобретет деньги. Если же зачесалась левая ладонь, это означает, что он потеряет деньги, [поэтому] он просто почешет ее и все.

62. Говорят, одалживать ночью черный котелок — не к добру.

63. Говорят, если у кого-то начинает дергаться верхнее веко левого глаза и нижнее веко правого глаза, [значит] его ждет прибыль.

64. Говорят, если кто-то задумал идти куда-то или сделать что-то, и в это время он или кто другой чихнул раз, то говорят: «Он принес терпение», и он отказывается от своего намерения. Если же он чихнул дважды, то говорят: «Он принес согласие», и тот следует по своим делам.

65. По курдским обычаям невесту [в дом жениха] приводят следующим образом: когда она подъезжает к дому, [жених] издали целится в нее яблоком и бросает в нее. Затем, едва

невеста переступает порог дома жениха, жених, взяв в руки тростниковую палку, [слегка] ударяет ее [невесту] по голове, этим действием он как бы наводит страх на нее. И еще, когда невеста уже сидит в доме, и при ней сваха, жених входит в комнату и подходит к занавеске [за которой сидит невеста]. Когда он входит к невесте, она должна встать. Сваха, взяв ее за руку, подводит к жениху [и] говорит: «Это твоя жена». Жених берет невесту за руку, и в это время жених и невеста пытаются наступить один другому на ногу. [И] будто бы кто успеет сделать это раньше, тот и будет верховодить в доме. Если невесте не удастся это сделать, то когда жених попросит у нее в первый раз воды, она встает, идет за водой и незаметно для жениха отпивает сама глоток воды, потом обратно выплевывает в чашу и только после этого подает ее мужу, чтобы он выпил ее. Если она сделает это, то значит она будет верховодить над мужем и делать все по-своему.

66. По курдскому обычаю, когда невесту привозят [в дом жениха], то над ее головой пускают петуха.

67. У курдов есть поверье — если один подает другому ножницы, то не следует давать их прямо в руки. Он кладет их на пол или на тыльную сторону ладони и протягивает тому руку, а тот берет их.

68. Говорят, если месяц окружен дымкой, значит быть дождю.

69. Говорят когда курица валится на бок, то говорят: «Она сбросила груз», [и] это значит, что прибудет гость с грузом подарков.

70. Наряду с названиями дней [недели] у курдов есть [свои] названия месяцев, [свое] летоисчисление с четырьмя временами года. Известно, что названия месяцев в различных районах Курдистана.

VI. ЗАГАДКИ

1. По эту сторону дерево, по ту сторону дерево,
А внутри два злых щенка.
(Молотилка)
2. Есть у меня приятель в поле,
А на спине у него меч.
(Скорпион)
3. Есть у меня приятель в Зури(?)
Голова у него больше живота.
(Муравей)
4. Есть у меня приятель в поле,
А на спине у него сковорода.
(Черепеха)
5. По эту сторону плетень, по ту сторону плетень,
А внутри пятнистый голубь.
(Глаз)
6. Есть у меня дерево с пятью ветвями,
Три [из них] в тени, две — на солнцс.
(Намаз)

7. С небес от свода к своду
Сыпятся с грохотом вниз,
Смотри, девушка в пятнистой *абе*, не утомись.
(Град)
8. Клубок из ветра
Подбросил я ногой,
А он не размотался.
(Дорога)
9. Нет ни ветра, ни дождя,
А с деревьев кап-кап.
(Кундалан)
10. Детище муллы,
Пустил я его в гору —
Ни травинки не оставил.
(Машинка для стрижки волос)
11. Нет ни пяток, ни ног у него,
А каждый дом знает его.
(Дастар)
12. Нет у него ни ног, ни пяток,
А на кровлю сам поднимается.
(Дым)
13. Заснет — корова.
Встанет — гора.
(Шатер)
14. Четыре брата одной реки
Пукают стрелы в одно озеро.
(Коровье вымя при доении)
15. Две веревки, да один узел,
Две тарелки, да одна палка.
(Весы)

16. Одного всадника
Ударил я о стену, [а он]
Превратился в тысячу всадников.
(Зерна граната)
17. Одноногий [идет] по полю,
двуногий его настигает,
Не колеблясь, валит его на спину.
(Косьба)
18. Желтого [ты] цвета,
Лежишь под камнем,
Льву — [ты] петля,
Человеку — погибель.
(Скорпион)
19. Есть у меня домик темный,
Верблюдами с тонкой шеей полный.
(Муравейник)
20. Ткнул я одну овцу,
Возникло сто одинаковых овец.
(Осиное гнездо)
21. Облачко, облачко,
Сыплется с него снежок.
(Сито при просеивании муки)
22. По эту сторону стена, по ту сторону стена,
А внутри злой пес.
(Язык)
23. Известковая крепость,
Нет к ней дороги.
(Яйцо)

24. Есть у меня приятель в поле,
На спине его — семьсот дыр.
(Еж)
25. В наше время [и со времен] пророка [их]
Сыновья [всегда были] больше отцов.
(Мул)
26. Шапка Хамзы-богатыря
Без кусков и без швов.
(Чаша)
27. Ини-мини, сидишь в *гвини*,
Я тебя вижу, а ты не видишь.
(Глаз)
28. Со времен пророка
Хвост [у нее] растет на голове.
(Тыква)
29. Ой, ой, кругла как мяч,
[Но] не апельсин [и] не лимон.
(Девичья грудь)
30. Низ деревянный, верх железный,
Знай [же], глупенький, это шило.
31. Три головы, три головы,
Над ними Ахмад-паша
[И] слуга его с длинным хвостом.
(Чугунок с поварешкой
на трех камнях очага)
32. Старуха вопит, вопит,
Бейте ее посильнее камнями!
Глупец, да ведь это ковер.

33. Крышка [лежит] на ягодицах,
Такая вкусная, такая жирная.
(Овечий курдюк)

34. На четырех [ногах] стоит,
Два [глаза] таращит,
Двумя [рогами] трясет.
(Козел)

35. Изогнут словно серп,
Желт словно яичница...
(Месяц)

VII. ПЕСНИ

Колыбельная

1. Баю-баюшки-баю¹,
Усни же, [что] не спится тебе?
Дерево колыбельки — гранатовое дерево,
Дуга колыбельки — [обита] гвоздями,
Мать [лежащего в] колыбели — с сережками в ушах,
Отец [лежащего в] колыбели — злой пес.
2. Баю-баюшки-баю,
Усни же, [что] не спится тебе?
Дерево колыбельки — инжировое дерево,
Дуга колыбельки — с колечками,
Мать [лежащего в] колыбели — из семьи эмиров,
Отец [лежащего в] колыбели — старый пес.
3. Баю-баюшки-баю,
Усни же, [что] не спится тебе?
Дерево колыбельки — ореховое дерево,
Дуга колыбельки — с колечками,
Мальчику [моему] надоела грудь.
4. Баю-баюшки-баю,
Усни же, [что] не спится тебе?

¹ Букв.: 'колыбелька из стороны в сторону'.

- ¹ Т. е. вырастить.

10. Обращаюсь к Богу всемогущему
 [И] клянусь Хавсом(?), [что] в Багдаде
 Я сделаю для тебя колыбельку,
 Из дерева — дерева финикового.
11. Баю-баюшки-баю,
 Усни же, [что] не спится тебе?
 Баю-баюшки-баю,
 Усни же, детка мамина.
 Баю-баюшки-баю,
 Усни же крошка мамина.
12. Колыбелька — из дерева орехового,
 Покачай [ее], невестка Мамыз,
 Баю-баюшки-баю,
 Усни же, детка мамина.
13. Колыбелька — из айвового дерева,
 Сто три колечка [на ней],
 Покачай [ее], невестка Лайле.
 Баю-баюшки-баю,
 Усни же, крошка мамина,
 Баю-баюшки-баю,
 Усни же, [что] не спится тебе?
 Баю-баюшки-баю,
 Усни же, детка мамина.

ИЗ ЦИКЛА «МОЛОТЬБА»

1. Я тебе [говорю]...

1. Я с тобой [говорю, а] ты отвечай,
 Глаз своих стыдливых не опускай,
 То, что у тебя, — обратно отдай¹ —
 Мешочек с сурьмой да зеркальце.

¹ Т. е. он обижен и просит ее вернуть подарки.

2. Я с тобой и тебе говорю,
Я влюблен в ароматную грудь [твою]¹,
И клянусь — никому не скажу.
3. Я с тобой говорю, о стыдливая,
Грудь твоя на ключ [заперта],
.....
Но дай хоть раз поцеловать, лукавая.
4. Я с тобой [говорю], звездоокая,
У нас осталась лишь почка одна,
Прикажи сделать что-нибудь для тебя.
5. Я с тобой [говорю], о красавица [моя],
Сегодня гулянье и охота на куропаток,
Не обижайся на соседей своих.
6. Я с тобой [говорю], о жизнь моя,
Только что от матери твоей пришел я,
Она подарила мне тебя
Вместо платы за мой труд².
7. Я с тобой и тебе говорю,
[О] с шеей газели, [украшенной] ожерельем,
Был я разумным, [а] стал безумным из-за тебя.
8. Я тебе говорю, очей моих глаза,
Сколько били меня из-за тебя,
А принимал это как награду я.
9. Я с тобой и быть бы [всегда] с тобой.
Стать бы мне застежкой³ на груди твоей,
Любимая, стать бы в эту ночь гостем твоим.
10. Я тебе [говорю], любимая моя,
Я изранен — ты целительница моя.
Да сделает Бог судьбой моей тебя.

¹ Букв.: 'я влюблен в твои дыньки, [что] за пазухой'.

² Имеется в виду плата за полевые работы.

³ Букв.: 'петлей для пуговицы'.

11. Я тебе [говорю] — ты скажи «Да».
Глаза твои, как свежая трава,
Ради [всех] святых — ты куда?
Погоди же, пусть взойдет луна.

2. Тот родник

1. Тот родник, что в Чихлоке,
Я сам вырыл [своими] руками¹,
Кто [же] набрал воды из него —
[да] любимая Айшок.
2. Айшок — женщина в браслетах,
Твоя сестра и моя возлюбленная.
3. Тот родник, что в Гирдмала
Я сам закрыл на *замбала*,
Кто [же] набрал воды из него —
[да] дочь муллы.
4. Тот родник, что у самого моста,
Я сам вырыл на краю холма,
Кто [же] набрал воды из него —
[да] девушки из деревни.
5. Тот родник, что в ущелье,
Я сам вырыл лопатой,
Кто [же] набрал воды из него —
[да] девушка-недотрога.
6. Тот родник, что в развалинах,
Я сам вырыл [своими] руками,
Кто [это] набрал воды из него —
[да] Аминока.

¹ Букв.: 'ногтями'.

7. А тот родник, что у холма,
Я сам вырыл тростником,
Кто [это] набрал воды из него —
[да] девушка в [платке] с бахромой.
8. Тот родник, что в тени,
Я сам вырыл кинжалом,
Кто [это] набрал воды из него —
[да] смуглянка.
9. Тот родник, что возле оврага,
Я сам вырыл с [помощью] шумовки.
Кто набрал воды из него —
[да] дочь *эмира*.
10. Тот родник, что в Далдахане,
Я сам вырыл [помощью] *кайнахами*,
Кто [это] набрал воды из него —
[да] дочери *аги*.
11. Тот родник, что в Кандаре,
Я сам вырыл палкой,
Кто [это] набрал из него воды —
[да] девушка с родинкой.

3. Сидит...

1. Сидит [она] в полумраке,
Из глаз [ее] каплет сурьма,
Она вышивает узор на *ранá*,
[А] я причинил ей боль, пусть отвалится моя рука.
2. Сидит она наверху,
На руке — серебряный браслет
.....
.....
3. Сидит она на кровле,
На коленях ее сурьма да мешочек,

Боже, как она хороша,
Словно роза из цветника.

4. Сидит она над каменной ступой
Да вяжет черную тесьму, [да]
Темную ночь освещает [своей красотой].

5. Сидит она под тутовником
Да ест огурец с ножа [и так аппетитно],
Что, ей-богу, и мне захотелось его.

6. Сидит она передо мной,
Пронзила мое сердце стрелой,
Страсть к Лейле охватила меня.

7. Сидит она на камне
И вышивает коврик молитвенный,
Жажду поцелуя, о курдянка.

8. Сидит она на кровле,
(Да) вышивает мешочек для сурьмы,
Ущипнул-[таки] я ее за бедро.

4. Воды Газыра

1. Воды Газыра шумят, шумят,
Несут с собой ветки, колючки,
[А] грудь у моей любимой — круглые яблоки.

2. Воды Газыра сверкают, сверкают,
Несут с собой прутья, колосья,
[А] грудь моей любимой — незрелые яблоки.

3. Воды Газыра клокают, клокают,
Несут с собой хворост, корни,
[А] грудь моей любимой — горькие яблоки.

4. Воды Газыра грохочут, грохочут,
Несут с собой щепки, коряги,
[А] грудь моей любимой — яблоки и финики.

5. Луна в небе

1. Луна в небе не заходит,
Наказание матушке ее не приходит¹,
Глаз с дочери [она] совсем не сводит.
2. Глазами по этим домам вожу,
У ребят я [о ней] расспрашиваю,
Последнее время совсем Лейлу не вижу.
3. Глазами вожу — никого не вижу,
Хочется наплакаться от души,
[Она] моя, Лейла, — никому ее не отдам.
4. Луна в небе двадцатиоднодневная,
Ну же, скорее обними меня,
[Уж] поздно, скорее проводи меня.
5. Ах [ты] мальчишка² безумный,
Погоди же, пусть ночь наступит,
.....
6. Луна в небе двадцатитрехдневная
Освещает грудь, [что подобна] алифу и бе³,
Пока умру, буду жаждасть ее.
7. Луна в небе застыла,
Звезды окружили ее,
Моя любимая сердится на меня.

6. Был я рыбкой

1. Был я [вольной] рыбкой в озерах,
Никто не поймал меня в сети,
[Ах], убила меня любимая упреками.

¹ Букв.: 'судный день для матери ее не наступает'.

² Букв.: 'сирота'.

³ Линии груди сравниваются с рисунком, образуемым при начертании указанных букв.

2. Был я [вольной] рыбкой в реках,
Никто не поймал меня на удочку,
[Ах], убила меня любимая кулачками.
3. Был я [вольной] рыбкой в водах,
Никто не поймал меня в сети,
[Ах], убила меня любимая очами.

7. Глаза твои

1. Глаза твои словно глаза змеи,
Прыгни ко мне через стену¹,
Крепко поцелую тебя в губы.
2. Глаза твои словно [глаза] лягушки,
Я бегу за тобой вприпрыжку,
Поцелую тебя так, [что] сердце лопнет.
3. Глаза твои словно [глаза] куропатки,
Иди ко мне, клянусь, Хате,
Поцелую тебя, не причинив боли.

ИЗ ЦИКЛА «ЖАТВА»

1. Идет стайка девушек

1. Стайка девушек вот идет,
Моей любимой нет с ними,
[Вон] она в сторонке — с толстой косой,
Зулейха, [дочь] Хидири.
2. Грудь ее — словно два яблока²,
Созрели они на пару,
Вот уже который год
Берегут³ их для тебя,

¹ Имеется в виду выступ стены, разделяющей две соседние кровли.

² Букв.: 'красное яблоко' — сорт особо душистых яблок.

³ Букв.: 'заключены в заповедник'.

Словно в заповеднике твоего *аги*¹,
[И] никто [пока] не тронул их.

3. Отправлюсь-ка я в город Хавлер
[Пройдусь] по торговым рядам базара,
Если ты не веришь мне,
[То] кареглазых там немало.

4. [А] пророк наш — Мухаммад,
Любимец Бога,
Начинается он на небесах,
Кончается — на земле.

5. В сережку с тремя подвесками
Бахие — [дочери] Хасани —
Я шепнул: «Скажу я матушке»²,
[А] матушки ее нет дома,
Отец ее сейчас в Хавлере,
Брат ее сейчас занят пахотой,
Обнял я ее за шею,
Мать внезапно появилась.

6. Да поразит боль ее нутро,
Да проникнет опухоль в ее бедро,
Да заползет червь в душу ее,
Как псу, [стерегущему] бурдюки,
Да будут ей едой колючки да палки
Вместо воды да пищи.

7. Стайка девушек вон идет,
Моя милая с ними,
Если не веришь мне,
[Вон] она — ростом невелика.
[Но] не сочти это за недостаток,
Ибо скроена она [так] Богом,

¹ Как известно, заповедник *аги* неприкосновенен.

² Т. е. будет просить ее руки.

На ногах у нее башмачки,
Жмут они [ей] пальчики и пятки,
Да ослепнут глаза [их] мастера,
[Пропади он] с иглой своей и шитьем.

2. Любимая Хазал

1. Любимая Хазал, жизнь моя Хазал,
Моя любимая — горная газель¹,
Как сладки ее дыньки²,
Юноши берут их губами,
Сказал я ей: «Дай поцелую их,
Не дотянуться мне до них³ руками».

2. Любимая Хазал, жизнь моя Хазал,
Моя любимая — степная газель,
[Вот] раскачивает она *машка*, [и]
Звуки его доносятся до самой долины,
Сказал я ей: «Дай поцелую [грудь],
Аромат дынек твоих так сладок».

3. Любимая Хазал, жизнь моя Хазал,
Увидел я свою Хазал,
Стан ее, [подобный] плодovому саду,
Дал две ароматных дыньки,
И хочу спросить тебя:
«Как же мне называть тебя?» —
«Имя свое я юношам не говорю,
Я, соловей, — царица всех красавиц».

3. Иду я...

1. Иду я в дом [к] любимой,
Их калитка на пригорке,
Куропатка вон поет,

¹ Хазал — газель (игра слов).

² Т. е. груди.

³ Букв.: 'яблок'.

Две голубки [вон] воркуют, [и]
 Сказал я [ей]: «Давай уйдем,
 Не прожить нам друг без друга».

2. Иду я в дом [к] любимой,
 Их калитка на откосе,
 Куропатка вон поет,
 Две голубки [вон] воркуют,
 Сказал я [ей]: «Давай уйдем,
 Не прожить нам друг без друга».

3. Иду я в дом [к] любимой,
 Их калитка глядит на Сафин,
 Заглянул поверх нее я,
 Куропатка вон поет,
 [И] красавица сидит,
 Колыбель ногой качает,
 Колыбельную поет
 И меня упоминает,
 Хавлер, Койи и Керкук [за нее]
 [Готов] отдать в награду я.

4. Иду я в дом [к] Лайле,
 Их калитка за оградой,
 Заглянул поверх нее я,
 [Вижу], мать и дочь сидят,
 Самовар у них кипит, [а она]
 Чешет гребнем локоны¹,
 Мать [ей] говорила: «Иди за него»,
 Отец [ей] говорил: «Выходи за него».

5. Иду я в дом [к] любимой,
 Их калитка на пригорке,
 Отец [ей] говорил: «Иди за него».
 Мать [ей] говорила: «Выходи за него».

¹ Точнее — пряди волос на висках, выпущенных из-под головного убора (платка).

4. В эту ночь

1. В ту ночь, ночку летнюю,
Хоровод¹ поведи по гумну, [но]
Ей-богу, не сыграть эту свадьбу,
Без стана [моей] Амины.
2. В ту ночь, ночь осеннюю,
Хоровод повели под орешником, [но]
Ей-богу, не сыграть эту свадьбу
Без стана [моей] газели,
3. В ту ночь, ночь полнолуния,
Хоровод повели по двору, [но]
Ей-богу, не сыграть эту свадьбу
Без стана [моей] возлюбленной.

ИЗ ЦИКЛА «ХОРОВОДНЫЕ»

1. Луна хороша...

([Танец] Сепейи)

1. Луна хороша — освещает *обу* [она]
Хороши поцелуи один за другим,
Будь я семь раз суфием, нарушу
клятву [ради тебя].
2. Луна хороша — освещает воду [она],
Двум влюбленным сердцам
не нужен посредник.
3. Не ходи к роднику, [там] дождь и снег,
Ты не торопись, бурдюк² твой тяжел, [и]
Глаз не поднимай, [ибо] мир злословен.

¹ Букв.: 'свадьба' (но тут имеется в виду свадебный хоровод).

² Имеется в виду бурдюк, наполненный водой.

4. Луна хороша — освещает улочки [она],
[Как хорошо, когда] губы
[касаются ее] шеи, а руки — груди.
5. Луна хороша — освещает воду [она],
Верная подруга не нуждается в посреднике.
6. Луна хороша — [освещает] *нарез* [она],
Если любимая хороша — бесконечны объятия.
7. Луна хороша — пошли [туда, где] чечевица,
Ну и времена настали — девушек [отдают] за пару козлят.
8. Луна хороша, пошли [туда, где] горох,
Ну и времена настали — девушек [отдают]
за пару телят.
9. Луна хороша, пошли в лес,
Ну и времена настали, девушек [отдают]
за два медяка...¹

2. Фатьма-мучительница ([Танец] Сускаи)

1. Фатьма-мучительница, увидел, увидел я горы,
Фатьма-мучительница, они покрыты снегом [и] так строги,
2. Фатьма-мучительница, груди девушек — упруги,
Фатьма-мучительница, до каких же пор,
3. Фатьма-мучительница, груди твои — яблоки²,
Фатьма-мучительница, не дашь мне взять в руки.
4. Фатьма-мучительница, не ходи в виноградник,
Фатьма-мучительница, жарко, мухи тебя покусуют.

¹ Текст песни несколько сокращен.

² Букв.: 'европейские яблоки'.

ИЗ ЦИКЛА «ВЕЯНИЕ ЗЕРНА»

1. Северный ветер

1. Северный ветер летом
Бьет по поверхности гумна,
Хорошо [в это время] спать с Аминой.
2. Северный ветер осенью
Сильно¹ бьет по орешнику,
Хорошо [в это время] спать с Мамыз.
3. Северный ветер зимой
Сильно бьет по плетню
Хорошо [в это время] спать с Густан.
4. Северный ветер весной
Бьет по веткам чинар,
Хорошо [в это время] спать с Наздар.
5. Северный ветер [стал] болью души моей,
Едой мне — [стал] яд, одежда моя разорвана
После безвременно ушедшей моей любимой.

2. Сережки ее задрожали²

1. Северный ветер веет,
Дует он в жару летнюю³.
Маленький коврик хорасанский
Привез я из Дуйина(?).
2. Когда любимая в гости придет,
Я покрою им подушку.
Глаза моей любимой прекрасны,
[Она как] гурия с земли Магриба.

¹ Букв.: 'сладко', 'страстно'.

² Букв.: 'пустились в пляс'.

³ Букв.: 'в сорока[дневье] лета' — самая жаркая летняя пора
(с 15 июля по 24 августа).

3. Я приветствовал ее:
 «Бог в помощь¹, Амина!»
 Северный ветер веет,
 Дует он в зимнюю стужу².
4. Маленький коврик хорасанский
 Привез я из Ладжана,
 Когда любимая в гости придет,
 Я постелю его в *диване*.
5. Глаза моей любимой очень черны,
 [Как у] газели из Балабана,
 Два дня я страдаю от раны,
 [Нанесенной] парой глаз Густаны.

3. Скажите ветру северному...

1. Скажите ветру северному, [что это]
 Он то дует, то не дует,
 Сегодня сердце мое тоскует,
 Поэтому голос мой не слышен.
2. [Но] я подниму свой голос, [и тогда]
 Подобно звукам зурны и барабана,
 Все в один голос возопите:
 «Помоги [ему], о Хавс багдадский³
 [Ведь] он подобен Юсуфу,
 Влюбленному в Зулейху».

¹ Букв.: 'не утомись' (форма приветствия при встрече, на которую обычно отвечают: «Дай вам Бог здоровья».

² Букв.: 'в сорока[дневье] зимы' — самая холодная пора зимы (с 14 января по 23 февраля).

³ Имя святого, могила которого, находящаяся в Багдаде, является местом паломничества суннитов.

2. Иди [же сюда]

1. Девушка: «Ну иди же, иди [сюда],
Парень-безумец, иди [сюда],
То не дверь, [то] изгородь,
Она гнется, прыгай через нее [сюда]».
2. Юноша: «Вот пришел я, пришел я.
Девушка-красавица, пришел я,
Ночь темна, перепрыгнул я».
3. Девушка: «Ну иди же, иди на кровлю,
Поставлю перед тобой угощение».
4. Юноша: «Вот пришел я, пришел я.
Поднялся я наверх, [вот]
Ставлю перед тобой виноград».
5. Девушка: «Ну иди же на верх сарая,
Поставлю перед тобой персики [я]».
6. Юноша: «Ах, вор я, вор [я],
Краду у тещи невесту [я]».

РАЗНЫЕ

1. Прилетела птичка южная

1. Прилетела птичка южная,
Девушки зовут ее *кате*
Выстроила за собой свой выводок
[И] идет по перепаханному полю.
Жизнь мне стала не мила
После стана Фате.

2. Прилетела птичка южная,
 Девушки зовут ее голубкой,
 Выстроила за собой свой выводок
 [И] идет, похлопывая крыльями
 Жизнь мне стала не мила
 После пары округлых грудей.
3. Прилетела птичка южная,
 Девушки зовут ее перепелкой,
 Выстроила за собой свой выводок
 [И] идет, кудахчет.
 Жизнь мне стала не мила
 После пары карих глаз.
4. Прилетела птичка южная.
 Девушки зовут ее *башока*,
 Выстроила за собой свой выводок
 [И] идет, воркует.
 Жизнь мне стала не мила
 После стана девичьего.
5. Прилетела птичка южная,
 Девушки зовут ее горлицей,
 Выстроила за собой свой выводок
 [И] летит до самых облаков(?)
 Жизнь мне стада не мила
 После стана Сабрии.

2. Шавзалар

1. Шавзалар, Шавзалар, жизнь моя Шавзак¹,
 Бога ради, не дай [без] тебя умереть мне.

¹ Букв.: '[носящая] головной убор набекрень'.

3. Ах, если бы те годы судьбы
Не рассеялись, как листья деревьев.
4. Ах, [быть] бы мне на месте соседей твоих,
[Что] день и ночь видят тебя.
5. Благодарю я этот мир, [что] подарил мне тебя,
Даже если место мое в этом мире — ад.
6. Ах, [быть] бы мне [той] иглой¹ острой и тонкой,
[Что] всегда стережет [эту прекрасную] грудь².

¹ Речь идет о броши или булавке.

² Букв.: 'грудь и соски'.

Глоссарий

Аба	— верхняя одежда (без рукавов)
Авраманец	— представитель курдского племени аврами
Аврамани	— название курдского племени
Ага	— почтенное обращение: господин, хозяин; помещик
Астун	— деревянный столб, поддерживающий кровлю в жилище
Афанди	— господин
Ашрафи	— мелкая серебрянная монета
Базибанд	— кожаный ремешок, к которому привязывается мешочек, содержащий амулет от сглаза
Башока	— название птицы из семейства соколиных
Бекзаде	— знатного происхождения
Бонсо	— запах чего-либо паленого
Васта	— мастер; учитель, наставник
Гвини	— род кустарника, произрастающего в горах
Гева	— род летней обуви из белого полотна на подошве, сшитой из лоскутов материи
Гирдмала	— название деревни, расположенной в Эрбильской области (Иракский Курдистан)
Горави	— род вязаных носков (шерстяных или хлопчато-бумажных)
Горавибаз	— «игра в носки», в которой выигрывает тот, кто находит предмет, спрятанный в одном из носков играющих
Горанец	— представитель курдского племени горан
Гуруни	— род женского платья из шелковой ткани, расшитой серебряной или золотой нитью
Гяз	— мера длины (около 72 см)
Дангбеж	— певец, сказитель
Дастан	— эпическая поэма; баллада; легенда

Дастар	— ручная мельница
Диван, дивахана	— помещение для гостей, приемная
Замбала	— затвор к трубе, подающей воду из источника
Кааба	— главное мусульманское святилище в Мекке
Кава	— длинный кафтан с боковыми разрезами
Кажава	— крытые носилки в виде шатра, которые устанавливались по бокам вьючного животного и служили средством передвижения царской персоны
Кайнах	— приспособление, напоминающее кастет с удлиненными металлическими пальцами, надеваемое жнецами на левую руку во время косьбы. Иногда к нему приделывают металлические пластиночки, создающие при движении приятный звон, под который жнецы исполняют свои песни
Калдахан	— деревня в районе Милки Эрбильской области (Иракский Курдистан)
Кандар	— деревня в районе Кандинава Эрбильской области (Иракский Курдистан)
Кате	— разновидность куропаток
Каурма	— жареное мясо, обычно заготавливаемое на зиму
Кашкак	— блюдо, изготавливаемое из мяса и жареной пшеницы
Койа	— город в Иракском Курдистане
Кран	— мелкая монета
Кундалан	— навес, на который складываются бурдюки с жидкостью (водой, пахтой и т. д.) — устанавливается в прохладной части помещения
Курбан	— обращение: дорогой (букв.: 'да буду я жертвой для тебя', 'жертвоприношение')
Кутык	— деревянная дубинка с круглым концом
Кыбла	— направление в сторону Мекки, куда должен поворачиваться лицом мусульманин при молитве
Кылаш	— род легкой обуви, верх которой вяжется из ниток, а подошва сшивается из лоскутов материи
Лира	— денежная единица

Маджиди	— серебряная монета
Майдан	— главная городская площадь, служившая также местом для разного рода состязаний
Мамоста	— см. <i>Васта</i>
Мангур	— представитель курдского племени мангур
Маулави	— известный курдский поэт, писавший на диалекте горани (1806—1882)
Машка	— кожаный бурдюк для сбивания масла
Мекка	— город в Аравии, где находится священный храм мусульман
Мискаль	— старинная мера веса
Михраб	— ниша во внутренней стене мечети, указывающая направление к Мекке
Намаз	— молитва, совершаемая мусульманами в определенные часы пять раз в сутки
Оба	— место разбивки шатров (в период кочевки)
Парез	— место, где хранится урожай
Пир	— глава религиозной общины
Рамазан	— девятый месяц мусульманского летоисчисления, в течение которого длится обязательный пост (от восхода до заката солнца нельзя пить, есть, курить)
Рана	— разновидность шаровар
Риал	— серебряная монета
Ры'ба	— мера сыпучих тел (от 5 до 25 кг)
Сафар	— второй месяц исламского лунного года
Сафин	— название горы в районе Шаклава (Иракский Курдистан)
Сепейи	— разновидность курдского хороводного танца
Сирван	— название реки
Сускаи	— разновидность курдского хороводного танца
Суфий	— последователь суфизма — религиозного мистического течения в исламе
Сухта	— ученик медресе
Тандур	— земляная печь в курдском жилище
Тарани	— денежная единица
Факе	— ученик, изучающий мусульманское богословие

Фала	— этим термином обычно именуются армяне, ассирийцы (т. е. христиане)
Фарсах	— единица измерения пути (равная 6 км)
Финджанян	— домашняя игра, состоящая в том, что в одну из опрокинутых чашек прячут несколько монет. Выигрывает тот, кто укажет на эту чашку
Хавлер	— старое название г. Эрбиль (Иракский Курдистан)
Хаври	— сорт тонкого шелка
Хавс	— имя святого, могила которого находится в Багдаде и является местом паломничества
Хадж	— паломничество к святым местам
Хаким	— судья
Харвар	— вьюк одного осла (мера веса)
Ходжа	— учитель, наставник; уважительное обращение к христианину или иудею
Хока	— мера веса (равна 1200 г)
Худжра	— род кельи в медресе
Хурджин	— переметная сума из грубой шерстяной ткани
Чаламашкена	— род игры, напоминающий русскую «бери да помни»
Чихлок	— деревня в районе Кандинава Эрбильской области
Чопи	— разновидность курдского танца
Шавчара	— угощение, подаваемое в поздний вечерний час (обычно миндаль, тыквенные семечки, орехи, фисташки и т. д.)
Шан	— мелкая серебряная монета
Шариат	— совокупность мусульманских религиозных и правовых норм
Шафииты	— последователи имама Шафии
Шахризурец	— житель г. Шахризур
Шилох	— сорт ситца
Эмир	— правитель, князь

Источники и литература

- Emîn Nûrî 'Elî. *Kakoîzerîn u Danmîrwarî*. Beḫa, 1965
Mela Kerîm Muḥemed. *Komeîlek lawik u heyran*. Beḫda, 1968
Mukrîanî Gîw. *Melay meşhûr*. Hewlêr, 1971
Mukrîanî Kurdistan. *Çîrok (destnûs)*
Sicadî 'Ela-ed-Dîn. *Îştîy mirwarî*. Bergî I—III. Beḫda, 1957—1958
Şerîf Muḥemed Kerîm. *Folklorî honrawekanî kurdewarî*. Kerkûk, 1974
Wurdî Muḥemed Tofîq. *Folklorî kurdî*. Necef, 1971
Xalî Muḥemed. *Pendî pêşînan*. Beḫda, 1957
Xwêzî Tahîr Ehmed. *Şewçere*. Beḫda, 1968

- Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. Ч. I. М.; Л., 1949
Март Н.Я. Еще раз о слове «челеби». СПб., 1911
Никитин В. Курды. М., 1964
Руденко М.Б. Очерк истории современной курдской литературы. М., 1967
Юсупова З.А. К вопросу о курдском календаре // VII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР. М., 1971
Юсупова З.А. Сулейманийский диалект курдского языка. М., 1975
Юсупова З.А. Курдские забавные истории и анекдоты. М., 1996

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ТЕКСТЫ	17
I. ÇÎROK	19
1. KAKOLZÊRÎN U DANMIRWARÎ.....	19
2. EÑE-COĻA	22
3. BÛKE-SÛRÊ.....	28
4. [PADŞA U WEZÎR].....	32
5. [COĻA U EJDEHA].....	37
6. [BÊWEJINÎ FÊLBAZ].....	39
7. ĤEBÊ	42
8. [HEJAR U DEWĻEMEND]	45
9. [BAZGERDANÎ]	48
10. [QEZA U QEDER].....	50
11. [BERXEKE].....	52
12. [ŞERÊGA].....	54
13. [PÎRÊKÎ DANA].....	55
14. [ÇAKE BIKE...].....	56
15. [BESERHATÎ XUŞK U BIRAYEK].....	58
16. [PENDÎ BILBIL].....	60
17. [ZEŘINGER U DARTAŞ].....	61
18. [PADŞA U ŞWAN].....	63
19. [BIZIN U MAM-ŘÊWÎ]	65
20. [KOTIR U MÊRÛ].....	66
21. [GURG U LEGLEG].....	66
22. [XANEDANÎ]	67
23. [HEĻO U TAWUS].....	67
II. QISEY XOŞ U NESTEQ.....	68
III. PENDÎ PÊŞÎNAN.....	87
IV. ÇEND WUTARÎ PÊŞÎNAN.....	95
V. TAQÎKRAWEKANÎ KURD	97
VI. METEĻ.....	102
VII. GORANÎ	107
Lankorê lay le layê.....	107
SAWAR KUTAN.....	109
1. Le ger tome	109
2. Ew kanîyekey.....	111
3. Daniştîye.....	112
4. Awî Xazir.....	113
5. Mang le 'asman.....	113

6. Wez masî bûm.....	114
7. Çawit wekî.....	115
DIRWÊNE	115
1. Taxmey kîjan ewa hat	115
2. Yar Xezal	117
3. Deçme malî.....	117
4. Ew şew.....	119
ŞAYÎ U HELPERKÊ	119
1. Mangeşew xoşe (Sêpêyî)	119
2. Fatimê zalimê (Suskeyî)	120
ŞENEBA	120
1. Bayê şemar.....	120
2. Gwarey kete semayê	121
3. Birêne baye semar	122
DEMETEQÊ	122
1. Daîk u kiç.....	122
2. Were.....	123
BESTE U GORANÎ	124
1. Hatye teyrî germênê	124
2. Şewzelar	125
3. Xozge	125
ПЕРЕВОД ТЕКСТОВ.....	127
I. СКАЗКИ	129
1. Златочубый и Жемчужнозубая.....	129
2. Аха-ткач	133
3. Красавица-невеста	140
4. [Падишах и везир]	146
5. Ткач и дракон.....	152
6. [Хитрая вдова]	155
7. [Хабе].....	160
8. [Богач и бедняк].....	164
9. [Пускание сокола]	168
10. [Сила провидения]	171
11. [Сказка про ягненка]	174
12. [Бой быков]	176
13. Мудрый старик	178
14. [Делай добро].....	179
15. [Сказка о сестре и брате]	181
16. Советы соловья	183
17. [Золотых дел мастер и плотник]	186
18. Сказка о падишахе и пастухе	188

[Сказки о животных]	191
19. Козел и братец-лис	191
20. Горлица и ящерица	191
21. Волк и анст	192
22. Знатное происхождение	192
23. Орел и павлин	193
II. ЗАБАВНЫЕ ИСТОРИИ, АНЕКДОТЫ	194
III. ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ	218
IV. УСТОЙЧИВЫЕ СРАВНЕНИЯ-ПОГОВОРКИ, МЕТАФОРЫ	231
V. НАРОДНЫЕ ПОВЕРЬЯ	234
VI. ЗАГАДКИ	240
VII. ПЕСНИ	245
Колыбельная	245
ИЗ ЦИКЛА «МОЛОТЬБА»	247
1. Я тебе [говорю]... ..	247
2. Тот родник	249
3. Сидит	250
4. Воды Газыра	251
5. Луна в небе	252
6. Был я рыбкой	252
7. Глаза твои	253
ИЗ ЦИКЛА «ЖАТВА»	253
1. Идет стайка девушек	253
2. Любимая Хазал	255
3. Иду я	255
4. В эту ночь	257
ИЗ ЦИКЛА «ХОРОВОДНЫЕ»	257
1. Луна хороша ([Танец] Сепейи)... ..	257
2. Фатъма-мучительница ([Танец] Сускаи)	258
ИЗ ЦИКЛА «ВЕЯНИЕ ЗЕРНА»	259
1. Сверный ветер	259
2. Сережки се задрожали	259
3. Скажите ветру северному	260
ИЗ ЦИКЛА «ШУТОЧНЫЕ ПЕСНИ»	261
1. Мать и дочь	261
2. Иди [же сюда]	262
РАЗНЫЕ	262
1. Прилетела птичка южная	262
2. Шавзалар	263
3. Хоть бы!	264
ГЛОССАРИЙ	266
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА	270

З. А. Юсупова
ЮЖНОКУРДСКИЕ
ФОЛЬКЛОРНЫЕ ТЕКСТЫ
(транскрипции, перевод, примечания)

Утверждено к печати Ученым советом СПб ФИВ РАН

Набор — *В. А. Меленцевич*
Технический редактор — *Е. М. Денисова*
Корректор — *А. В. Минеева*

Подписано к печати 15.09.04. Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Объем 17 п. л. Тираж 300 экз.

Санкт-Петербургская издательская фирма «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1

ISBN 5-02-027014-8

9 785020 270145